Сочиненія Густава Эмара.

Искатель слѣдовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе П. П. Сойкина
12, Стремянная, 12.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Апрѣля 1899 г.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная ул., д. № 12.

Искатель слѣдовъ.

I. Въ которой авторъ доказываетъ, что случай, это—проявленіе промысла Божія.

Южная Калифорнія представляетъ изъ себя большой полуостровъ, который простирается отъ залива Тодосъ-Сантосъ до мыса св. Лукаръ, занимая въ ширину пространство мѣстами 50, мѣстами въ 130 километровъ. Довольно высокая, изобилующая вулканами Кордильера, дѣлитъ этотъ полуостровъ по длинѣ на двѣ равныя половины. Съ юго-восточной стороны его омываетъ Тихій океанъ, а съ западной Калифорнійскій заливъ.

Хотя мѣстами здѣсь и наблюдается самая роскошная растительность, но въ общемъ эта страна скорѣе безплодная, бѣдная и мало населенная. Въ то время, когда начинается нашъ разсказъ, она была еще мало извѣстна, и не имѣла никакихъ торговыхъ сношеній ни съ одной изъ сосѣднихъ странъ. Населеніе ея, за очень небольшимъ исключеніемъ, состояло изъ бродячихъ, т. е. кочевыхъ племенъ индѣйцевъ, совершенно независимыхъ отъ мексиканскаго правительства, не признававшихъ ни мексиканскихъ законовъ, ни мексиканскихъ нравовъ и обычаевъ.

Въ эпоху своего владычества, испанцы имѣли большіе виды на эту прекрасную страну: они основали здѣсь нѣсколько городовъ весьма значительныхъ, мало того, ко времени начала войны за независимость, испанцы успѣли про-

вести прекрасную широкую дорогу черезъ весь Калифорнійскій полуостровъ, предполагая соединить ее впослѣдствіи съ Верхней Калифорніей и Новой Мексикой. Девятнадцатаго іюня 1833 г., предъ закатомъ солнца, т. е. часовъ около шести вечера, изъ за поворота той самой большой дороги, о которой мы упомянули выше, выѣхалъ всадникъ. Онъ только что спустился съ крутыхъ и далеко не безопасныхъ горъ Кордильеръ, немного повыше Ностра-Сеньора-де-Гваделупа, и, повидимому, направляясь въ Санетъ-Діего-дель-Ріо, первый, т. е. ближайшій большой городъ Верхней Калифорніи, лежащій по ту сторону залива де Тодосъ-Сантосъ.

Дорога, на всемъ протяженіи, насколько могъ видѣть глазъ, была совершенно безплодна. Какъ видно, путникъ сдѣлалъ уже порядочный конецъ, такъ какъ богатая одежда его была такъ густо покрыта тонкой, бѣлой пылью, что становилось трудно распознать настоящій ея цвѣтъ. Конь его, великолѣпнѣйшій степной мустангъ, выносливое, сильное животное, на тонкихъ точно выточенныхъ ногахъ, съ красивою нервною головою и умными, огневыми глазами, казался измученнымъ; онъ какъ-то неохотно переступалъ, часто пріостанавливаясь, несмотря на ободренія и ласковыя понуканія своего господина. Господинъ этотъ былъ красивый молодой человѣкъ лѣтъ 27 не болѣе, стройный, статный, съ чисто европейскимъ типомъ лица, безъ малѣйшихъ признаковъ примѣси другой крови. Тонкія, правильныя черты, большіе, умные глаза, красивый, немного надменный, но отнюдь не злой ротъ и прямой, открытый взглядъ дышали прямодушіемъ и недюжинной энергіей. Ростомъ выше средняго, онъ былъ сложенъ удивительно пропорціонально и обладалъ необычайной гибкостью и граціей; его движенія были мягки и плавны, и все въ немъ было какъ-то особенно изящно. Но, несмотря на его, быть можетъ, немного женственную мягкость манеръ, съ перваго взгляда становилось ясно, что подъ этой изящной мягкостью и аристократической небрежностью таится сила, необычайная ловкость и проворство. Густыя пряди черныхъ изъ подъ съ синеватымъ отливомъ вьющихся

кольцами волосъ, ниспадая съ широкополой поярковой шляпы, густой волной ложились ему на плечи, красиво обрамляя матово-блѣдное лицо. Изящно подкрученные темные усы, не скрывавшіе даже и верхней губы, придавали ему какую-то своеобразную привлекательность, невольно останавливавшую на немъ вниманіе каждаго, кто его видѣлъ.

Несмотря на видимое утомленіе, молодой человѣкъ держался прямо и твердо въ сѣдлѣ, и смѣлый открытый взглядъ его беззаботно блуждалъ по сторонамъ. Доѣхавъ до того мѣста, гдѣ противъ поворота въ узенькую лѣсную тропинку возвышался у самой дороги, на высокомъ каменномъ пьедесталѣ такой-же крестъ, молодой человѣкъ съ минуту призадумался, но затѣмъ смѣло свернулъ всторону съ большой дороги и поѣхалъ по узенькой лѣсной тропинкѣ, пролегавшей по самой чащѣ лѣса, манившаго своими апельсинными, лимонными и кокосовыми деревьями. Спускаясь по едва примѣтному скату, этотъ лѣсъ принималъ съ каждымъ шагомъ характеръ дремучаго дѣвственнаго лѣса. Путникъ начиналъ ощущать нѣкоторое безпокойство, тѣмъ болѣе что вотъ уже нѣсколько времени, какъ до его слуха сталъ доноситься какой-то странный шумъ, замѣтно усиливавшійся по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ.

Вдругъ лѣсъ широко разступился на обѣ стороны и то, что представилось удивленнымъ глазамъ молодого путника, невольно вырвало у него крикъ восторга и удивленія. Разомъ осадивъ коня, онъ невольно залюбовался открывшимся передъ нимъ дивнымъ видомъ.

Онъ очутился на половинѣ ската довольно высокой горы, отлого спускавшейся къ песчаному прибрежью, за которымъ широко раскинулось во всѣ стороны необъятное синее море. Яркій, искрящійся на солнцѣ золотистый песокъ простирался на сотни метровъ, широкой каймой обрамляя съ трехъ сторонъ неспокойное, волнующееся море. Безпорядочныя косматыя волны, увѣнчанныя, точно сѣдинами сребристобѣлой пѣной, съ шумомъ и ревомъ разбивались о прибрежныя скалы или же съ глухимъ ропотомъ набѣгали на берегъ и

журча разсыпались мелкими струйками и брызгами по плоскимъ камушкамъ отмели.

Глубоко врѣзавшееся въ сушу море образовало здѣсь естественную гавань, доступъ въ которую, былъ однако весьма затруднителенъ. При самомъ входѣ въ заливъ лежалъ небольшой, поросшій лѣсомъ островокъ, оставлявшій по обѣ стороны по весьма узкому проходу, гдѣ могли проходить суда лишь съ очень незначительной вмѣстимостью, напр. не болѣе трехсотъ или четырехсотъ тоннъ. По обѣ стороны бухты, точно выростая изъ моря, торчали на самомъ краю берега громадныя, темныя скалы, точно сторожевые великаны, преграждающіе путь неугомоннымъ волнамъ. На берегу толпилось множество народа, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, всѣ спѣшили съ громкими криками, цѣлымъ градомъ ругательствъ и бранныхъ словъ, пущенныхъ на вѣтеръ, укрыть въ надежное мѣсто свои лодки и челны,—единственное достояніе этого бѣднаго люда. Тамъ, въ уголку, на берегу залива пріютились, прячась отъ любопытныхъ взглядовъ за громадными скалами прибрежья и послѣдними группами развѣсистыхъ деревьевъ того лѣса, изъ котораго только что выѣхалъ молодой путникъ, раскинувшись въ живописномъ безпорядкѣ, жалкія хижинки рыбацкаго селенія. Въ данный моментъ всѣ эти хижинки были пусты, потому что обитатели ихъ, отъ мала до велика, хлопотали на берегу, около своихъ лодокъ и челновъ.

Весь этотъ пейзажъ, залитый послѣдними лучами заходящаго солнца, былъ по истинѣ художественъ, полонъ жизни и красокъ,—и молодой человѣкъ невольно залюбовался имъ. Несмотря на усталость, на крупный дождь и рѣзкій вѣтеръ, хлеставшіе ему въ лицо, онъ, вѣроятно, долго простоялъ-бы такъ, предавшись созерцанію, если бы его не вывелъ изъ задумчивости быстрый галопъ лошади, чуть не наскочившей на крупъ его коня. Онъ оглянулся, но здѣсь на опушкѣ лѣса было уже совсѣмъ темно, и различить что либо было очень трудно.

— Кто тутъ?—окликнулъ онъ.

— Dios me libre! Это вы, донъ Торрибіо?—весело отозвался чей-то голосъ

— Аа, Пэпъ Ортисъ!—проговорилъ молодой человѣкъ,—поздно-же ты пріѣхалъ!

— Лучше поздно, чѣмъ никогда, братъ! Повѣрите-ли, съ той самой минуты, какъ мы разстались, я не останавливался ни на минуту!

— Убилъ-ли ты хоть одного изъ этихъ ягуаровъ?

— Полно! Они, вѣдь, не такъ просты, чтобы поддаться сразу! Но это не бѣда! Я шелъ все время по ихъ слѣду, съ самаго полдня, и теперь знаю, гдѣ ихъ найти. На этотъ разъ, ужъ больно ловки будутъ они, если уйдутъ изъ моихъ рукъ!

— Хмъ!—усмѣхнулся донъ Торрибіо, вотъ уже трое сутокъ, какъ они водятъ насъ за носъ!

— Ну, это вина ваша, братъ!

— Моя?

— А какъ-же! вы вздумали и путешествовать, и охотиться въ одно и то же время! А это невозможно!

— Но сами ягуары внушили мнѣ эту мысль: они слѣдовали все время какъ разъ по тому направленію.

— Оно какъ будто и такъ, а стоитъ только имъ довѣриться, такъ они, пожалуй, приведутъ насъ въ Орегонъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, желаю имъ пріятнаго пути; ужъ я, конечно, не послѣдую туда за ними.

— О мы еще увидимъ ихъ! Вѣдь, эти ягуары всегда любятъ возвращаться на тѣ мѣста, гдѣ были раньше!

— Прекрасно, но что мы будемъ дѣлать теперь? Погода портится, все предвѣщаетъ бурю,—и оставаться здѣсь нѣтъ никакой возможности!

— Здѣсь не болѣе мили до форта Санъ-Мигуель! Стоитъ только подняться опять въ гору и ѣхать по большой дорогѣ, съ которой мы свернули сюда.

— Наши кони сильно утомлены; вѣдь, эти черти, ягуары, трое сутокъ гоняютъ ихъ!

— Да, это правда! Въ такомъ случаѣ спустимся внизъ,

тамъ, на берегу, на разстояніи нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ, должна быть рыбацкая деревенька.

— Знаю, я ее видѣлъ за нѣсколько минутъ до заката солнца, когда ночь не успѣла еще окутать всего своимъ непроницаемымъ покровомъ! Но я теперь не помню, въ какомъ именно направленіи находится этотъ пуэбло!

— Я тоже ничего не знаю объ этомъ,—сказалъ Пэпъ Ортисъ,—а потому самое разумное будетъ, если мы вернемся въ чащу лѣса и тамъ построимъ шалашъ (jacal)!

— Хмъ! Эта мысль мнѣ совсѣмъ не нравится!—съ усмѣшкой сказалъ донъ Торрибіо.

— Эхъ, чортъ возьми, братъ! Вѣдь, ужъ въ лѣсу, конечно, не то, что дома на печи! Но одна то ночь не цѣлый вѣкъ; и не увидишь, какъ пройдетъ!

— Что дѣлать!—сказалъ молодой человѣкъ, повидимому, не совсѣмъ довольный перспективой провести ночь въ лѣсу въ такую непогоду.—Проклятые ягуары!—пробормоталъ онъ и уже повернулъ коня, когда къ нимъ неожиданно подскакалъ третій всадникъ.

Остановившись подлѣ нихъ, онъ вглядѣлся въ ихъ лица при свѣтѣ своей сигары, затѣмъ почтительно раскланялся съ дономъ Торрибіо и сказалъ:

— Сеньоръ, mi amo, зачѣмъ вамъ трудиться строить jacal, который не въ состояніи укрыть васъ отъ непогоды, когда всего въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда есть пуэбло, гдѣ въ каждой хижинѣ, начиная съ моей, вы найдете и теплый ужинъ и надежный кровъ?! Смотрите, съ этой погодой шутить нельзя! Вѣрьте слову Педро Гутіерресъ,—такъ зовутъ меня,—это не простая буря, а настоящій cordon nazon (ураганъ); ужъ я не ошибусь, не бойтесь!

— Я ни мало не сомнѣваюсь въ томъ, что вы правы, сеньоръ Педро Гутіерресъ!—отвѣчалъ донъ Торрибіо, но до пуэбло еще далеко, а наши кони совсѣмъ устали!

— Далеко?! — воскликнулъ съ удивленіемъ вновь прибывшій,—да здѣсь не больше десяти минутъ ѣзды!

— Неужели?! Развѣ это такъ близко?

— Да, и если вашей милости будетъ угодно, я провожу васъ туда!

— Vive Dios! Къ чорту этотъ jacal, впередъ!

Гутіерресъ не обманулъ; дѣйствительно, менѣе десяти минутъ спустя наши путники въѣзжали въ селеніе и какъ разъ во время успѣли укрыться отъ непогоды въ хижинкѣ гостепріимнаго человѣка, котораго послала имъ судьба.

Немногочисленное населеніе этой забытой и заброшенной деревньки занималось исключительно рыболовствомъ, или, если сказать правду, то главнымъ образомъ, контрабандой. Это столь незамѣтное и жалкое мѣстечко вело такимъ путемъ торговлю съ Франціей, Англіей и Соединенными Штатами на громадныя цифры. Всѣ обороты производились здѣсь черезъ посредство береговыхъ судовъ вмѣстимостью отъ 100 до 200 тоннъ. Только такія суда могутъ безъ особаго риска подходить къ этому берегу далеко не безопасному, вслѣдствіе многочисленныхъ мелей, рифовъ и сыпучихъ песковъ, преграждающихъ путь судамъ и гонимыхъ различными теченіями, то въ ту, то въ другую сторону. Случалось, что иногда и бриги съ немалымъ рискомъ приставали къ этому берегу, но чаще ихъ противъ воли прибивало сюда вѣтрами или сильнымъ морскимъ теченіемъ.

Семья Педро Гутіерреса радушно приняла дона Торрибіо и его спутника. Обсушившись и поужинавъ отварной рыбой и тортиллами изъ маиса (родъ ватрушекъ или лепешекъ) и запивъ все это пулькомъ и мезкалемъ, молодой человѣкъ плотно завернулся въ свой плащъ (зарапъ) и, протянувъ ноги къ огню, заснулъ крѣпкимъ сномъ, убаюканный воемъ и свистомъ вѣтра, свирѣпствовавшаго съ неистовою силой на дворѣ и потрясавшаго до основанія убогую хижинку Гутіерреса.

Съ восходомъ солнца онъ былъ внезапно пробужденъ ужасными криками, раздававшимися какъ будто надъ самымъ его ухомъ. Проворно вскочивъ на ноги, онъ оглядѣлся; но въ хижинѣ, кромѣ него не было никого; тогда онъ торопливо вышелъ за порогъ и очутился на обширной площади взморья.

Взорамъ его представилось прекрасное, величественное

и вмѣстѣ душу раздирающее зрѣлище. Небо было сплошь цвѣта индиго; ослѣпительно яркое солнце разливало кругомъ свои лучи,—и въ противоположность, страшнѣйшій ураганъ вырывалъ съ корнемъ деревья и мчалъ ихъ съ такою быстротой, какъ-будто это были не гиганты лѣсовъ, а жалкія соломенки; по пути онъ вздымалъ цѣлыя тучи песку и мелкихъ камешковъ и крутилъ ихъ въ воздухѣ съ какимъ-то зловѣщимъ свистомъ.

Жители маленькой деревеньки, громко возносили свои молитвы къ Богу, распростершись на землѣ и сопровождая свои полныя невыразимаго отчаянія воззванія слезами и громкими воплями. Обезумѣвшій отъ страха скотъ въ своихъ загонахъ тревожно метался изъ стороны въ сторону, изъ угла въ уголъ, отыскивая выходъ и издавая жалобные крики.

Море представляло собой страшную картину хаоса: взбаломученная стихія, точно голодный звѣрь, разверзала свою пасть, готовая ежеминутно поглотить все, что попадетъ. Громадныя волны, увѣнчанныя сверкающей бѣлой пѣной, съ ревомъ набѣгали на берегъ и съ глухимъ раскатомъ, подобнымъ отдаленному грому, разбивались о прибрежныя скалы или дробились на пескѣ, увлекая за собой, кружа, какъ песчинку, и менѣе чѣмъ въ минуту превращая въ мелкія щепки злополучную лодку или челнъ, оставленную ея владѣльцами на берегу.

А тамъ, всего на разстояніи выстрѣла отъ берега, погибалъ большой, прекрасный бригъ, брошенный на скалу, носившую названіе Frayle. Несчастное судно засѣло въ расщелинѣ этой скалы и волны, безпощадно раскачивая его изъ стороны въ стороны, злобно потрясали, подбрасывали его кверху и грозя ему ежеминутной гибелью. Были минуты, когда громадный валъ приподымалъ его на невѣроятную вышину и затѣмъ съ трескомъ бросалъ о ту-же грозную скалу, между тѣмъ какъ налетѣвшая во слѣдъ волна на мгновеніе совершенно поглощала его, а затѣмъ, перескочивъ

черезъ палубу, продолжала катиться дальше, все съ тою-же неугомонной поспѣшностью и злобой.

Съ берега можно было ясно различать фигуры мужчинъ, женщинъ и дѣтей, съ отчаяніемъ простиравшихъ руки, моля о помощи, которую никакая человѣческая сила не могла подать имъ. По временамъ крики и вопли этихъ несчастныхъ доносились, вмѣстѣ со свистомъ вѣтра, и наполняли души молящихся скорбью и безплоднымъ сожалѣніемъ.

У хижины, изъ которой только что вышелъ донъ Торрибіо, собралось человѣкъ пятнадцать рыбаковъ. Все это были старые, опытные моряки, бывшіе матросы, лоцмана, отважные контрабандисты, исколесившіе всѣ океаны, жизнь которыхъ прошла въ постоянной борьбѣ съ бурной стихіей. Они угрюмо и печально слѣдили за гибелью судна, совершавшеюся на ихъ глазахъ. Отдѣльныя части брига одна за другой отрывались свирѣпыми ударами разбушевавшихся волнъ и уносились въ даль или тотчасъ-же превращались въ щепки; съ минуты на минуту надо было ожидать, что и самое судно, разбитое и совершенно безпомощное, пойдетъ ко дну и поглотится алчной бездной, раскрывшей подъ нимъ свою ненасытную пасть и съ ревомъ призывавшей свою жертву. По мѣрѣ того, какъ солнце подымалось выше, вѣтеръ стихалъ; буря, достигшая своего крайняго предѣла, повидимому, собиралась мало по малу стихнуть; но тѣмъ не менѣе ураганъ все еще продолжалъ свирѣпствовать, и на морѣ волненіе было страшное.

Донъ Торрибіо подошелъ къ группѣ рыбаковъ и, обращаясь къ Педро Гутіерресъ, сказалъ:

— Что-же?

— Да что?! Вы сами видите, ваша милость!—отвѣтилъ онъ, указывая на бригъ, который безпощадно било и заливало волнами.

— Да, я вижу, что человѣкъ двадцать нашихъ братьевъ погибаютъ на нашихъ глазахъ. Тамъ есть и женщины, и дѣти! Неужели мы ничего не сдѣлаемъ для ихъ спасенія и не шевельнемъ пальцемъ, чтобы избавить ихъ отъ страшной смерти?

Рыбаки посмотрѣли на молодого человѣка съ самымъ простосердечнымъ выраженіемъ не то удивленія, не то недоумѣнія.

— Посмотрите только, что дѣлается на морѣ, ваша милость!—сказалъ старшій изъ группы,—вы видите, они должны погибнуть,—для нихъ спасенія нѣтъ: не пройдетъ часа, какъ отъ этого брига не останется ни одной доски!

— Въ часъ времени можно много сдѣлать!—горячо возразилъ донъ Торрибіо,—отчего не попытаться спасти этихъ несчастныхъ?

— Но это значило-бы искушать Господа Бога!—убѣжденно замѣтилъ старый рыбакъ.

— Нѣтъ!—воскликнулъ молодой человѣкъ,—нѣтъ сеньоры, Господь, Который есть высшее милосердіе и благость, радуется, когда видитъ, что люди жертвуютъ собою для другихъ! Пытаясь спасти этихъ несчастныхъ, мы будемъ бороться противъ злого духа, вызвавшаго эту ужаснѣйшую бурю,—и Богъ поможетъ намъ въ добромъ дѣлѣ!

— Прекрасно сказано! Это—слова истиннаго христіанина!—сказалъ священникъ деревеньки, незамѣтно приблизившійся къ группѣ. — Слова Писанія гласятъ: „Кто самъ трудится, тому и Богъ помогаетъ!“ Но,—увы!—добавилъ онъ, вздыхая,—море дѣйствительно ужасно бурное!

— Потому-то эта попытка и можетъ быть названа добрымъ дѣломъ, самоотверженнымъ поступкомъ, иначе это было-бы дѣло обыкновенное!—воскликнулъ съ большимъ воодушевленіемъ молодой человѣкъ.

— Аминь!—вымолвилъ священникъ, осѣняя себя крестомъ.

Это былъ еще совершенно молодой человѣкъ изъ хорошей, богатой семьи, какихъ, къ сожалѣнію, очень мало въ мексиканскомъ духовенствѣ; онъ принялъ санъ священника по призванію и могъ-бы безъ труда получить одинъ изъ богатѣйшихъ приходовъ, но, изъ смиренія и любви къ ближнимъ, самъ избралъ это забытое селеніе, въ глухомъ углу, вдали отъ людныхъ, шумныхъ центровъ.

Пожавъ руку священнику, донъ Торрибіо заглянулъ подъ навѣсъ, гдѣ была убрана прекраснѣйшая китобойная шлюпка со всѣми необходимыми принадлежностями промысла, и, обращаясь къ рыбакамъ, спросилъ:

— Чья эта лодка?

— Моя, ваша милость!—отозвался Педро Гутіерресъ,— какъ видите, она совершенно готова и можетъ быть спущена па воду въ любой моментъ! Вотъ если-бы только погода была болѣе благопріятная...

— Благопріятная или неблагопріятная,—все равно, эта шлюпка сейчасъ выйдетъ въ море! — рѣшительно и громко проговорилъ молодой человѣкъ,—вытащите ее изъ подъ навѣса, я даю за нее пятьсотъ піастровъ.

— Съ этими словами онъ досталъ изъ кармана своихъ брюкъ, длинный, вязанный кошелекъ съ червонцами.

— Пятьсотъ піастровъ! — съ недоумѣніемъ воскликнулъ Гутіерресъ,—она не стоитъ и половины этихъ денегъ!

— Мнѣ дѣла нѣтъ до того, сколько она стоитъ! Я предлагаю эту цѣну; надо только, не тратя даромъ времени, вытащить ее на берегъ и спустить на воду!

— Я—человѣкъ семейный и бѣдный! Какъ-же могъ отказаться отъ такой суммы, какую вы сами добровольно предлагаете мнѣ?! И, хотя я боюсь грѣха...

— Грѣха тутъ нѣтъ! — прервалъ его донъ Торрибіо,— скорѣе, готовьте шлюпку, я хочу испробовать ее сейчасъ-же.

— Не дѣлайте этого, ваша милость! Видите сами, что тамъ дѣлается! Зачѣмъ идти на вѣрную смерть, когда отъ этого никому пользы не будетъ?!

— Я убѣжденъ въ противномъ!—горячо возразилъ донъ Торрибіо, вручая Педро Гутіерресу 33 золотыхъ унца,—я убѣжденъ, что Богъ, внушившій мнѣ мысль сдѣлать, что можно для спасенія этихъ несчастныхъ, не дастъ мнѣ погибнуть. Ну, торопитесь-же друзья, я попытаюсь достигнуть судна, хотя-бы мнѣ пришлось отправиться одному!

— Насъ будетъ двое, ваша милость, — сказалъ Пэнъ Ортисъ,—неужели вы думали, что я васъ отпущу одного?!

— Если позволите, сеньоръ, я также отправлюсь съ вами,—сказалъ и молодой священникъ.

Тутъ вдругъ произошло нѣчто совсѣмъ невѣроятное: всѣ эти люди, такъ упорно отказывавшіеся сопровождать отважнаго молодого человѣка и считавшіе непозволительнымъ безумьемъ эту попытку, теперь наперерывъ спѣшили изъявить свое желаніе ѣхать съ нимъ, лишь-бы только не допустить своего возлюбленнаго пастыря подвергать опасности свою жизнь.

— Хорошо, друзья мои! — говорилъ со слезами на глазахъ растроганный священникъ, — но, вѣдь, всѣ вы отцы, мужья, у каждаго изъ васъ есть семья, а я—человѣкъ совершенно одинокій и никому ненужный! Отпустите-же вы меня туда, куда призываетъ меня мой долгъ!

— Нѣтъ, нѣтъ падре!—возставали всѣ они въ одинъ голосъ,—не ѣздите съ ними, мы не допустимъ этого! Что будетъ съ нами, если мы вдругъ лишимся васъ?! Кто станетъ учить и наставлять нашихъ ребятъ, ухаживать за нашими больными, лечить ихъ, кто будетъ утѣшать нашихъ женъ и вдовъ? Нѣтъ, падре, лучше пусть гибнетъ кто-нибудь изъ насъ, только не вы!

Между тѣмъ старый рыбакъ, Педро Гутіерресъ и нѣсколько другихъ проворно готовили шлюпку; такъ какъ все было въ полномъ порядкѣ, то задержки не было ни въ чемъ.

— Сеньоръ падре, вы намъ необходимы здѣсь, чтобы организовать надлежащимъ образомъ дѣло спасенія!—сказалъ донъ Торрибіо;—мы попытаемся установить безпрерывное сообщеніе между гибнущимъ судномъ и этимъ берегомъ. Оставшись на берегу, вы сумѣете поддержать здѣсь порядокъ.

— Хорошо!—согласился священникъ,—я останусь здѣсь и постараюсь сдѣлать все, что могу!

— Благодарю, я сильно разсчитываю на ваше содѣйствіе, сеньоръ падре,—сказалъ донъ Торрибіо, пожимая руку молодого священника.

Затѣмъ молодой человѣкъ вскочилъ вслѣдъ за Пэномъ Ортисъ, Гутіерресъ, Тіо Перрика, такъ звали стараго моряка,—и двумя другими рыбаками, въ шлюпку, ожидавшую перваго большого вала, который поднялъ-бы и вынесъ ее въ открытое море.

Ожидать пришлось не долго: набѣжавшій сбоку громадный валъ, ударившись о камни, шагахъ въ десяти позади шлюпки, подхватилъ ее и съ стремительной быстротой помчалъ въ море.

— Господи благослови!—воскликнулъ донъ Торрибіо.

— Да хранитъ васъ Богъ, чада мои!—сказалъ священникъ, стоя на самомъ краю берега и рискуя ежеминутно быть унесеннымъ волной,—да хранитъ васъ Богъ!—повторилъ онъ и, набожно сложивъ руки и возведя глаза къ небу, произнесъ громкимъ звучнымъ голосомъ: „Боже! спаси и сохрани ихъ“!

То были послѣднія слова, донесшіяся до слуха отважныхъ мореходцевъ.

Нѣсколько мгновеній шлюпка металась въ ужасномъ хаосѣ, которому нѣтъ ни имени, ни названія: гигантскія волны, какъ разъяренные звѣри, съ дикимъ ревомъ вздымались со всѣхъ сторонъ, мчались на встрѣчу и обступали злополучную шлюпку, грозя ежеминутно залить и поглотить ее или разбить въ щепки.

Кругомъ не было видно ничего, кромѣ грознаго бушующаго моря, злобно и упорно трудившагося надъ погибелью этой горсти отважныхъ смѣльчаковъ. Донъ Торрибіо съ большимъ трудомъ управлялся съ рулевымъ весломъ, стараясь направить лодку такимъ образомъ, чтобы она лишь вскользь касалась волнъ, которыя, нагоняя другъ друга, высоко громоздились стѣной и безпрерывно преграждали ей путь. Но экипажъ маленькой шлюпки былъ опытный, смѣлый и отважный; всѣ эти люди издавна привыкли къ трудной борьбѣ съ разъяренной стихіей, и потому ничто не устрашало и не смущало ихъ. Садясь на шлюпку, всѣ они заранѣе просто и наивно жертвовали собой и были готовы раз-

статься съ жизнію во всякій данный моментъ безъ ропота и малодушныхъ сожалѣній. Послѣ тяжелой, получасовой борьбы со злобной стихіей, шлюпка, наконецъ, выбилась изъ водоворота ревущихъ волнъ прибоя и очутилась достаточно далеко отъ берега, чтобы находиться въ сравнительной безопасности. У каждаго изъ рыбаковъ вырвался вздохъ облегченія; шлюпка приблизилась къ гибнущему судну. По разсчету дона Торрибіо, они должны были не позже, какъ черезъ какихъ-нибудь полчаса быть достаточно близко къ бригу, чтобы вступить въ переговоры съ экипажемъ, хотя подойти къ бригу вслѣдствіе безчисленныхъ рифовъ и подводныхъ камней, между которыми онъ засѣлъ, не было никакой возможности.

Съ брига также замѣтили шлюпку; призывные крики и крики о помощи стали раздаваться съ удвоенной силой. Вѣтеръ продолжалъ слабѣть; буря стихала, но море все еще сильно волновалось и, повидимому, должно было пройти еще не мало времени, прежде чѣмъ страшныя волны улягутся и море придетъ въ болѣе покойное состояніе. Донъ Торрибіо и всѣ рыбаки прекрасно понимали это, но дѣлать было нечего.

Вдругъ съ брига окликнули шлюпку.

— Оэ! Китобойная шлюпка!—раздался окликъ на французскомъ языкѣ.

— Hola!—отозвался со шлюпки донъ Торрибіо на томъже языкѣ,—какое это судно?

— „Лафайеттъ“ изъ Бордо, капитанъ Пеллегринъ, — идетъ теперь отъ сѣверо-западныхъ береговъ. Вы не можете подойти къ намъ: мы засѣли на рифѣ!

— Я знаю,—отвѣчалъ донъ Торрибіо,—по мы можемъ установить сообщеніе.

— Имѣете вы при себѣ канатъ?

— Да, и конецъ его укрѣпленъ на берегу!

— Я прикажу выкинуть вамъ буйки!

— Нѣтъ, погодите, лучше я попытаюсь достигнуть судна вплавь!

— Не дѣлайте этого! Въ данныхъ условіяхъ это немыслимо!

— Съ Божіей помощью, все возможно!—отвѣтилъ молодой человѣкъ.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что шлюпка получила легкій толчекъ; онъ обернулся и увидѣлъ, что одинъ изъ его людей кинулся въ море и поплылъ по направленію къ судну. Человѣкъ этотъ былъ Пепъ Ортисъ. Пока донъ-Торрибіо переговаривался съ командиромъ брига, этотъ славный парень проворно раздѣлся и, обмотавъ вокругъ себя конецъ каната, кинулся въ море, желая этимъ избавить своего господина отъ надобности подвергать свою жизнь опасности. Донъ-Торрибіо горестно вскрикнулъ, но затѣмъ, тотчасъже овладѣвъ собою, произнесъ покойнымъ рѣшительнымъ тономъ:

— Вдвоемъ-то намъ, конечно, удастся добраться до брига!—и, не теряя ни минуты, онъ передалъ рулевое весло Тіо Пэррико, который принялъ его безъ слова и, сбросивъ съ себя въ одинъ моментъ лишнее платье, въ свою очередь кинулся въ море.

Едва только молодой человѣкъ очутился среди волнъ, какъ понялъ насколько необходимо было ему кинуться во слѣдъ за своимъ вѣрнымъ слугой. Жертвуя собою ради своего господина, Пепъ Ортисъ, конечно, спасъ ему этимъ жизнь, такъ какъ одинъ донъ-Торрибіо, при всей своей силѣ и замѣчательномъ искусствѣ плавать, не могъ доплыть до брига.

Канатъ, обмотанный вокругъ тѣла великодушнаго Пепа Ортиса, которому приходилось тащить его за собою, до того стѣсняло его движенія, что онъ съ большимъ трудомъ подвигался впередъ. Въ тотъ же моментъ, когда молодой господинъ поравнялся съ нимъ, онъ уже едва переводилъ духъ: намокшій канатъ сталъ до того тяжелъ, что точно камень тянулъ его ко дну.

— Ухватись руками за мои плечи и повисни на мнѣ, пусть только одна голова у тебя остается надъ водою, отдохни!—вскрикнулъ донъ-Торрибіо.

Но добрый парень не соглашался

— Ну хорошо-же,—сказалъ донъ-Торрибіо,— если такъ, то умремъ вмѣстѣ, и ты будешь виновникомъ моей смерти!

Тогда, напуганный этими страшными словами, Пепъ Ортисъ повиновался. Донъ-Торрибіо плылъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ съ Пепомъ Ортисъ за спиною; когда силы послѣдняго вернулись, онъ снова принялся плыть, а донъ-Торрибіо помогалъ тащить канатъ, который мало-помалу разматывали и спускали на шлюпкѣ.

Такъ продолжалось около получаса, показавшагося цѣлою вѣчностью для измученныхъ пловцовъ, изнемогавшихъ подъ тяжестью каната. Наконецъ, они подплыли къ самому бригу.

— Ohé!—крикнулъ капитанъ.

— Holà—отозвался донъ-Торрибіо.

— Вотъ причалъ!

— Погодите!—отвѣчалъ молодой человѣкъ и, обратившись къ Пепу Ортису, спросилъ:—можешь ты въ продолженіи всего пяти минутъ продержать одинъ этотъ канатъ?

— Да, но только поторапливайтесь, братъ!

Дѣйствительно, не смотря на свою необычайную силу, онъ едва могъ держаться на водѣ. Господинъ его не терялъ ни минуты.

— Давайте!—крикнулъ онъ,—насъ двое, и мы тащимъ канатъ!

— Знаемъ!—отвѣтилъ командиръ,—принимайте!

Съ этими словами онъ самъ бросилъ имъ причалъ такъ ловко, что донъ-Торрибіо поймалъ его почти на лету. На концѣ причала было двойное сидѣнье.

Молодой человѣкъ поспѣшилъ посадить Пепа Ортисъ, который положительно изнемогалъ, промѣшкай онъ еще одну минуту, бѣдный парень пошелъ-бы ко дну. Несмотря на то, что онъ не желалъ сѣсть первымъ, донъ-Торрибіо не слушалъ его возраженій. Лишь только ему удалось надежно привязать Пепа Ортисъ къ одному сидѣнью, а на другомъ

умѣститься самому, какъ Богъ помогъ, онъ весело крикнулъ: „Тащите“!

Минуту спустя, отважные пловцы были уже на бригѣ.

Первою заботой капитана послѣ того, какъ онъ горячо обнялъ и расцѣловалъ вновь прибывшихъ, было освободить бѣднаго Пепа Ортисъ отъ страшной тяжести обмотаннаго вокругъ его тѣла каната и затѣмъ налить каждому пловцу по большой чаркѣ старой французской водки, которую эти послѣдніе выпили залпомъ.

Это давно испытанное средство сразу вернуло имъ силы и совершенно оживило и подбодрило ихъ.

Пассажиры и пассажирки, дѣти и матросы толпились около своихъ спасителей, призывая на нихъ благословеніе неба, что не мало удивляло обоихъ мексиканцевъ, которые считали свое поведеніе весьма естественнымъ.

— Вы лоцманъ?—освѣдомился командиръ.

— Да,—не задумываясь отвѣчалъ донъ-Торрибіо,—какое ваше положеніе въ данную минуту?—спросилъ онъ въ свою очередь

— Какъ видите, положеніе наше отчаянное, но корпусъ остался невредимъ! Если-бы мнѣ удалось выбраться отсюда и хотя-бы сѣсть на мель, то судно безъ сомнѣнія погибло, но мнѣ удалось-бы спасти не только всѣхъ людей, но и мой грузъ, который представляетъ собою большую цѣнность.

— Какъ вы засѣли? Какимъ мѣстомъ?

— Только кормовой частью, на послѣднемъ рифѣ, имѣя надежный причалъ, прочно укрѣпленный на берегу! Это, пожалуй, могло-бы спасти меня.

— Отлично? Мы стащимъ васъ отсюда!—сказалъ молодой человѣкъ,—предоставьте только все это дѣло мнѣ.

— Сдѣлайте одолженіе, я буду очень радъ, приказывайте; съ этой минуты вы одинъ полновластный хозяинъ здѣсь.

— Такъ это рѣшено! Слушайте-же меня внимательно: этотъ канатъ, который я привезъ вамъ, идетъ пе изъ шлюпки, онъ укрѣпленъ на берегу.

— Въ самомъ дѣлѣ?!—радостно воскликнулъ командиръ брига.

— Къ чему мнѣ лгать?!

— Дѣйствительно! Простите ради Бога!

— Вы должны укрѣпить за канатъ надежный кабельтовъ и постепенно спустить его въ море! Поняли вы меня?

— Понялъ-ли я? Конечно! Вотъ вы увидите.—И капитанъ тотчасъ же принялся за работу вмѣстѣ съ матросами. Съ берега слѣдили за каждымъ движеніемъ на бригѣ: какъ только донъ-Торрибіо подалъ сигналъ, тамъ стали тянуть канатъ; менѣе чѣмъ черезъ часъ времени, къ немалой радости всѣхъ присутствующихъ, канатъ натянулся, какъ струна. Между тѣмъ командиръ брига распорядился облегчить кормовую часть судна отъ груза и снести его на носъ; благодаря этому, съ помощью прибоя бригъ сталъ приподматься; — тогда весь, экипажъ бросился поворачивать брашпиль, и вотъ, почувствовалось едва замѣтное движеніе впередъ.—Бригъ подался и вслѣдъ затѣмъ плавно пошелъ, слегка покачиваясь на волнахъ, оставивъ за собою страшные рифы.

Однако, на всѣ эти сложные маневры потребовалось не мало времени; прошло ужъ болѣе семи часовъ съ того момента, какъ смѣльчаки разстались съ берегомъ. За это время буря замѣтно стала стихать, вѣтеръ, дувшій съ моря, не имѣлъ уже ничего внушающаго серьезныя опасенія; даже волненіе на морѣ немного улеглось. Тіо Перрико со своими товарищами подошелъ къ бригу,—и всѣ четверо рыбаковъ взошли на судно.

— Ну, теперь слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы спасти не только людей и грузъ, но также и самый бригъ!—сказалъ донъ-Торрибіо командиру.

— Хмъ!—печально отозвался онъ,—это, къ несчастію, невозможно.

— Нѣтъ, если корпусъ не поврежденъ и при томъ проченъ, то это вовсе не такъ трудно!

— Какъ я уже говорилъ вамъ, корпусъ нисколько не пострадалъ!

— Прекрасно! Въ такомъ случаѣ, ставьте четвероугольные паруса и пользуйтесь благопріятнымъ для васъ вѣтромъ! Ваша большая шлюпка и моя пирога будутъ буксировать васъ; я берусь довести васъ до хорошаго, якорнаго мѣста.

— Если вы сдѣлаете это!—со слезами на глазахъ воскликнулъ капитанъ,—вы спасете мнѣ честь!

— Въ такомъ случаѣ, ваша честь въ надежныхъ рукахъ, за это я вамъ ручаюсь, только не мѣшкайте и дѣлайте, что я вамъ говорю!

— Сейчасъ, сейчасъ!—воскликнулъ капитанъ, пожимая руки дона-Торрибіо до боли.

Онъ въ точности исполнилъ всѣ данныя ему молодымъ мексиканцемъ наставленія, и, часа за два до заката солнца, спасенное отъ вѣрной гибели судно, плавно покачивалось на двухъ надежныхъ якоряхъ въ прекрасно защищенной бухточкѣ.

Въ тотъ-же вечеръ пассажиры брига сошли на берегъ и помѣстились въ церковномъ домѣ, гдѣ гостепріимный молодой священникъ предложилъ имъ временный пріютъ.

Когда бригъ очутился въ полной безопасности, командиръ прежде всего пожелалъ отблагодарить и вознаградить человѣка, оказавшаго ему такую громадную услугу, но донъ-Торрибіо не захотѣлъ принять вознагражденія и удовольствовался одной словесной благодарностью, что весьма огорчило капитана. Особенно характернымъ былъ отвѣтъ, полученный дономъ - Торрибіо отъ Гутьерреса, отвѣчавшаго отъ имени всѣхъ своихъ товарищей, на выраженное молодымъ человѣкомъ желаніе вознаградить тѣхъ отважныхъ рыбаковъ, которые участвовали съ нимъ въ опасной экспедиціи.

— Возьмите, ваша милость, эти деньги,—сказалъ рыбакъ, возвращая дону-Торрибіо полученные имъ за шлюпку тридцать три унца;—моя пирога нисколько не пострадала; слѣдовательно, я никакого убытка не потерпѣлъ. Вамъ она те-

перь больше не нужна, такъ пусть же она опять останется за мной, какъ если бы и не переставала принадлежать мнѣ. Что же касается нашихъ трудовъ, за которые вы хотите заплатить намъ, ваша милость, то ни я, ни мои товарищи денегъ за это не возьмемъ,—за деньги, въ такую адскую погоду, никто изъ насъ не поѣхалъ-бы съ вами! Богъ насъ помиловалъ, и мы уже достаточно вознаграждены тѣмъ, что видимъ васъ живымъ и здоровымъ!

Донъ-Торрибіо былъ очень тронутъ этими послѣдними словами рыбака и попытался было настаивать, но это ему не удалось.

Покончивъ, наконецъ, съ этимъ вопросомъ, молодой человѣкъ отправился въ церковный домъ, какъ обѣщалъ священнику.

Повинуясь какому-то необъяснимому побужденію, донъ-Торрибіо рѣшилъ пробыть въ этомъ пуэбло нѣсколько дней. Зачѣмъ и для чего—онъ самъ не могъ сказать. Эта мысль явилась у него внезапно, при видѣ пассажировъ брига, отправлявшихся въ церковный домъ, еще взволнованными и едва оправившимися послѣ всѣхъ ужасовъ грозившей имъ опасности. Судя по всему, это были люди богатые и, какъ надо полагать, принадлежавшіе къ высшему кругу мексиканскаго общества.

Изъ скромности-ли, изъ ложнаго-ли стыда, или по какой-либо другой причинѣ, донъ-Торрибіо желалъ до поры-до времени сохранить свое инкогнито передъ этими людьми. Въ виду этого онъ просилъ священника представить его своимъ гостямъ въ качествѣ капитана мелкаго судна или старшины лоцмановъ, не болѣе того. Священникъ охотно согласился на это, тѣмъ болѣе, что самъ ничего не зналъ о личности и общественномъ положеніи молодого человѣка; онъ только могъ предполагать одно, а именно, что донъ-Торрибіо, вѣроятно, богатъ, потому что готовъ былъ сыпать деньгами направо и налѣво, ни мало не задумываясь.

Что-же касается гостей священника, то слѣдуетъ прежде всего сказать, что всѣ семеро принадлежали къ одной семьѣ.

Изъ нихъ четверо—господъ и трое слугъ. Начнемъ описывать ихъ по порядку. Глава семьи, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, чрезвычайно изящной наружности, высокаго роста, статный и красиво сложенный господинъ, могъ-бы назваться положительнымъ красавцемъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, если-бы не его глаза, обладавшіе, какъ глаза хищныхъ животныхъ, способностью то съуживаться, то расширяться и отсвѣчивавшіе при томъ какимъ-то страннымъ фосфорическимъ блескомъ. Острый проницательный взглядъ его, ни на чемъ не останавливавшійся, тревожный, бѣгающій, скользилъ по лицамъ и предметамъ, постоянно перебѣгая,—неуловимый и загадочный, блестѣвшій изъ подъ полу-опущенныхъ вѣкъ, производилъ какое-то жуткое, непріятное впечатлѣніе.

Жена этого господина была значительно моложе его годами,—ей можно было дать не болѣе двадцати пяти лѣтъ. Это была поразительная красавица, трогательная красота которой казалась еще болѣе привлекательной вслѣдствіе матовой блѣдности и грустнаго, не то задумчиваго, не то покорно-кроткаго выраженія ея прелестнаго лица.

Далѣе шла молодая дѣвушка, лѣтъ семнадцати, очевидно, дочь старика отъ перваго брака. Ея наружность едва-ли могла-бы поддаться описанію, если-бы свыше вдохновенный Рафаэль не создалъ божественные образы своихъ несравненныхъ Мадоннъ и тѣмъ самымъ не познакомилъ насъ съ этой необычайной, высокой красотой.

Младшимъ отпрыскомъ этой семьи являлся прелестный мальчуганъ лѣтъ девяти, бойкій черноглазый ребенокъ, съ цѣлою шапкой густыхъ темныхъ кудрей, прекрасно обрамлявшихъ дѣтски-шаловливое личико этого маленькаго херувима,—любимца и баловня отца.

Изъ слугъ достоинъ нѣкотораго вниманія родъ майордома, Замбо [1]), человѣкъ лѣтъ пятидесяти съ лишнимъ, ужасно долговязый и худой, какъ щепа, съ рѣзкими, неправильными чертами и мрачной угрюмой физіономіей.

Глава семьи заставлялъ называть себя просто дономъ

[1]) Помѣсь негра.

Мануэль, жену его звали донна Франциска, дочь—донна-Санта, и это имя какъ нельзя болѣе шло къ ней; мальчика звали Хуанъ, но чаще называли уменьшительнымъ Хуанито. Угрюмый Замбо отзывался на странную кличку, или вѣрнѣе прозвище Нараиха, т. е. апельсинъ, которымъ онъ, вѣроятно, былъ обязанъ зеленовато-желтому цвѣту своей кожи.

И вотъ, вмѣсто того, чтобы по утру распрощаться съ гостепріимной рыбацкой деревенькой, донъ-Торрибіо продолжалъ проживать день за днемъ въ убогой хижинкѣ Педро Гутіерреса. Дѣло въ томъ, что этотъ молодой человѣкъ съ перваго взгляда безумно полюбилъ донну-Санту; едва только ихъ взгляды встрѣтились, какъ онъ почувствовалъ, что какой-то доселѣ незнакомый ему трепетъ прошелъ по его членамъ. Невольно схватился онъ рукой за сердце: оно билось такъ сильно и такъ часто, будто хотѣло вырваться изъ своей тѣсной тюрьмы и летѣть на встрѣчу этой прелестной дѣвушкѣ.

Донъ-Торрибіо въ первый разъ въ жизни любилъ глубоко и серьезно. Любовь эта вдругъ, сразу овладѣла его душой, и въ ней одной онъ видѣлъ для себя теперь счастіе цѣлой жизни. Вмѣсто того, чтобы противиться ему, бороться съ этимъ, такъ внезапно нахлынувшимъ на него чувствомъ, не обѣщавшимъ желаннаго исхода въ будущемъ, онъ съ упоеніемъ предавался ему, съ жадностью упивался этими первыми сердечными порывами. Чувствуя себя счастливымъ въ настоящемъ, онъ не думалъ и не хотѣлъ думать о будущемъ.

Въ силу всего вышесказаннаго, молодой человѣкъ почти не покидалъ въ теченіе дня приходскаго дома, гдѣ онъ всегда былъ желаннымъ гостемъ для хозяина, а также и для всѣхъ его гостей, за исключеніемъ быть можетъ одного дона-Мануэля, который относился къ нему довольно холодно и смотрѣлъ какъ-то недовѣрчиво на безотлучное его присутствіе въ этомъ домѣ. Впрочемъ, донъ-Торрибіо былъ вѣдь въ его глазахъ не болѣе, какъ искусный лоцманъ, человѣкъ, не имѣющій никакого значенія въ сравненіи съ нимъ и стоящій неизмѣримо ниже его. Къ счастію, мнѣніе над-

меннаго старика ни мало не интересовало молодого человѣка; онъ упивался чарующимъ пѣвучимъ голосомъ и ласковымъ взглядомъ донны-Санты. Кромѣ нея, онъ никого и ничего не видѣлъ, не слышалъ и не замѣчалъ. Съ самонадѣянностью, свойственной почти всѣмъ влюбленнымъ, молодой человѣкъ рѣшилъ, что и обожаемая имъ дѣвушка тоже не совсѣмъ равнодушна къ нему. Вывелъ онъ это заключеніе изъ того, что каждый разъ, при его появленіи, донна Санта привѣтствовала его самой очаровательной улыбкой, которая точно лучъ солнца озаряла все ея лицо.

Такъ прошло дней десять, если не болѣе.

II. Въ которой читатель ближе знакомится съ домомъ-Торрибіо.

Въ своемъ любопытномъ трудѣ о нравахъ, обычаяхъ и спеціальныхъ типахъ жителей banda orientale [1]), донъ-Доминго-Франциско Сарміэнто выставляетъ на первый планъ, какъ наиболѣе любопытный своеобразный и совершенно необычайный типъ Растреадора.

Надо прожить долгое время въ безпредѣльныхъ пампасахъ, раскинувшихся на всемъ громадномъ пространствѣ отъ Буэносъ-Айреса и до Мендозы, чтобы вполнѣ усвоить себѣ значеніе этого слова, то рѣдкое, ни съ чѣмъ несравнимое качество, которое подразумѣвается подъ этимъ словомъ.

Всѣ гаучасы, т. е. простолюдины и вольные охотники американскихъ лѣсовъ, и всѣ безъ исключенія краснокожіе— въ большей или меньшей степени растреадоры, иначе говоря, искусные и опытные слѣдопыты. Это, въ сущности, цѣлая наука, добытая путемъ многолѣтняго опыта, изслѣдованій, наблюденій и изученія различныхъ характерныхъ особенностей слѣда и долголѣтнею привычкой къ своеобразному характеру степей. Но въ строгомъ смыслѣ слова „Растреа-

---

[1]) Banda orientale („восточная полоса“), какъ называютъ въ Южной Америкѣ Урагвай.

доръ“—нѣчто совсѣмъ особенное. Этотъ сортъ людей существуетъ на самомъ дѣлѣ только въ аргентинской республикѣ. Растреадоръ, собственно говоря, почти оффиціальное должностное лицо, его слова считаются несомнѣнными доказательствами передъ судомъ, потому что онъ никогда не ошибается: все, что онъ утверждаетъ, можетъ быть безъ труда доказано во всякое время

Нѣтъ такой почвы, на которой растреадоръ не могъ бы производить своихъ изслѣдованій; онъ съ одинаковою легкостью отыскиваетъ слѣдъ среди многолюднаго города, какъ и въ безлюдной степи; ничто не смущаетъ и не вводитъ его въ заблужденіе; онъ входитъ и выходитъ, уходитъ и приходитъ, смотритъ, приглядывается, ищетъ и всегда достигаетъ цѣли своихъ поисковъ или изслѣдованій, какъ бы хитеръ и ловокъ не былъ тотъ, который желаетъ укрыться отъ него.

Такъ, напр., Сарміэнто разсказываетъ въ своемъ сочиненіи, о которомъ мы упоминали выше, какъ нѣкій растреадоръ былъ приглашенъ въ Буэносъ-Айресъ и введенъ въ домъ, въ которомъ ночью совершено было убійство. Преступникъ не оставилъ по себѣ никакихъ уликъ, за исключеніемъ на половину стертаго уже слѣда ноги. Внимательно вглядѣвшись въ этотъ слѣдъ, растреадоръ твердымъ, увѣреннымъ шагомъ выходитъ изъ дома и даже не глядя на почву, идетъ по слѣдамъ преступника, взглядывая только время отъ времени на мостовую или тротуаръ, какъ если бы глаза его обладали способностью видѣть рельефное изображеніе слѣда на этихъ плитахъ, на которыхъ никто изъ сопровождавшихъ его не могъ различить ровно—ничего. Не останавливаясь, не задумываясь, онъ проходитъ нѣсколько улицъ, пересѣкаетъ площади, проходитъ сады, потомъ вдругъ совершенно неожиданно сворачиваетъ въ сторону, дѣлаетъ крюкъ и останавливается передъ однимъ домомъ и, указывая на находящагося тамъ человѣка, произноситъ: „Это онъ берите его“! И что-же? Оказывается, что это, правда, преступникъ: онъ даже не сталъ отрицать своей виновности.

Не очевидно-ли, что человѣкъ, который можетъ дѣлать

нѣчто подобное, долженъ быть одаренъ рѣдкою необычайною способностью—чѣмъ то въ родѣ чутья?!

Изъ безчисленнаго множества различныхъ болѣе или менѣе необычайныхъ разсказовъ, передаваемыхъ Сарміэнто, мы приведемъ одинъ—о знаменитомъ растреадорѣ Калибаръ, разсказъ почти невѣроятный.

Однажды Калибаръ отправился въ Буэносъ-Айресъ; въ его отсутствіе, у него выкрали его любимаго коня. Его жена накрыла слѣдъ полѣномъ. Два мѣсяца спустя растреадоръ вернулся домой и нашелъ уже совершенно изгладившійся слѣдъ, незамѣтный для каждаго другого человѣка, но совершенно ясный для него. Увидавъ этотъ слѣдъ, онъ даже не сказалъ никому ни слова объ этомъ дѣлѣ. Полтора года спустя Калибаръ шелъ, опустивъ голову вдоль улицы, одного изъ предмѣстьевъ Буэносъ-Айреса; вдругъ онъ останавливается передъ однимъ домомъ, идетъ прямо въ конюшню и находитъ тамъ своего коня, уже заѣзженнаго и не пригоднаго къ службѣ: онъ отыскалъ слѣдъ похитителя два года спустя послѣ похищенія его любимаго коня.

Какою тайной обладаютъ эти растреадоры, въ чемъ заключается секретъ ихъ ремесла? Какой особенной силой и проницательностью отличается зрѣніе этихъ людей отъ зрѣнія другихъ?—Все это такіе вопросы, на которые нѣтъ отвѣта, нѣтъ разъясненія, это какая-то загадка!

Лѣтъ за семнадцать до начала нашего разсказа, въ свѣтлый майскій вечеръ, часу въ десятомъ, по узкой лѣсной тропинкѣ, проложенной дикими звѣрями, въ густой и темной чащѣ громаднаго лѣса, въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія отъ Розаріо, ѣхалъ шагомъ на превосходномъ степномъ конѣ, человѣкъ, котораго съ перваго-же взгляда легко было признать за гаучо, т. е. степного жителя.

Это былъ человѣкъ лѣтъ около пятидесяти, высокаго роста и крѣпкаго сложенія, онъ казался въ полномъ разцвѣтѣ силы и молодости. Его пріятное, энергичное лицо носило отпечатокъ необычайной кротости, ясности духа, а ласковый

взглядъ большихъ черныхъ глазъ, смотрѣвшихъ прямо и открыто, говорилъ о честности и прямодушіи.

Не то мечтательное, не то задумчивое выраженіе его лица носило легкій оттѣнокъ грусти. Онъ ѣхалъ медленно, задумавшись, машинально покуривая сигару, голубоватый дымъ которой, клубясь вокругъ него, окружалъ его голову точно блѣднымъ сіяніемъ.

Проѣхавъ нѣкоторое время звѣриной тропой, путникъ выѣхалъ на распутье. Вдругъ онъ сдержалъ коня, и взглядъ его остановился съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ любопытствомъ, на брошенной звѣриной шкурѣ, лежавшей у подножья громаднаго дерева. Казалось, будто подъ этой шкурой что-то спрятано, или что-то прикрыто ею.

Нашъ путникъ бросилъ сигару, соскочилъ съ коня и, закинувъ поводья за луку сѣдла, подошелъ къ тому дереву, подъ которымъ лежала шкура.

Невольный крикъ удивленія вырвался у него изъ груди: подъ шкурой лежалъ ребенокъ лѣтъ шести—семи, бѣлокурый, кудрявый, какъ херувимъ; онъ лежалъ, съежившись, чтобъ защитить себя отъ холода, и спалъ, сжавъ кулаченки, такъ сладко и такъ крѣпко, какъ спятъ лишь въ этомъ возрастѣ.

— Что-бы это было? — прошепталъ про себя гаучо,— бѣдняжка,—какъ онъ спитъ!—Затѣмъ, простоявъ нѣсколько времени въ раздумьи, продолжалъ:—какимъ образомъ очутился здѣсь этотъ ребенокъ? Въ такую пору, въ этомъ глухомъ лѣсу, населенномъ множествомъ дикихъ звѣрей? Тутъ кроется какая-нибудь тайна!—добавилъ онъ, задумчиво качая головой.

Нагнувшись къ землѣ, онъ нѣсколько минутъ внимательно разглядывалъ почву кругомъ того мѣста, гдѣ спалъ дитя, какъ-бы желая прочесть тайну, которая очевидно скрывалась здѣсь. Наконецъ, пробормотавъ нѣсколько непонятныхъ словъ, подошелъ къ ребенку и осторожно потрясъ его за плечико стараясь его разбудить.

Мальчуганъ широко раскрылъ большіе, умные, прекрас-

ные глаза и взглянулъ ими прямо въ лицо человѣка, такъ неожиданно прервавшаго его сонъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь, дитя мое?—ласково спросилъ его путникъ,—стараясь на сколько можно смягчить свой голосъ, чтобы не запугать ребенка.

— Я спалъ, сеньоръ!—улыбаясь отвѣтилъ онъ.

— Кто-же привелъ тебя сюда?

— Человѣкъ съ длинной бородой.

— Ты, вѣроятно, знаешь его, этого человѣка; знаешь, какъ его зовутъ?

— Нѣтъ, я его совсѣмъ не знаю! Я игралъ тамъ на набережной, гдѣ такъ много высокихъ, красивыхъ домовъ!

— А, въ Буэносъ-Айресѣ?

— Не знаю, можетъ быть...

— И что-же онъ сдѣлалъ этотъ человѣкъ?

— Онъ подъѣхалъ ко мнѣ и спросилъ, не хочу-ли я сѣсть вмѣстѣ съ нимъ на его лошадь, а другой человѣкъ поднялъ меня и посадилъ на сѣдло впереди того человѣка, у котораго была такая длинная борода.

— А человѣка, который тебя посадилъ на сѣдло, ты знаешь?

— Нѣтъ!

— Человѣкъ съ длинной бородой привезъ тебя сюда?

— О, не сейчасъ, не скоро; я пробылъ съ нимъ три дня!

— Ты его не боялся?

— Нѣтъ! онъ былъ добрый, шутилъ, смѣялся, давалъ мнѣ сладости, а тамъ на кораблѣ всѣ меня били!

Собесѣдникъ ребенка немного призадумался, а затѣмъ продолжалъ:

— А долго-ли ты былъ на кораблѣ?

— Да, очень долго.

— Какъ тебя зовутъ?

— Не знаю, сеньоръ!

— Но какъ-же тебя называли на кораблѣ?

— Рубіо.

Путникъ досадливо поморщился.

— Давно-ли же ты здѣсь?

— Да, очень давно! Человѣкъ съ длинной бородою снялъ меня съ лошади, накормилъ и затѣмъ сказалъ: „Спи, пока я пойду напоить лошадь“. Затѣмъ онъ крѣпко поцѣловалъ меня и я увидѣлъ, что онъ плачетъ. „О чемъ ты плачешь?“— спросилъ я его; а онъ сказалъ: „Бѣдняжка, ты это скоро самъ узнаешь; я принужденъ повиноваться, спи-же, будь умница, Богъ не покинетъ тебя“! Онъ пошелъ къ лошади, а я крикнулъ ему: „Ты скоро вернешься“? „Да“, „да“!—закричалъ онъ и ускакалъ.—Сведите меня къ нему, пожалуйста!

— Это невозможно, дитя мое!—съ волненіемъ въ голосѣ отвѣчалъ растроганный гаучо,—но оставаться здѣсь тебѣ нельзя, тутъ тебя могутъ съѣсть дикіе звѣри. Хочешь ѣхать со мной?

— Съ радостью! Вы—добрый человѣкъ, вѣдь вы не сдѣлаете мнѣ ничего дурного?

— Я? упаси меня Богъ! Напротивъ, я буду очень любить тебя! И схвативъ мальчика на руки, онъ принялся цѣловать его такъ крѣпко, что чуть не задушилъ его.

— Какъ это пріятно, когда ласкаютъ и любятъ!—сказалъ мальчикъ,—вѣдь если мы ихъ встрѣтимъ, тѣхъ, вы не позволите имъ бить меня, какъ они это всегда дѣлали?!

— Не бойся, я никому не дамъ тебя въ обиду!

— Правда?

— Да, я тебѣ обѣщаю, что никто не посмѣетъ теперь тронуть тебя!

— Ахъ!—радостно воскликнулъ мальчикъ, обхвативъ шею своего новаго друга обѣими рученками,—какъ я буду любить васъ за это!

Тѣмъ временемъ нашъ путникъ успѣлъ уже вскочить въ сѣдло, помѣстивъ передъ собой ребенка; послѣ чего продолжалъ свой путь, на этотъ разъ не шагомъ, а полной рысью: онъ спѣшилъ домой.

Во все время пути, ребенокъ не переставалъ болтать, а его новый другъ и покровитель охотно отвѣчалъ ему, шу-

тилъ съ нимъ и смѣялся. Не прошло и четверти часа, какъ этотъ рослый сильный человѣкъ и блѣдный слабенькій ребенокъ были уже лучшими друзьями въ свѣтѣ. Можно было подумать, видя ихъ вмѣстѣ, что они издавна знаютъ другъ друга: такъ хорошо они понимали одинъ другого и такъ глубоко сочувствовали одному и тому-же.

Между тѣмъ наши путешественники успѣли уже выѣхать изъ лѣса и ѣхали нѣсколько времени по берегу прекрасной рѣчки, притоку Параны.

Вдругъ не вдалекѣ блеснулъ привѣтный огонекъ, точно свѣтъ маяка въ темной ночи. Путники наши быстро проскакали небольшое пространство, отдѣлявшее ихъ отъ огонька, и остановились у воротъ ранчо [1]), который, на сколько можно было судить въ темнотѣ, былъ не изъ второстепенныхъ.

Три или четыре огромныхъ собаки уже давно успѣли возвѣстить громкимъ лаемъ о прибытіи путниковъ и теперь съ радостнымъ визгомъ прыгали вокругъ лошади.

Вышедшій на встрѣчу пріѣзжимъ пеонъ [2]) взялъ лошадь подъ уздцы и повелъ ее въ конюшню, между тѣмъ какъ гаучо съ немалымъ затрудненіемъ пролѣзалъ въ двери ранчо съ ребенкомъ на рукахъ.

Мальчуганъ не только не пугался шумныхъ ласкъ и громкаго лая собакъ, прыгавшихъ вокругъ своего господина и по своему привѣтствовавшихъ его возвращеніе, а смѣялся и игралъ вмѣстѣ съ ними.

Въ первой комнатѣ ранчо находилось нѣсколько человѣкъ мужчинъ и женщинъ; хозяйка дома, женщина лѣтъ тридцати пяти, но все еще очень красивая, съ кроткимъ, привѣтливымъ лицомъ, сразу располагавшимъ въ ея пользу, увидя входившаго мужа, встрѣтила его съ распростертыми объятіями, улыбающаяся и радостная. Всѣ остальные собравшіеся здѣсь люди были работники и работницы.

— На, возьми Хуанита!—сказалъ гаучо, передавая ей

---

[1]) Трактиръ.

[2]) Слуга.

съ рукъ на руки ребенка.—Господь послалъ мнѣ на дорогѣ это бѣдное брошенное людьми созданіе.

Онъ будетъ братомъ нашего Пепа!—сказала женщина,—нѣжно цѣлуя мальчика, который тотчасъ-же обхватилъ ея шею руками и въ свою очередь сталъ цѣловать ее.

— Ну, и слава Богу!—весело сказалъ гаучо,—выходитъ, что вмѣсто одного ребенка у насъ ихъ будетъ двое!

— Да,—отозвалась его жена, продолжая цѣловать ласкавшагося къ ней мальчика,—если Господь послалъ намъ его, значитъ Онъ хочетъ, чтобы я стала матерью этому ребенку!

— Да будетъ воля Божія!—съ чувствомъ произнесъ ея мужъ.

Съ этого момента несчастный покинутый ребенокъ имѣлъ нѣжную любящую мать и семью.

Два дня спустя, предоставивъ обоимъ мальчуганамъ играть и кататься по травѣ съ собаками, подъ надзоромъ заботливой жены своей, гаучо вскочилъ на коня и поѣхалъ въ Буэносъ-Айресъ.

Донъ Хуанъ Мигуель Кабаллеро, такъ звали этого гаучо, былъ родомъ изъ Діамантины, но въ очень юномъ возрастѣ покинулъ семью, чтобы скитаться по пампасамъ, гдѣ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, сталъ однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ гаучо и, вмѣстѣ съ тѣмъ, знаменитѣйшимъ растреадоромъ. Отъ самаго Буэносъ-Айреса и до Мендозы, Хуанъ Мигуель Кабаллеро пользовался такою репутаціей, передъ которой всякій преклонялся съ глубокимъ уваженіемъ.

Растреадоры, всѣ безъ исключенія, сознавали его превосходство и съ гордостью признавали его своимъ главой. О немъ ходили самые странные, самые невѣроятные слухи; ему приписывали сверхъестественныя познанія и положительно невѣроятное чутье, нѣчто въ родѣ дара ясновидѣнія.

Несмотря на то, что знаменитый растреадоръ вовсе не гнался ни за какимъ вознагражденіемъ, всѣ тѣ, кому онъ имѣлъ случай оказать какую-нибудь услугу, спѣшили, по мѣрѣ силъ и возможности, отблагодарить его, вслѣдствіе

чего онъ, совершенно помимо своей воли, сталъ богатымъ человѣкомъ. Конечно, настолько богатымъ, насколько это возможно въ пампасахъ для человѣка честнаго. Впрочемъ, даже и во всякомъ другомъ мѣстѣ онъ могъ-бы назваться если не богачемъ, то во всякомъ случаѣ, человѣкомъ состоятельнымъ. Какъ-бы велика или мала не была цифра его состоянія, онъ вполнѣ удовольствовался имъ и чувствовалъ себя счастливымъ въ своей семьѣ, подлѣ жены и обожаемаго имъ сына Пепа, въ кругу нѣсколькихъ близкихъ друзей, на которыхъ всегда могъ разсчитывать въ случаѣ нужды. Чего еще желать?—Онъ обладалъ желѣзнымъ здоровьемъ, и пользовался ничѣмъ не запятнанной репутаціей и громкой извѣстностью, которой всякій другой на его мѣстѣ ужасно-бы гордился. Все ему улыбалось и въ настоящемъ и въ будущемъ.

Пепу не было тогда еще и пяти лѣтъ; слѣдовательно, онъ былъ немного моложе мальчугана, приданнаго ему въ качествѣ брата. Хуанъ Мигуель назвалъ его Торрибіо. Пепъ тоже былъ курчавый херувимъ, только не бѣлокурый, а смуглый и черноволосый. Оба мальчугана съ довѣрчивостью, свойственной этому возрасту, быстро сдружились и сроднились, какъ если бы были на самомъ дѣлѣ родные братья.

Однажды, видя дружбу дѣтей, донна Хуанита взяла обоихъ мальчиковъ, усадила ихъ на свои колѣни и стала ласкать; ребятки отвѣчали ей горячей лаской, ничуть не отставая другъ отъ друга, что наполнило сердце доброй женщины несказанной радостью.

Отсутствіе растреадора продолжалось на этотъ разъ долѣе чѣмъ онъ самъ предполагалъ; онъ вернулся въ ранчо лишь по прошествіи трехъ недѣль и казался грустнымъ, озабоченнымъ. Крѣпко расцѣловалъ обоихъ мальчугановъ, бросившихся къ нему съ громкимъ радостнымъ крикомъ: „Татита! querido tatita“! [1]), какъ только они завидѣли его еще издалека. Поцѣловавъ ихъ, Хуанъ-Мигуель сдѣлалъ

---

[1]) Папочка, дорогой папочка!

знакъ женѣ, чтобы она слѣдовала за нимъ въ другую комнату, гдѣ они заперлись и долго о чемъ-то бесѣдовали.

Что именно было предметомъ ихъ бесѣды, никто не зналъ, но несомнѣнно, что они говорили о чемъ-то невеселомъ, потому что Донна Хуанита казалась послѣ того разстроенной и опечаленной, да и самъ растреадоръ былъ не такой, какъ всегда.

— Вонъ, посмотри,—сказалъ онъ указывая женѣ на весело игравшихъ дѣтей, они возились, поминутно прерывая свои рѣчи громкимъ дѣтскимъ смѣхомъ, развѣ они не счастливы?

— Теперь, конечно, да, дай только Богъ, чтобы они всегда были такъ счастливы!—со вздохомъ сказала Хуанита.

— Да что! Никто какъ Богъ, люди кидаютъ своихъ дѣтей!—продолжалъ гаучо,—но Господь хранитъ ихъ: Онъ никогда не забываетъ своихъ созданій и всегда печется о нихъ!

Шло время; годъ за годомъ дѣтишки подростали. Хуанъ—Мигуель давно уже пересталъ различать родного сына отъ пріемыша, а Хуанита и съ самого начала не дѣлала между ними никакой разницы. Торрибіо минуло уже 17, а Пепу—16 лѣтъ; какъ тотъ, такъ и другой прекрасно выросли и развились на славу на свѣжемъ, чистомъ воздухѣ благоухающей пампы. Это были крупные, рослые, сильные, здоровые юноши, съ тою лишь разницей, что Торрибіо былъ болѣе изящнаго сложенія и отличался особенной изысканностью манеръ. Пепъ съ виду казался сильнѣе; сложенье у него было болѣе грубое, лицо не столь нѣжное и манеры немного угловатыя. Во всемъ остальномъ оба они были въ одинаковой степени, добросердечные—прямодушные, честные и любящіе юноши. Оба они стали отмѣнными солдатами и всѣмъ извѣстными гаучосо, ловкими удальцами во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ! Никто, какъ они, не могъ такъ быстро укротить самого ретиваго коня, такъ ловко закинуть лассо, и bolas [2]), а также такъ искусно владѣть

---

[7]) Шары на ремняхъ, которые раскачавъ въ воздухѣ бросаютъ: ремни обвиваются вокругъ добычи и буквально связываются.

всякимъ оружіемъ, шпагой, саблей, охотничьимъ ножемъ, ружьемъ и пистолетомъ, какъ эти двое выросшіе на волѣ юноши. Ловкость ихъ во всемъ этомъ была по истинѣ необычайная; что-же касается Торрибіо, то онъ положительно не имѣлъ соперниковъ.

Не далеко отъ ранчо дона Хуана Мигуеля, стояла превосходнѣйшая образцовая ферма, основанная отставнымъ французскимъ полковникомъ, который въ числѣ многихъ другихъ французовъ послѣ безпорядковъ 1815 г. покинулъ родину и искалъ убѣжища въ Америкѣ. Растреадору не разъ приходилось оказывать сосѣду немаловажныя услуги, которыя нельзя было вознаградить никакими деньгами, но французъ, человѣкъ находчивый, бывшій ученикъ парижской Ecole polytechnique (политехнической школы, нашелъ, чѣмъ отблагодарить сосѣда! Онъ рѣшилъ подѣлиться съ его мальчуганами кое чѣмъ изъ своихъ обширныхъ знаній. Зазвавъ дѣтей къ себѣ на образцовую ферму, онъ серьезно занялся ихъ образованіемъ. Вначалѣ, пока мальчики усваивали себѣ первоначальныя знанія и понятія о различныхъ вещахъ и наукахъ, оба ученика одинаково успѣшно подвигались впередъ, но вскорѣ между ними проявилась большая разница: Торрибіо во многомъ опередилъ своего названнаго брата; впрочемъ, послѣдній нимало не огорчился успѣхами брата; самъ онъ пріобрѣлъ все, что находилъ нужнымъ и полезнымъ для себя, а до остальнаго не имѣлъ никакой охоты. Пепъ прекрасно читалъ и писалъ, какъ по испански, такъ и по французски, зналъ ариѳметику, немного географіи и исторіи,—и этого, по его мнѣнію, было совершенно достаточно. Его неудержимо влекло въ просторъ лѣсовъ и необъятныхъ саваннъ; мало по малу онъ сталъ пренебрегать своими уроками и, наконецъ, совершенно отказался отъ занятій. Торрибіо же, въ противоположность Пепу, занимался съ величайшимъ усердіемъ, и чѣмъ больше онъ пріобрѣталъ разныхъ свѣдѣній, тѣмъ сильнѣе разгоралась въ немъ жажда знаній. Его чрезвычайно быстрое соображеніе помогало ему схватывать многое налету и разрѣшать вѣрно и быстро

самыя трудныя задачи.—Его успѣхи и способности приводили въ восхищеніе его преподавателя. Въ теченіе десяти лѣтъ молодой человѣкъ пріобрѣлъ всѣ тѣ знаніи, на которыя обыкновенно молодежь употребляетъ не менѣе пятнадцати. Въ одинъ прекрасный день, ученый французъ объявилъ, что никакихъ другихъ знаній онъ не можетъ передать ему, такъ какъ уже передалъ ему все что самъ зналъ.

Почтенный Хуанъ-Мигуель отъ души радовался всѣмъ пріобрѣтеннымъ молодымъ человѣкомъ знаніямъ и премудрости, хотя самъ и не былъ свѣдущъ ни въ чемъ этомъ; радовался тѣмъ болѣе, что всѣ эти познанія не помѣшали юношѣ стать самымъ искуснымъ и ловкимъ охотникомъ пампы, а кромѣ того, еще и выдающимся по своимъ способностямъ растреадоромъ, который, если только онъ будетъ продолжать это занятіе и упражняться въ нихъ, пріобрѣтая навыкъ и опытность, обѣщалъ превзойти его самаго.

Дѣйствительно, первой заботой Хуана-Мигуеля, какъ только его мальчуганы стали кое что понимать, было пріучать ихъ къ познанію слѣдовъ и исподволь готовить изъ нихъ растреадоровъ, которые со временемъ, когда онъ самъ состарѣется, могли-бы съ честью замѣнить его.

Достаточно было нѣсколькихъ вступительныхъ уроковъ, нѣсколькихъ случайныхъ прогулокъ, чтобы убѣдить опытнаго растреадора въ томъ, что родной сынъ его Пепъ, хотя и можетъ сдѣлаться со временемъ хорошимъ слѣдопытомъ и даже недюжиннымъ выслѣживателемъ, но никогда не сможетъ стать равнымъ ему старику въ этомъ дѣлѣ. У Торрибіо же онъ не могъ отрицать той врожденной способности, той загадочной силы и проницательности зрѣнія, той необычайной чувствительности глаза, какіе отличаютъ отъ остальныхъ людей—выдающихся растреадоровъ. Мальчикъ, конечно, и не подозрѣвалъ въ себѣ этихъ способностей и крайне удивился и обрадовался открытію своего названнаго отца.

Въ нѣсколько лѣтъ, благодаря усердному упражненію и основательному изученію слѣдовъ, подъ руководствомъ

опытнаго растреадора, врожденная способность Торрибіо развилась съ такой удивительной быстротой и въ такой сильной степени, что Хуанъ-Мигуель нѣсколько разъ позволялъ юношѣ замѣнить себя, при чемъ Торрибіо никогда не сдѣлалъ ни малѣйшаго промаха и ничѣмъ не вводился въ заблужденіе. Старый растреадоръ внутренно гордился своимъ воспитанникомъ и чувствовалъ себя счастливымъ при мысли о томъ, что по смерти своей онъ оставитъ послѣ себя достойнаго преемника, который, безъ сомнѣнія, не только не уступитъ ему, но вскорѣ даже превзойдетъ его самого.

Что касается Пепа, то и онъ былъ юноша не безъ достоинствъ, и будь онъ одинъ, онъ, вѣроятно, вполнѣ пользовался-бы заслуженнымъ уваженіемъ и вниманіемъ, но сравненіе съ Торрибіо окончательно губило его. Превосходство во всемъ этого послѣдняго дѣлало его совершенно незамѣтнымъ. Но замѣчательно, что этотъ прекрасный и благородный молодой человѣкъ не только не чувствовалъ себя обиженнымъ этимъ и не завидовалъ брату счастливчику, а, напротивъ, гордился имъ, съ особымъ удовольствіемъ расхваливалъ его повсюду, радовался его успѣхамъ и удачамъ и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывался къ брату.

Впрочемъ, между этими двумя братьями существовала еще одна никому неизвѣстная связь, въ силу которой дружеская привязанность Пепа къ брату превратилась въ безграничное обожаніе. Дѣло въ томъ, что Торрибіо два раза спасъ ему жизнь: однажды онъ вытащилъ его изъ Параны, когда Пепъ купался и, благодаря схватившей его судорогѣ, чуть не пошелъ ко дну, а Торрибіо, подоспѣвъ къ нему на помощь, вытащилъ его изъ воды и на рукахъ вынесъ на берегъ.

Въ другой разъ онъ спасъ его чудеснымъ образомъ изъ когтей тигра *cebado*, т.-е. испробовавшаго человѣческой крови Мы кстати здѣсь замѣтимъ, что когда тигръ или американскій ягуаръ одолѣлъ человѣка и сожралъ его, то вслѣдствіе того, что это мясо кажется ему несравненно вкуснѣе мяса разныхъ животныхъ, которыми онъ до тѣхъ поръ питался, онъ уже начинаетъ умышленно охотиться, т.-е. подстерегать

человѣка. Такого тигра здѣсь иначе и не называютъ какъ сэбадо,—и онъ становится чрезвычайно опаснымъ и кровожаднымъ. Съ такимъ-то тигромъ пришлось Пепу имѣть дѣло; Пепъ былъ охотникъ, какихъ мало, его пуля не знала промаха; послѣ довольно продолжительнаго преслѣдованія, ему наконецъ удалось загнать сэбадо въ его жилище: здѣсь ягуаръ обернулся къ нему лицомъ къ лицу, съ вызывающимъ видомъ, выжидая удобнаго момента сцѣпиться съ врагомъ. Пепъ хладнокровно вскинулъ ружье, прицѣлился и спустилъ курокъ: но вмѣсто выстрѣла, ружье взорвало, охотникъ упалъ навзничь въ полубезчувственномъ состояніи, и при томъ безоружный.

Ему грозила неминуемая гибель; не оставалось никакой даже малѣйшей надежды на спасеніе; онъ приподнялся на половину съ земли, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и сталъ шептать послѣднюю молитву; сэбадо издалъ торжествующій ревъ, прилегъ къ землѣ, затѣмъ присѣлъ на свои сильныя заднія лапы съ рѣзкимъ, пронзительнымъ рычаніемъ готовился сдѣлать прыжекъ — но въ самый моментъ этотъ раздался выстрѣлъ,—и ягуаръ грузною массой опрокинулся назадъ и остался недвижимъ, убитый на повалъ мѣткою пулей, прострѣлившей ему правый глазъ и засѣвшей въ черепѣ.

Точно облако застлало глаза бѣднаго Пепа, онъ почувствовалъ, что силы его покидаютъ и, въ слѣдующій за симъ моментъ, упалъ безъ чувствъ на землю.

Когда къ нему вернулося сознаніе, онъ увидѣлъ себя на рукахъ брата, который всячески хлопоталъ надъ нимъ съ нѣжной заботливостью женщины.

— Ты! Это ты опять!—воскликнулъ Пепъ, обхвативъ шею брата обѣими руками въ порывѣ безграничной признательности.

— Не говори только ничего объ этомъ нашей матери!—сказалъ Торрибіо, отвѣчая сердечной лаской на ласку брата—она, бѣдняжка, будетъ очень мучиться этимъ! Ты знаешь, вѣдь, какая она впечатлительная!

И ни тотъ, ни другой изъ молодыхъ людей не сказали дома ни слова объ этомъ случаѣ. Но старый растреадоръ, зналъ все; онъ оба раза невидимо присутствовалъ при спасеніи своего родного сына пріемнымъ его братомъ и каждый разъ изъ глубины души благодарилъ Всевышняго, пославшаго ему этого второго сына.

Однажды, тогда Торрибіо исполнилось уже 20 лѣтъ, а Пепу девятнадцать, старый растреадоръ былъ неожиданно вытребованъ въ Буэносъ-Айресъ. Предсѣдатель судебной палаты по части уголовныхъ дѣлъ прислалъ за нимъ, прося его не медлить, такъ какъ дѣло было первѣйшей важности и нельзя было терять ни минуты. Донъ Хуанъ-Мигуель тотчасъ-же вскочилъ на лошадь и ускакалъ.

Вотъ дѣло, по которому его вытребовали въ Буэносъ-Айресъ такъ неожиданно.

Въ продолженіе почти цѣлаго года шайка бандитовъ безчинствовала въ ближайшихъ окрестностяхъ города. Ежедневно приходилось слышать о какомъ-нибудь новомъ преступленіи; пригородныя фермы и усадьбы были разграблены; фермеры и ихъ семьи вырѣзаны и убиты; мало того, самыя фермы поджигали, скотъ уводили, караваны, отправлявшіеся въ Мендозу черезъ пампасы, останавливали и грабили, путешественниковъ убивали и обирали; при всемъ томъ не было никакой возможности розыскать виновниковъ всѣхъ этихъ преступленій. Тщетно подняли на ноги почти всѣхъ извѣстнѣйшихъ растреадоровъ, — ловкіе разбойники умѣли провести ихъ и сбить съ толку въ ихъ поискахъ. Люди эти были такъ предусмотрительны, такъ ловко умѣли хоронить концы въ воду, что не оставляли по себѣ нигдѣ ни малѣйшей улики, могущей выдать ихъ. Никто не могъ указать ни на какія примѣты или слѣды присутствія ихъ въ данномъ мѣстѣ. Никто не могъ сказать ни кто они, ни гдѣ они скрываются, и никто никогда не видѣлъ ихъ.

Спустя нѣсколько времени, эти неуловимые разбойники, потому-ли что уже не находили никакой подходящей для себя поживы въ опустошенныхъ и раззоренныхъ ими окре-

стностяхъ города — или-же ободренные своею безнаказанностью, проникли въ самый городъ. Вскорѣ только и стало слышно, что объ убійствахъ, ловко задуманныхъ и выполненныхъ, о грабежахъ, воровствахъ, о смѣлыхъ и дерзкихъ погромахъ, всякій разъ приведенныхъ въ исполненіе съ такой дьявольской хитростью и ловкостью, что столичная полиція, несмотря на всѣ свои старанія и удвоенную бдительность, принуждена была, въ концѣ концовъ, сознаться въ полной своей несостоятельности по отношенію къ этимъ ловкимъ разбойникамъ.

Весь городъ былъ въ ужасномъ страхѣ. Жители не осмѣливались высунуть носа на улицу; всѣ сидѣли, запершись по своимъ домамъ и охраняли всѣ входы и выходы какъ-будто въ городъ ворвется непріятель. Ничто не помогало; число убійствъ и грабежей возрастало съ каждымъ днемъ, не смотря на сторожевые патрули, объѣзжавшіе и днемъ и ночью всѣ улицы города. Лавки и магазины взламывали, разграбляли, торговцевъ убивали тутъ-же, товаръ уносили; все это происходило одновременно въ нѣсколькихъ частяхъ города. Очевидно, разбойники подѣлили весь городъ на извѣстные участки и дѣйствовали вполнѣ систематически почти на вѣрняка.

Нужно было во что-бы то ни стало покончить съ такимъ ненормальнымъ положеніемъ дѣлъ въ городѣ, и глава судебной власти рѣшилъ обратиться за содѣйствіемъ къ дону Хуану-Мигуель Кабамера, знаменитѣйшему растреадору, за которымъ тотчасъ-же и отправилъ гонца.

Какъ намъ уже извѣстно, Хуанъ-Мигуель, не теряя времени, отправился въ Буэносъ-Айросъ и тотчасъ, по прибытіи въ городъ, былъ препровожденъ къ главѣ судебной власти республики, съ которымъ просидѣлъ нѣсколько часовъ съ глаза на глазъ, запершись въ его кабинетѣ.

Глава судебной власти подробно разсказалъ обо всемъ растреадору, входя въ мельчайшія подробности ежедневно совершаемыхъ преступленій и способа дѣйствій этихъ неуловимыхъ злодѣевъ. Хуанъ-Мигуель слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ безконечный рядъ его разсказовъ о самыхъ

возмутительныхъ злодѣяніяхъ, не прерывая и не разспрашивая ни о чемъ, а только задумчиво покачивая головой время отъ времени. Когда-же его собесѣдникъ кончилъ и уставился на него испытующимъ вопросительнымъ взглядомъ, онъ сказалъ:

— Да, дѣло это не легкое, но съ Божіей помощью я, надѣюсь, сумѣю что нибудь сдѣлать.

— Вы надѣетесь, что это вамъ удастся! — съ нескрываемымъ радостнымъ возбужденіемъ воскликнулъ глава судебной власти.

— Я даже вполнѣ увѣренъ въ этомъ, но только для успѣха необходимо, чтобы никто не зналъ о моемъ пребываніи въ городѣ. Я выжду здѣсь въ вашемъ домѣ какого-нибудь новаго преступленія этихъ злодѣевъ и тогда немедля примусь за дѣло.

— Прекрасно, я разсчитываю на васъ, донъ Хуанъ-Мигуель Кабаллеро! Если вы избавите насъ отъ этихъ негодяевъ, то окажете этимъ огромную услугу городу,—и благодарность моя...

— Не говорите мнѣ ни о признательности, ни о вознагражденіи! — съ живостью перебилъ его растреадоръ, — Господь, надѣливъ меня этой драгоцѣнной способностью, тѣмъ самымъ повелѣлъ мнѣ употреблять ее ко благу честныхъ и добрыхъ людей. Слѣдовательно, я исполню свой долгъ передъ Богомъ, избавивъ городъ отъ этихъ бандитовъ, которые и такъ ужъ слишкомъ долго безчинствовали здѣсь. Повѣрьте, я найду въ своемъ сердцѣ ту награду, о которой вы изволите заботиться для меня!

На этомъ собесѣдники разстались, крѣпко пожавъ другъ другу руки.

Въ слѣдующую за симъ ночь былъ ограбленъ домъ богатаго французскаго негоціанта. Такъ какъ послѣдній вздумалъ сопротивляться, то его убили, а также жену его и двоихъ дѣтей, еще малолѣтнихъ, и двухъ слугъ. Всѣ эти убійства были совершены варварски безчеловѣчно. При первой вѣсти о этихъ злодѣяніяхъ, самъ начальникъ полиціи во

главѣ своихъ подчиненныхъ, явился на мѣсто преступленія, но уже было поздно: разбойники успѣли скрыться, не оставивъ по себѣ никакого слѣда.

Хуанъ-Мигуель тотчасъ-же распорядился оцѣпить кругомъ домъ, въ который вошелъ самъ въ сопровожденіи одного лишь начальника полиціи. Здѣсь растреадоръ немедленно принялся за дѣло.

Розыски длились долго. Растреадоръ тщательно осматривалъ и оглядывалъ каждый малѣйшій предметъ, каждый квадратъ на полу; онъ шагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, то вдругъ останавливался на какомъ-нибудь мѣстѣ, оглядывалъ его со всѣхъ сторонъ, не оставляя ни малѣйшаго мѣста безъ вниманія, прилежно изучая шагъ за шагомъ, дюймъ за дюймомъ, полъ, ковры, паркетъ, плиты, время отъ времени останавливаясь и нагибаясь до самой земли, вдругъ вскакивалъ на ноги и упорно вглядывался въ самые темные и отдаленные углы комнаты.

Начальникъ полиціи, неподвижно стоя у порога, не смѣлъ шевельнуться и слѣдилъ тревожнымъ, смѣшаннымъ съ любопытствомъ взглядомъ за каждымъ малѣйшимъ движеніемъ растреадора, не рѣшаясь спросить его и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сгорая отъ любопытства узнать результаты его наблюденій и розысковъ.

Такимъ порядкомъ были тщательно осмотрѣны магазинъ и всѣ комнаты дома. Хуанъ-Мигуель раздумчиво покачивалъ головой, очевидно, онъ не находилъ никакихъ указаній. Тѣмъ не менѣе онъ настойчиво продолжалъ свои розыски: чѣмъ больше трудностей представляло принятое имъ на себя дѣло, тѣмъ упорнѣе становился онъ въ своемъ желаніи достигнуть цѣли. Онъ уже разъ десять принимался все снова и снова обыскивать каждую комнату, каждый уголокъ, не находя ничего такого, что могло-бы направить его, дать ему руководящую нить.

Домъ былъ одноэтажный и оканчивался большой итальянской террасой, уставленной кадками съ рѣдкими растеніями и деревьями и представлявшей изъ себя родъ воздушнаго сада съ

гамаками, бесѣдками и проч. Кромѣ большой парадной лѣстницы, богатый негоціантъ приказалъ поставить еще маленькую потайную лѣсенку, лично для себя, ведущую изъ магазина прямо въ его спальную и оттуда на терассу.

Хуанъ-Мигуель уже нѣсколько разъ подымался и спускался по этой лѣсенкѣ, вдругъ онъ остановился, всталъ на колѣни на одной изъ ступенекъ и нѣсколько минутъ оставался совершенно неподвиженъ въ этой позѣ, уставивъ глаза въ одну точку. Наконецъ, онъ поднялся на ноги, взошелъ по лѣстницѣ на террасу, гдѣ принялся все разсматривать и разглядывать съ еще большимъ вниманіемъ.

Вдругъ довольная улыбка освѣтила его лицо; онъ выпрямился, вздохнулъ съ облегченіемъ и утеръ потъ со лба. Затѣмъ обратился къ начальнику полиціи, стоявшему на верхней ступенькѣ лѣстницы.

— Ну, наконецъ-то!

— Что? Вы нашли что-нибудь?

— Да, идите сюда,—только идите вы одинъ.

Съ этими словами онъ пошелъ къ противуположному концу террасы, здѣсь соскочилъ на террасу сосѣдняго дома,—оттуда на слѣдующую и такъ вплоть до четвертой. Дойдя до конца этой послѣдней, растреадоръ перегнулся черезъ перила и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ смотрѣлъ внизъ.

— Ну, такъ и есть! — пробормоталъ ростреадоръ — разбойники взобрались здѣсь,—сказалъ онъ обращаясь къ начальнику полиціи,—теперь вернемтесь, все остальное уже не важно.

— Вы напали на слѣдъ?

— Caraï! конечно! А то что-же?!

— Я рѣшительно ничего не видалъ. А вы видѣли что-нибудь? Что именно?

— Первый слѣдъ, который помогъ мнѣ розыскать всѣ остальные. О, это ловкій народъ, они дѣло свое отлично знаютъ, этого отрицать нельзя; они рѣшительно ничѣмъ не пренебрегаютъ, и потому всякаго другого, кромѣ меня, они сумѣли-бы отлично провести.

— Но что-же именно навело васъ на слѣдъ?

— Сущій пустякъ, нѣсколько песчинокъ, — и больше ничего!

— Это непостижимо!

— Нѣтъ, нисколько; это все очень просто. На одной изъ ступенекъ потайной лѣсенки я замѣтилъ нѣсколько песчинокъ желтаго песка, подобнаго тому, которымъ усыпана терасса. Правда, онѣ могли быть занесены сюда самимъ хозяиномъ дома,—это было даже весьма вѣроятно,—но я рѣшилъ удостовѣриться. Пройдя въ спальню, я взглянулъ на сапоги убитаго, оказалось, что подошвы его сапогъ совершенно гладки и сухи; это обстоятельство дало извѣстное направленіе моимъ подозрѣніямъ. Я поднялся наверхъ на террасу и принялся осматривать ее въ десятый разъ. Оказывается, что убійцы не только бѣжали черезъ террасу, но и проникли въ домъ этимъ самымъ путемъ.

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Вполнѣ увѣренъ; они прошли по крышамъ всего квартала, чтобы добраться сюда, и, уходя, эти опытные злодѣи позаботились замести слѣды своими плащами. Это я увидалъ сразу. Но, какъ видно, они должны были спѣшить уходомъ, къ тому же теперь и ночи темныя, и хотя они тщательно заметали, но, очевидно, торопились,—и вотъ въ углу, за одной кадкой, уцѣлѣлъ одинъ слѣдъ, который не стертъ плащемъ окончательно и не заметенъ пескомъ. Этого слѣда было для меня достаточно, чтобы дать мнѣ возможность распознать ихъ слѣды и на другихъ террасахъ. Вотъ и все!

— Нѣтъ, какъ хотите, это что-то необычайное, непостижимое,—я нигдѣ никакихъ слѣдовъ не вижу,—а вы ихъ видите или вѣрнѣе угадываете!

— Мнѣ кажется, что это очень просто; но не станемъ терять времени, созовите вашихъ людей и идите за мною!

Два часа спустя всѣ бандиты были арестованы въ одномъ изъ домовъ предмѣстья, схвачены и засажены въ тюрьму. Послѣдовавшіе за симъ розыски обнаружили массу награбленнаго товара, всякихъ цѣнныхъ предметовъ, денегъ и раз-

личнаго имущества. Шайка эта состояла изъ десяти человѣкъ; къ величайшему удивленію всего населенія столицы, оказалось, что злодѣи всѣ до единаго принадлежали къ числу знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ фамилій Буэносъ-Айреса.

Главою и предводителемъ этой ужасной шайки являлся молодой человѣкъ лѣтъ двадцати шести не болѣе, по имени Сантьяго-Лопесъ де-Губарра, единственный сынъ и наслѣдникъ богатѣйшаго домовладѣльца въ городѣ. Въ самомъ непродолжительномъ времени этотъ молодой человѣкъ долженъ былъ стать мужемъ дочери генеральнаго консула Соединенныхъ Штатовъ Америки, прелестной молодой дѣвушки лѣтъ 17-ти, необычайной красоты, въ которую онъ, какъ говорятъ, былъ безумно влюбленъ.

Было сдѣлано множество попытокъ вырвать преступниковъ изъ рукъ правосудія; предлагали огромныя суммы тѣмъ, кто пожелаетъ способствовать ихъ бѣгству. Но все оказывалось напрасно. Судъ не поддавался ни запугиванію, ни подкупу, не смягчался ни передъ просьбами, ни передъ слезами и мольбами родственниковъ подсудимыхъ.

Преступленія, совершенныя этою шайкою, были такъ многочисленны и такъ ужасны, что о пощадѣ и милосердіи не могло быть и рѣчи. Необходимо было примѣрное наказаніе, въ урокъ на будущія времена. Четверо изъ злодѣевъ, которыхъ по суду признали менѣе виновными, были присуждены къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ, двое другихъ— къ пожизненной каторгѣ, а предводитель шайки и его главный помощникъ и сообщникъ были приговорены къ смертной казни и заключены въ острогъ, гдѣ должны были просидѣть трое сутокъ и затѣмъ уже подвергнуться всенародной казни въ присутствіи всѣхъ своихъ соучастниковъ.

На другой день послѣ того, какъ приговоренные къ смертной казни преступники были заключены въ тюрьму, несмотря на самый бдительный надзоръ одному изъ нихъ удалось бѣжать; предлагали бѣжать и другому, но тотъ отказался:

— Зачѣмъ бѣжать?—отвѣчалъ онъ, пожимая плечами на

просьбы и увѣщанія своихъ друзей,—вѣдь, Хуанъ-Мигуель все равно розыщетъ меня! Такъ ужъ лучше смирно сидѣть на мѣстѣ.

Растреадоръ не успѣлъ еще покинуть Буэносъ-Айреса, и его тотчасъ-же предупредили о бѣгствѣ одного изъ преступниковъ; онъ, не тратя ни минуты, бросился по его слѣду.

Началось по истинѣ рѣдкое состязаніе въ силѣ, ловкости, хитрости и изворотливости. Бѣглецъ зналъ, какая серьезная погоня была за нимъ, зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и потому принималъ всевозможныя предосторожности, изощрялся въ хитростяхъ, лукавилъ и прилагалъ всѣ старанія, чтобы сбить своего преслѣдователя со слѣда, прибѣгая ко всей своей опытности и изобрѣтательности, чтобы уйти отъ ожидавшей его позорной смерти.

Но всѣ его усилія были тщетны и, быть можетъ, послужили даже ему-же во вредъ, потому что растреадоръ, видя, что репутація его стоитъ на картѣ, и не желая дать такому страшному преступнику уйти отъ заслуженнаго имъ наказанія, пустилъ въ ходъ всѣ свои способности, чтобы во что бы то ни стало настигнуть его и тѣмъ самымъ спасти свою вполнѣ заслуженную репутацію. То была настоящая травля, травля на человѣка.

Бѣглецъ ловко пользовался каждымъ случавшимся на пути препятствіемъ, каждой кочкой, пригоркомъ, гдѣ онъ могъ проскочить, не оставивъ по себѣ слѣда; онъ бѣжалъ цѣлые кварталы на кончикахъ пальцевъ, перескакивалъ черезъ низкія стѣны, пробѣгалъ извѣстное пространство и, пятясь, возвращался назадъ. Хуанъ-Мигуель однако не терялъ его слѣда; если случалось, что онъ сбивался на одно мгновеніе, то уже въ слѣдующее спохватывался и снова шелъ по слѣду бѣглеца, восклицая:

— Посмотримъ, куда-то ты теперь меня заведешь?

Наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ часовъ времени, погоня достигла наполненнаго водою канала въ одномъ изъ пригородовъ столицы, которымъ воспользовался преступникъ, бросившись вплавь по теченію, чтобы заставить растреадора

потерять слѣдъ. Но и эта предосторожность оказалась безполезной: Хуанъ-Мигуель спокойно, ни мало не смущаясь, шелъ берегомъ. Дойдя до извѣстнаго мѣста, онъ остановился, сталъ приглядываться къ травѣ и сказалъ:

— Здѣсь онъ вышелъ на берегъ! Слѣдовъ нѣтъ,—это правда,—но вотъ эти капельки воды на травѣ доказываютъ мнѣ, что это такъ!

По пути Сантьяго Лопесъ укрылся въ виноградникѣ; Хуанъ-Мигуель, осмотрѣвъ глиняныя стѣны, служившія оградой, и указавъ на виноградникъ, сказалъ:

— Онъ здѣсь и не успѣлъ еще уйти.

Виноградникъ тотчасъ-же обыскали и бѣглецъ былъ найденъ, а потомъ, подъ строгимъ конвоемъ, доставленъ въ тюрьму.

— Я въ этомъ былъ заранѣе увѣренъ!—сказалъ его товарищъ, видя, что его снова привели въ это мѣсто заключенія,—видишь, я не ошибся!

На другой день оба разбойника были казнены на площади, въ присутствіи всѣхъ своихъ сообщниковъ, при громадномъ стеченіи народа.

III. Какъ и почему донъ-Торрибіо покинулъ свою родину.

Нѣсколько дней спустя послѣ этихъ казней, донъ-Хуанъ-Мигуель Кабаллеро покинулъ Буэносъ-Айресъ и возвращался домой. Растреадоръ былъ невеселъ: онъ, очевидно, былъ чѣмъ-то глубоко опечаленъ. Дѣло въ томъ, что эта двойная казнь произвела на него тяжелое впечатлѣніе. Не смотря на то, что эти два бандита вполнѣ заслужили свою участь, онъ все-же раскаивался не въ томъ, что предалъ ихъ въ руки правосудія, но въ томъ, что былъ косвенной причиной ихъ позорной смерти.

Отъ Буэносъ-Айреса до Розаріо не близко, и потому Хуанъ-Мигуель имѣлъ въ своемъ распоряженіи очень много времени, чтобы поразмыслить о многомъ. И вотъ, мало-по-малу, мысли

его стали принимать другое направленіе; по мѣрѣ приближенія его къ дому, къ излюбленнымъ мѣстамъ, окружавшимъ его жилище, думы его становились болѣе отрадными; онъ думалъ о женѣ, о дѣтяхъ, съ которыми мечталъ не разставаться болѣе. Эта послѣдняя поѣздка въ Буэносъ-Айресъ окончательно отвратила его отъ его ремесла,—и онъ рѣшилъ совершенно отказаться отъ него. Онъ былъ уже не молодъ, ему теперь за шестьдесятъ, настало время и ему отдохнуть; пора уступить мѣсто другимъ, болѣе молодымъ и проворнымъ.

Разсуждая такимъ образомъ, онъ быстро и незамѣтно приближался къ своему ранчо; семья его была предупреждена о томъ, что онъ долженъ вернуться сегодня, и, вѣроятно, съ часа на часъ ожидала его. Дѣти, конечно, не спускали глазъ съ дороги и, едва только завидятъ его вдали, какъ тотчасъ-же со всѣхъ ногъ поспѣшатъ къ нему на встрѣчу, какъ они всегда это дѣлаютъ.

И вотъ, едва онъ только въѣхалъ въ небольшую рощицу высокихъ молодыхъ деревьевъ, черезъ которую ему слѣдовало проѣзжать, чтобы добраться до своего ранчо, какъ вдругъ съ узкой тропинки, пересѣкающей подъ прямымъ угломъ дорогу, выскочилъ ему на встрѣчу всадникъ, лицо котораго скрывалось подъ черной маской. Осадивъ на полномъ скаку коня, незнакомецъ проворно вскинулъ ружье и спустилъ курокъ.

Растреадоръ, не ожидавшій ничего подобнаго, захваченный врасплохъ, не успѣлъ воспротивиться этому неожиданному нападенію,--пуля пробила ему грудь,—широко раскинувъ руки, опрокинулся навзничъ и грузно рухнулся на землю. Убійца поспѣшно соскочилъ съ коня, набросился на свою жертву и, вонзивъ ему въ грудь кинжалъ, произнесъ глухимъ голосомъ:

— Помни Сантьяго-Лопецъ де-Губарра! Кровь за кровь!— И, не прибавивъ ни слова болѣе, онъ вскочилъ на лошадь и ускакалъ, свернувъ сейчасъ-же въ самую чащу лѣса, гдѣ почти мгновенно скрылся изъ вида.

Однако, донъ-Хуанъ-Мигуель не былъ мертвъ, не смотря

на то, что раны его были очень серьезны, мало того, онъ даже не потерялъ сознанія; не трогаясь съ мѣста, онъ старался насколько могъ, заткнуть свои раны, чтобы задержать кровь и затѣмъ, не шевелясь, сталъ ждать, чтобы Господь послалъ ему кого-нибудь на помощь.

Такъ прошелъ часъ времени,—ужасный часъ мучительнаго ожиданія, тревоги и безпокойства. Старикъ нисколько не боялся смерти,—онъ слишкомъ часто въ своей жизни стоялъ съ нею лицомъ къ лицу,—но боялся умереть одинъ, не успѣвъ исполнить всего того, что ему еще оставалось исполнить на землѣ. И вотъ онъ ждалъ, ждалъ, напрягая слухъ и жадно ловя всякій малѣйшій звукъ въ лѣсу. Наконецъ ему послышался еще совсѣмъ неуловимый для менѣе привычнаго и опытнаго слуха конскій топотъ.

— Ну, слава Богу!—прошепталъ онъ,—это они!

Шумъ по немногу приближался, — и вскорѣ на дорогѣ появились два всадника; то были Торрибіо и Пепъ.

Каково же было ихъ горе при видѣ старика-отца, лежавшаго на землѣ безъ движенія и чуть живого.

Понятно, что первою заботой Торрибіо было осмотрѣть раны и перевязать ихъ какъ можно лучше.

— Ну, что?—спросилъ старикъ твердымъ голосомъ,—раны мои смертельны, не правда-ли?

— Да, отецъ,—отозвался Торрибіо, подавляя душившее его рыданіе.

— Сколько часовъ мнѣ остается жить?

— Сутки, быть можетъ, двое сутокъ, не долѣе!

— Прекрасно, постройте, дѣти, здѣсь для меня шалашъ, я хочу лучше умереть подъ открытымъ небомъ; къ тому-же мнѣ надо поговорить съ тобой, Торрибіо, сказать тебѣ нѣчто очень важное для тебя.

— Лучше было-бы, если-бы вы заснули хоть немного, отецъ мой!

— Ты не обманываешь меня, дитя мое?—спросилъ старикъ, пытливо вглядываясь въ лицо Торрибіо,—я не умру раньше назначеннаго тобою срока?

— Жизнь наша въ рукахъ Господа, отецъ,—отвѣчалъ молодой человѣкъ, но насколько позволяютъ судить мнѣ познанія въ медицинѣ, я смѣю утверждать, что смерть ваша еще не такъ близка, особенно, если вы согласитесь поддержать свои силы нѣсколькими часами спокойнаго сна.

— Пусть такъ, я тебѣ вѣрю, сынъ мой, и постараюсь заснуть.

Молодые люди тотчасъ-же принялись строить шалашъ jacal), который менѣе чѣмъ въ полчаса былъ готовъ, послѣ чего они бережно перенесли туда больного и уложили его на мягкой постелѣ изъ душистыхъ травъ, накрытыхъ шкурами. Затѣмъ Торрибіо досталъ изъ своихъ alfarjas (переметныхъ сумокъ) походную аптечку, съ которой никогда не разставался, и приготовилъ какое-то питье.

— Выпейте это, отецъ мой,—сказалъ онъ,—это подкрѣпитъ васъ и поможетъ вамъ уснуть!

Сыновья осторожно помогли отцу приподняться, и онъ покорно выпилъ предложенное ему лекарство. Пять минутъ спустя, больной спалъ уже крѣпкимъ сномъ.

— Побудь съ отцомъ, Пепъ, и не отходи отъ него ни на шагъ,—сказалъ Торрибіо,—а я пойду отомщу за него!

— Иди, братъ, съ Богомъ!—воскликнулъ Пепъ, обхвативъ его шею руками и рыдая, какъ ребенокъ.

Торрибіо вскочилъ на своего коня и во весь опоръ уѣхалъ въ направленіи, по которому его велъ слѣдъ убійцы.

Вмѣсто того, чтобы вести по дорогѣ къ Буэносъ-Айресу, слѣдъ этотъ, который Торрибіо тотчасъ-же разыскалъ и внимательно изучилъ, послѣ множества изворотовъ и поворотовъ, велъ въ Розаріо. Въ три часа по полудни Торрибіо прибылъ въ городъ и тотчасъ-же направился къ Juez de letras (судебному слѣдователю).

— Сеньоръ!—объявилъ онъ, входя къ нему,—отецъ мой, донъ-Хуанъ-Мигуель Кабаллеро, на возвратномъ пути изъ Буэносъ-Айреса, гдѣ онъ способствовалъ задержанію всей шайки бандитовъ, безчинствовавшихъ въ столицѣ и ея окрест-

ностяхъ, убитъ два часа тому назадъ измѣнническимъ образомъ однимъ изъ соучастниковъ этой шайки, которую справедливо покарало правосудіе.

— Я знаю это дѣло, — отвѣчалъ слѣдователь. — Отецъ вашъ велъ себя прекрасно и оказалъ громадную услугу обществу, городу и всей странѣ. Гдѣ было сдѣлано нападеніе на вашего отца?

— Въ лѣсу Себадо.

— Я сейчасъ прибуду туда!

— Въ этомъ нѣтъ никакой надобности, сеньоръ: братъ мой остался съ умирающимъ отцомъ, тогда какъ я иду по слѣду убійцы.

— Развѣ вы знаете, гдѣ онъ находится?

— Да, сеньоръ! Онъ находится въ Розаріо, и если вы не откажетесь сопровождать меня, то не далѣе, какъ черезъ четверть часа, онъ будетъ уже въ рукахъ правосудія!

Слѣдователь немедленно распорядился созвать человѣкъ десять альгвазиловъ (полицейскихъ), и когда тѣ явились, сказалъ:

— Пойдемте, не слѣдуетъ давать этому негодяю время уйти изъ нашихъ рукъ!—и съ этими словами всѣ вышли на улицу

Торрибіо вернулся къ тому мѣсту, гдѣ онъ покинулъ слѣдъ, и пошелъ въ сторону, чтобы повидать слѣдователя, и, розыскавъ снова слѣдъ, не задумываясь пошелъ впередъ. Пройдя нѣсколько улицъ, они пришли на большую площадь и остановились передъ домомъ самаго внушительнаго вида.

— Здѣсь! — сказалъ Торрибіо, — онъ еще не вышелъ отсюда!

— Не можетъ быть!—воскликнулъ слѣдователь,—это домъ богатѣйшаго и всѣми уважаемаго банкира, честность котораго извѣстна всѣмъ и каждому! Нѣтъ, вы ошибаетесь, молодой человѣкъ!

— Нѣтъ, сеньоръ, я не ошибаюсь!—спокойно и увѣренно отвѣтилъ Торрибіо.—Убійца здѣсь; развѣ вамъ не извѣст-

но, что вся та шайка состояла изъ молодыхъ людей лучшихъ и богатѣйшихъ семействъ Буэносъ-Айреса?

— Да, это правда! — со вздохомъ согласился его собесѣдникъ,—ну, что же дѣлать, войдемте, если это нужно!

Онъ отдалъ приказаніе своимъ подчиненнымъ оцѣпить домъ и не допускать въ него толпы, начинавшей уже стекаться со всѣхъ сторонъ. Торрибіо и слѣдователь вошли въ домъ и сказали встрѣтившему ихъ пеону (слугѣ), что они желаютъ видѣть дона-Салюстіано Эчевэрри, какъ звали всѣми уважаемаго банкира.

Введя гостей въ пріемную, пеонъ побѣжалъ докладывать о нихъ своему господину.

Банкиръ не заставилъ себя долго ждать и вышелъ къ нимъ тотчасъ же, хотя, повидимому, былъ весьма удивленъ приходомъ слѣдователя. Послѣдній очень затруднялся объяснить причину своего присутствія, но Торрибіо принялъ это объясненіе на себя.

Донъ-Салюстіано Эчеверри былъ сѣдовласый старикъ чрезвычайно внушительный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, симпатичной наружности, располагающей въ его пользу.

— Извините меня, сеньоръ,—сказалъ Торрибіо,—если я причиню вамъ большое горе противъ моего желанія! Богъ свидѣтель, какъ я глубоко сожалѣю, что вынужденъ нанести вамъ этотъ страшный ударъ. Дѣло касается моего отца, котораго предательски убили часа два тому назадъ, и убійца его скрывается здѣсь, въ вашемъ домѣ!

— Убійца! Въ моемъ домѣ!—съ горестнымъ удивленіемъ воскликнулъ банкиръ.—Говорите! говорите скорѣе, сеньоръ. Кто онъ? Гдѣ онъ? и кто-бы онъ ни былъ, я выдамъ его вамъ.

Тогда обнадеженный этимъ великодушнымъ заявленіемъ слѣдователь объяснилъ, наконецъ, со всей возможной деликатностью, въ чемъ дѣло. Ударъ, нанесенный старику этимъ страшнымъ обвиненіемъ, былъ ужасенъ: несчастный банкиръ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ, и пошатнулся, готовый упасть. Слѣдователь и Торрибіо бросились поддержать его; но тотъ,

оправившись почти въ ту-же минуту, тихонько отстранилъ ихъ отъ себя.

— Мнѣ показалось, что я сейчасъ умру!—прошепталъ несчастный старикъ,—но все прошло. Теперь я опять чувствую себя сильнымъ. Что дѣлать! Это должно было такъ кончиться! — добавилъ онъ въ полголоса. — Если только обвиненіе ваше справедливо, господа, клянусь честью, онъ получитъ законное возмездіе! Слѣдуйте за мной!

Съ этими словами старикъ пошелъ впередъ твердой, увѣренной поступью, высоко неся голову, выпрямясь во весь ростъ, какъ гордый дубъ, на мгновеніе склонившійся подъ грозой. Пройдя нѣсколько комнатъ въ сопровжденіи безмолвно слѣдовавшихъ за нимъ слѣдователя и Торрибіо, онъ, наконецъ, остановился передъ дверью роскошно убранной комнаты, которую и отворилъ настежъ. Глазамъ присутствующихъ представился молодой человѣкъ, красивые черты котораго носили на себѣ отпечатокъ бурной тревожной жизни и ночныхъ кутежей; онъ полулежалъ на мягкихъ подушкахъ восточнаго дивана и лѣниво разстегивалъ свои palenas (родъ наговицъ или сапогъ).

— Ты ѣздилъ верхомъ сегодня, донъ-Панчо?—спросилъ его отецъ голосомъ, не выдавшемъ ни малѣйшаго волненія.

— Да, я только что вернулся, отецъ, и какъ видите, не успѣлъ еще даже переодѣться!—отвѣтилъ молодой человѣкъ, весьма удивленный присутствіемъ двухъ совершенно незнакомыхъ ему личностей, неподвижно стоявшихъ у порога.

— Было-бы лучше, если-бы вы сегодня не выѣзжали изъ дома!

— Почему-же отецъ?

— Потому, донъ-Панчо, что тогда васъ не обвинили-бы въ предательскомъ убійствѣ дона-Хуана-Мигуеля Кабаллеро въ лѣсу Себадо!—сказалъ старикъ ледянымъ тономъ.

— Я?!—воскликнулъ молодой человѣкъ, привскочивъ на диванѣ и поблѣднѣвъ, какъ мертвецъ, и пошатнулся, какъ пьяный.—Кто смѣетъ обвинять меня въ этомъ ужасномъ

злодѣяніи?—добавилъ онъ дрожащимъ голосомъ, не глядя ни на кого.

— Я!—отозвался донъ-Торрибіо,—я сынъ вашей несчастной жертвы, а вотъ и доказательства справедливости моего обвиненія!—добавилъ онъ, дѣлая нѣсколько шаговъ впередъ и взявъ со стола черный шелковый головной чехолъ, въ которомъ были продѣланы отверстія для глазъ, рта, носа и ушей, который донъ-Панчо не успѣлъ еще припрятать.

— Видите эту маску, къ которой прибѣгаютъ только одни бандиты, а вотъ и ножъ,—онъ еще весь въ крови, даже ножны сырые! Убійца, кровь моего отца у тебя на лицѣ!

Донъ-Панчо безсознательно провелъ рукою по лбу съ выраженіемъ ужаса и страха на смертельно блѣдномъ лицѣ. Вдругъ онъ кинулся къ ногамъ отца и громко зарыдалъ.

— Да, да, я это сдѣлалъ!—душу раздирающимъ голосомъ воскликнулъ онъ.—Я убійца! Но пощади меня, отецъ, пощади твоего сына! Я раскаюсь, пощади, отецъ!

— Я—не отецъ убійцы!—мрачно произнесъ старикъ, стараясь не глядѣть на сына. — Смой съ себя этотъ позоръ, которымъ ты осквернилъ себя,—и тогда—только тогда я прощу тебя! Даю тебѣ пять минутъ срока.

Молодой человѣкъ поднялся на ноги; красивое лицо его дышало ужасною рѣшимостью.

— Благодарю отецъ, — сказалъ онъ,—приказаніе ваше будетъ исполнено. Что касается васъ, сеньоры,—продолжалъ онъ, обращаясь къ двумъ безмолвно стоявшимъ мужчинамъ,—то я прошу васъ дать мнѣ пять минутъ срока. Даю вамъ слово, что не убѣгу! Неужели вы откажете мнѣ въ этихъ пяти минутахъ?

— Нѣтъ! — отвѣтилъ Торрибіо, отвернувшись въ сторону,—я вамъ вѣрю.

Всѣ трое вышли изъ комнаты. Донъ-Салюстіано вышелъ послѣднимъ и заперъ за собой дверь, къ которой затѣмъ прислонился спиной и такъ остался въ этой позѣ.

Холодный потъ выступилъ на лбу старика; по временамъ онъ весь вздрагивалъ и крѣпко прижималъ руки къ сердцу,

какъ бы желая удержать шибко бьющееся сердце. Слѣдователь и Торрибіо, блѣдные какъ смерть, взглядывали по временамъ на старика, стоявшаго неподвижно, прислонясь спиной къ двери, и не могли удержаться отъ наполнявшаго ихъ души чувства ужаса, скорби и безпредѣльнаго удивленія силѣ характера этого человѣка, который переживалъ теперь такія страшныя минуты на ихъ глазахъ. Вдругъ донъ-Салюстіано выпрямился, поднялъ голову и сказалъ:

— Пять минутъ прошло, сеньоры, пойдемте!

Онъ отворилъ двери комнаты сына вошелъ въ нее; оба мужчины слѣдовали за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи. Донъ Панчо откинулся въ подушки и лежалъ неподвижно съ улыбкой на лицѣ, казалось, онъ спалъ.

— Подойдите!—глухо произнесъ старикъ.

Они сдѣлали нѣсколька шаговъ,—и крикъ ужаса вырвался у нихъ изъ устъ: донъ-Панчо былъ уже мертвъ; онъ вонзилъ себѣ въ сердце свой ножъ по самую рукоятку.

— Возмездіе совершилось!—произнесъ донъ-Салюстіано какимъ-то замогильнымъ голосомъ, и надломленный страшнымъ горемъ, мужественный старикъ съ душу раздирающимъ стономъ повалился безъ чувствъ на бездыханное уже тѣло сына.

Слѣдователь и Торрибіо, какъ обезумѣвшіе, выбѣжали изъ дома, гонимые безотчетнымъ ужасомъ, какъ будто ихъ преслѣдовала сама Немезида. Торрибіо, не сказавъ ни слова, вскочилъ на своего коня и во весь опоръ помчался вонъ изъ города. Вскорѣ послѣ заката солнца, Хуанъ-Мигуель проснулся.

— Дѣти, вы здѣсь?—спросилъ онъ.

— Да, отецъ, мы всѣ подлѣ тебя!

— Отлично, я не хочу, чтобы вы отходили отъ меня.— Затѣмъ, какъ бы про себя, онъ тихо добавилъ: — Увы! неужели-же мнѣ придется умереть безъ моей бѣдной Хуаниты?

— Я здѣсь, Хуанъ-Мигуель!—сказала бѣдная женщина, захлебываясь слезами, которыя она тщетно старалась пода-

вить, и опустясь на колѣни подлѣ ложа своего умирающаго мужа, сжала его руки въ своихъ, обливая ихъ горькими слезами.

— Добрая и святая женщина, вѣрная подруга моей жизни, ты здѣсь, подлѣ меня!—растроганнымъ голосомъ произнесъ умирающій.—Боже! благодарю тебя, что ты привелъ мнѣ умереть окруженнымъ всѣми моими дорогими и близкими!..

— Ты не умрешь! нѣтъ, нѣтъ, ты не умрешь!—рыдая воскликнула Хуанита.

Слабая улыбка скользнула по лицу больного.

— Будь мужественна, дорогая Хуана, для меня смерть нисколько не страшна; вѣдь, рано или поздно этотъ часъ торжественной разлуки долженъ былъ настать, но мы свидимся съ тобой тамъ, гдѣ нѣтъ, ни смерти, ни разлуки! Покорись волѣ Божіей, и прими покорно эту разлуку! Богъ все дѣлаетъ ко благу нашему: теперь Онъ призываетъ меня къ себѣ, и я долженъ безропотно и покорно повиноваться Ему.

— Боже мой! Боже мой!—воскликнула несчастная женщина, всплеснувъ руками.

— Да, призывай Его святое имя!—продолжалъ умирающій,—Онъ дастъ тебѣ силу перенести съ мужествомъ твое горе! Богъ милосердъ и справедливъ. Онъ мнѣ позволилъ умереть, простившись со всѣми вами, окруженнымъ всѣми дорогими моему сердцу существами.

Наступило короткое молчаніе, въ продолженіи котораго слышались только подавленныя рыданія жены и сыновей больного.

Затѣмъ Торрибіо осторожно приподнялъ раненаго и сказалъ Хуанитѣ, вручивъ ей стаканъ съ какимъ-то питьемъ.

— Дорогая мама, дайте отцу выпить это лекарство!

— Ахъ, да, да!—радостно воскликнула бѣдная женщина,—мы спасемъ его! Не правда-ли, сынъ мой! Ты спасешь его?

Молодой человѣкъ молча опустилъ голову, подавляя тяжелый вздохъ. Раненый выпилъ предложенное ему питье;

легкій румянецъ залилъ на мгновеніе его лицо; глаза разгорѣлись; онъ вдругъ почувствовалъ себя сильнѣе и бодрѣе.

— Пепъ!—сказалъ онъ,—отведи мать немного въ сторону, туда къ сторожевому костру!

— Ты удаляешь меня отъ себя?—грустно прошептала бѣдная женщина,—дорогой мой, прошу тебя, позволь мнѣ остаться подлѣ тебя, я не пророню ни слова, и постараюсь не плакать!

— Скоро я снова позову тебя, дорогая моя, а теперь иди, мнѣ надо сказать Торрибіо нѣчто такое, что онъ одинъ долженъ слышать!

Донна-Хуана приникла долгимъ нѣжнымъ поцѣлуемъ къ рукѣ мужа и послушно вышла изъ шалаша, опираясь на сына.

— Мы теперь одни? Никто насъ не услышетъ?—проговорилъ раненый, обращаясь къ дону-Торрибіо.

— Никто!

— Хорошо! Теперь скажи мнѣ правду, мнѣ необходимо знать, сколько часовъ мнѣ еще остается жить?

— Отецъ, если Богъ не захочетъ сдѣлать чуда, о которомъ я молю Его, то съ восходомъ солнца...—молодой человѣкъ не договорилъ и зарыдалъ, закрывъ лицо руками.

— Полно, Торрибіо, будь мужчиной: надо мириться съ неизбѣжнымъ! До восхода солнца времени еще много, Богъ по неизрѣченному милосердію Своему далъ мнѣ гораздо больше времени приготовиться по смерти, чѣмъ я полагалъ: я успѣю сказать тебѣ все, что ты долженъ узнать!

— Что вы хотите сказать мнѣ, отецъ мой?

— Сядь здѣсь подлѣ меня и слушай; то, что я имѣю сказать тебѣ, несравненно важнѣе, чѣмъ ты полагаешь; я хочу сказать тебѣ о твоей семьѣ.

— У меня нѣтъ другой семьи, кромѣ васъ, матери и брата Пепа!—воскликнулъ молодой человѣкъ;—какое мнѣ дѣло до той семьи, которая отвергла меня, пыталась извести меня, предавъ на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ, и которой я

никогда не зналъ! Не говорите мнѣ ничего объ этомъ, я не хочу ничего знать!

— Нѣтъ, сынъ мой, я долженъ сказать тебѣ все; этого требуетъ отъ меня мой долгъ и моя совѣсть. Выслушавъ меня, ты можешь поступить, какъ хочешь и какъ знаешь, но ты долженъ узнать все, что мнѣ о томъ извѣстно; ты долженъ выслушать меня до конца. Я этого хочу, слышишь-ли ты?

— Да, отецъ, если вы того требуете,—говорите, я буду слушать съ величайшимъ вниманіемъ. Но только знайте, что у меня никогда не будетъ другой семьи, кромѣ вашей.

— Пусть такъ, я не ставлю тебѣ никакихъ условій и ничего не требую отъ тебя!—Съ минуту, старикъ какъ-будто собирался съ мыслями, затѣмъ началъ:

— Ты помнишь, сынъ мой, какъ я нашелъ тебя подъ деревомъ въ темномъ лѣсу, наполненномъ хищными звѣрями, гдѣ тебѣ грозила неизбѣжная смерть?

— Я помню, отецъ мой, и не проходитъ дня, чтобы я не благословлялъ васъ отъ глубины сердца!

— Не въ благодарности дѣло, Господь сторицею воздалъ мнѣ за ту милость, которую Онъ помогъ мнѣ сдѣлать для тебя тѣмъ, что далъ мнѣ въ тебѣ такого сына: я счастливъ и горжусь тобой. Но слушай дальше.

— Слушаю, отецъ!

— Я тщательно изучилъ и удержалъ въ памяти слѣдъ того человѣка, который покинулъ тебя въ лѣсу. На другой день послѣ того, какъ я привезъ тебя къ себѣ домой и сдалъ на руки моей дорогой Хуаны, я пошелъ по слѣду того человѣка. Онъ, конечно, и не подозрѣвалъ этого и потому не принималъ никакихъ предосторожностей, чтобы уничтожить свой слѣдъ. Благодаря этому обстоятельству, я безъ малѣйшаго затрудненія прибылъ въ Буэносъ-Айресъ и отправился прямо къ слѣдователю, которому изложилъ все то, что мнѣ было извѣстно о тебѣ. Слѣдователь обѣщалъ мнѣ свое содѣйствіе; я пошелъ въ гавань и здѣсь сразу напалъ на того человѣка, котораго искалъ. Сведя съ

нимъ дружбу за стаканомъ вина, я узналъ отъ него все, что мнѣ было надо. Онъ лично былъ доброй души парень, служившій безсознательнымъ орудіемъ воли другого лица. Убѣдившись въ этомъ, я составилъ опредѣленный планъ дѣйствій, согласно которому, часъ спустя, благодаря содѣйствію слѣдователя, этого человѣка арестовали. Видя, что поступокъ обнаруженъ, онъ тутъ-же признался во всемъ, при чемъ сказалъ, что дѣйствовалъ по приказанію своего командира, дона-Санчо д'Авила, командовавшаго испанскимъ трехмачтовымъ судномъ „Санъ Хуанъ де Діобсъ" (San-juan-de-Dios). По словамъ матроса выходило, что капитанъ очень желалъ отдѣлатся отъ тебя, потому что въ теченіе года, какъ ты находился на его суднѣ, онъ уже раза три пытался оставлять тебя въ тѣхъ портахъ, гдѣ имѣлъ случайныя стоянки или куда ему приходилось заходить по пути. Матросъ по снятіи съ него показанія былъ временно посаженъ въ тюрьму, а затѣмъ, такъ какъ нельзя было терять времени, сдѣланы были всѣ необходимыя распоряженія для воспрещенія судну „Санъ Хуанъ де Діосъ" San-juan-de-Dios у выхода изъ порта и ареста командира.

Въ то время Буэносъ-Айресъ принадлежалъ еще Испаніи: всѣ распоряженія были немедленно приведены въ исполненіе, и два часа спустя, донъ-Санчо д'Авила стоялъ уже на допросѣ передъ слѣдователемъ. Капитанъ этотъ, о которомъ я себѣ съ перваго-же взгляда составилъ точное понятіе, былъ изъ числа тѣхъ алчныхъ моряковъ мало разборчивыхъ на средства къ обогащенію, которые во время своихъ плаваній привыкаютъ предпочитать темныя спекуляціи въ силу того, что послѣднія всегда бываютъ выгоднѣе. При первыхъ-же словахъ слѣдователя, этотъ человѣкъ совершенно растерялся, поблѣднѣлъ и потерялъ весь свой апломбъ, который сначала напустилъ было на себя. Вотъ что онъ разсказалъ объ этомъ дѣлѣ. Однажды буря, застигшая его у береговъ Новой Испаніи, принудила его искать убѣжище въ какомъ-то незначительномъ портѣ, названіе котораго онъ не зналъ или притворялся, будто не

знаетъ; онъ помнитъ только, что это было въ Тихомъ океанѣ. Ставъ на якорь въ этомъ мѣстечкѣ, населенномъ почти исключительно рыбаками, онъ сошелъ на берегъ. Тутъ къ нему подошелъ совершенно незнакомый ему человѣкъ въ богатой одеждѣ и сдѣлалъ ему слѣдующаго рода предложеніе: „Согласитесь взять на себя обязательство увезти ребенка куда бы то ни было, только какъ можно дальше отъ береговъ Новой Испаніи, чтобы онъ никогда не могъ вернуться въ эти мѣста! За это вы будете щедро вознаграждены“. Капитанъ, какъ говоритъ, сначала не соглашался, но незнакомецъ продолжалъ настаивать? Тогда капитанъ пожелалъ имѣть кое какія свѣдѣнія. На это незнакомецъ отвѣчалъ отказомъ, но затѣмъ, видя себя прижатымъ къ стѣнѣ, сообщилъ слѣдующее: „Ребенокъ этотъ принадлежитъ къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій этой страны; необходимо во что бы то ни стало, чтобы онъ исчезъ безслѣдно, но отнюдь не былъ убитъ; достаточно, чтобы онъ никогда болѣе не появлялся въ этой странѣ, и чтобы о немъ не было никакихъ слуховъ. Ребенку всего пять лѣтъ; и скоро онъ забудетъ все, даже и свое имя; слѣдовательно, онъ не можетъ причинить вамъ никакихъ безпокойствъ, и бояться разоблаченій съ его стороны нечего. Надо только увезти его съ родины, чтобы онъ никогда не могъ вернуться. Въ той странѣ, гдѣ его высадятъ на берегъ, слѣдуетъ вручить сумму въ 25,000 піастровъ тому лицу, которое приметъ на себя воспитаніе ребенка, а капитанъ за хлопоты получитъ въ вознагражденіе сумму въ 30,000 піастровъ. При этомъ ставилось въ условіе, что капитанъ обязуется доставить, по прошествіи года, вице-королю Новой Испаніи законный документъ, за подписью мѣстнаго испанскаго консула, удостовѣряющій, что ребенокъ живъ, и что врученная капитану на его воспитаніе сумма въ 25,000 піастровъ дѣйствительно выдана лицу, принявшему къ себѣ ребенка, при обозначеніи полныхъ именъ, званія, профессіи и національности того лица, которому поручено воспитаніе ребенка“. Письмо, заключающее въ себѣ этотъ важный документъ,

должно было быть адресовано въ Новую Испанію „до востребованія"—на литеры L. V. и Z.

Въ такомъ видѣ сдѣланное капитану предложеніе утрачивало значительную долю той неблаговидности, которую, собственно говоря, оно имѣло по существу. Поломавшись еще немного для вида, капитанъ, наконецъ, согласился,—и условіе было заключено.

Два дня спустя погода измѣнилась къ лучшему, капитанъ всталъ подъ паруса и ушелъ въ море, увозя съ собою ребенка и сумму въ 55,000 піастровъ, изъ коихъ 30,000 были его собственностью... Дай мнѣ пить, Торрибіо, я чувствую что силы измѣняютъ мнѣ!

Молодой человѣкъ поспѣшилъ исполнить желаніе больного.

— Но почему-же, въ такомъ случаѣ, этотъ человѣкъ, такъ предательски бросилъ меня въ лѣсу на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, если ничто не принуждало его къ подобному омерзительному и гнусному поступку?—спросилъ Торрибіо.

— Именно это—спросилъ у капитана тогда и слѣдователь, дитя мое!—сказалъ старый растреадоръ, испивъ немного предложеннаго ему питья и отдохнувъ съ минуту,—капитанъ смутился, забормоталъ что-то непонятное, сталъ путаться въ своихъ словахъ и только подъ угрозою страшнаго наказанія, наконецъ, рѣшился сказать всю правду. Все, что онъ говорилъ раньше, была ложь. Дѣло обстояло такъ: слѣдовало просто увезти ребенка, убить его, забросить въ какой-нибудь дальней странѣ, однимъ словомъ, сдѣлать съ нимъ что-угодно, лишь-бы только его не стало и за это получить полностью безъ всякихъ оговорокъ сумму въ 60,000 піастровъ.—вотъ и все! По суду капитанъ былъ разжалованъ и принужденъ выплатить всю эту сумму сполна. Деньги эти помѣстили на мое и твое имя у одного надежнаго банкира, чтобы проценты съ нихъ накоплялись до твоего совершеннолѣтія. И такъ, сынъ мой, ты человѣкъ богатый, такъ какъ сумма, положенная на твое имя, на имя Торрибіо де Ніэбла, теперь удвоилась. Ты теперь совершенно-лѣтній и можешь

располагать ею, какъ знаешь, а если хочешь можешь разыскать свою семью!

— Моя семья здѣсь! Мнѣ не зачѣмъ искать другой, отецъ мой! У меня нѣтъ и не было другой семьи кромѣ вашей!

— Такъ вотъ, дитя мое, что я имѣлъ сказать тебѣ! Ахъ, да, я забылъ сообщить тебѣ одну подробность, быть можетъ, весьма важную: не знаю, замѣтилъ-ли ты, что у тебя на каждой рукѣ немного ниже плеча имѣется на тѣлѣ очень отчетливое изображеніе креста?! Какъ знать, быть можетъ, эти знаки будутъ имѣть значеніе въ твоей жизни?!

— Пустяки! Что мнѣ до нихъ за дѣло?! Признаюсь, до сей минуты я почему-то никогда не замѣчалъ ихъ!

— Ну слава Богу, дитя мое, теперь тебѣ извѣстно все! Поди-же, позови сюда мать и брата; они, навѣрное, уже безпокоятся, что мы такъ долго бесѣдуемъ съ тобой.

Вся ночь прошла въ мирной сердечной бесѣдѣ семьи, а передъ зарей старикъ замѣтно сталъ ослабѣвать и, какъ предвидѣлъ Торрибіо, съ восходомъ солнца, угасъ. Онъ испустилъ послѣдній вздохъ со счастливою улыбкой на устахъ, ласково сжимая въ одной своей рукѣ обѣ руки жены, въ другой-руки своихъ двоихъ дѣтей, заливавшихся горькими слезами.

Едва только тѣло знаменитаго растреадора опустили въ могилу, какъ донна Хуана, простирая надъ нею руку, обратилась къ своимъ сыновьямъ и сказала глухимъ, но торжественнымъ голосомъ:

— Дѣти, надо отомстить за него!

— Отецъ нашъ отомщенъ, — отвѣтилъ Торрибіо, — его убійца уже умеръ!

— Кто это сдѣлалъ? — спросила она съ заискрившимся взоромъ.

— Я!—просто отозвался Торрибіо и въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ, что было въ Розаріо.

Донна Хуана, не прерывая, выслушала его разсказъ, не сводя глазъ съ прекраснаго юноши и оперпись рукой на его плечо.

— Ты хорошо сдѣлалъ, сынъ мой!—сказала она, когда онъ кончилъ.

Послѣ того донна Хуана набожно опустилась на колѣни передъ свѣжей могилой, сыновья послѣдовали ея примѣру,— и всѣ трое молились долго и усердно.

— Миръ праху его!—сказала донна Хуана, поднимаясь съ колѣнъ,—кровь за кровь, теперь намъ здѣсь больше дѣлать нечего. Пойдемте!

Уходя она обернулась и еще разъ взглянула на могилу. „До скораго свиданія!“ прошептала она, и медленно пошла домой въ сопровожденіи двухъ сыновей.

Вернувшись въ ранчо, она слегла и уже больше не вставала. Она не жаловалась ни на что, но съ каждымъ днемъ замѣтно угасала. Однажды вечеромъ, она призвала сыновей;— оба молодыхъ человѣка подошли къ ея постели съ глазами, полными слезъ.

— Дѣти!—сказала донна Хуана слабымъ, но явственнымъ голосомъ, — сегодня ровно мѣсяцъ, какъ скончался вашъ отецъ! Я знаю, что мнѣ остается прожить всего лишь нѣсколько часовъ!

— Мама! дорогая мама! Что ты говоришь?! — горестно воскликнули оба.

— Смерть пришла, я это чувствую!—продолжала она.— Господь такъ милостивъ ко мнѣ, что призываетъ меня къ себѣ, чтобы соединить съ моимъ возлюбленнымъ супругомъ! Мнѣ было слишкомъ тяжело въ разлукѣ съ нимъ, съ дорогимъ моимъ Хуаномъ-Мигуелемъ! Я счастлива теперь, что иду къ нему, не плачьте обо мнѣ!

Она умолкла на минуту затѣмъ продолжала какъ-то отрывисто:

— Бѣдныя дѣти, вы остаетесь одни, но я и отецъ, мы невидимо, всегда будемъ съ вами! Любите-же другъ друга со всею братскою нѣжностью и никогда не разставайтесь; храните въ сердцахъ вашихъ воспоминаніе о тѣхъ, которые такъ горячо любили васъ; Торрибіо, я поручаю тебѣ брата, береги его и никогда не покидай!

— Клянусь вамъ въ этомъ честью, дорогая мама!—взволнованнымъ голосомъ воскликнулъ молодой человѣкъ, подавляя рыданіе.

— Благодарю тебя, сынъ мой! Когда меня не станетъ, опустите тѣло мое въ одну могилу съ вашимъ отцомъ. Мы съ нимъ были соединены въ жизни, я хочу соединиться съ нимъ и въ могилѣ. Силы мои слабѣютъ, я хочу васъ благословить!

Оба молодыхъ человѣка опустились на колѣни другъ подлѣ друга и склонили головы.

— Да благословитъ васъ Богъ, дѣти мои, будьте добрыми, честными людьми и вы будете счастливы! — тихимъ, голосомъ произнесла донна Хуана, опустивъ руку на головы своихъ дѣтей; тѣ рыдали, закрывъ лицо руками, тогда какъ умирающая тихо молилась, обративъ глаза къ небу.

Въ это время послышался тихій звукъ колокольчика.

— Ну, дѣти, встаньте и поцѣлуйте меня!—сказала больная.—Ахъ, дѣти, дѣти!—прошептала она въ отвѣтъ на ихъ нѣжныя ласки, — вы могли-бы заставить меня пожалѣть о жизни, если-бы я не знала, что черезъ нѣсколько минутъ соединюсь на вѣкъ съ вашимъ отцомъ! Не плачьте, дайте мнѣ приготовиться, чтобъ я могла достойно предстать передъ своимъ Творцомъ!

Въ комнату умирающей вошелъ священникъ со Святыми Дарами. Больная причастилась. А когда священникъ удалился, молодые люди снова вернулись къ ея изголовью и больше уже не отходили отъ нея.

Прошло еще нѣсколько часовъ. Донна Хуана ослабѣвала все болѣе и болѣе; лишь время отъ времени уста ея произносили одно какое-нибудь слово, а подъ утро, глаза ея вдругъ широко раскрылись, легкій румянецъ залилъ лицо; она приподнялась и обхватила руками головы своихъ сыновей.

— Благославляю! Любите другъ-друга! Торрибіо, поручаю тебѣ брата!—произнесла она ослабѣвшимъ голосомъ, затѣмъ

поцѣловала по очередно обоихъ молодыхъ людей, обезумѣвшихъ отъ горя; взглядъ ея принялъ какое-то неземное блаженное выраженіе, и она радостно воскликнула „Боже, прими мой духъ“!

Руки ея опустились и повисли; слабое дыханіе вылетѣло изъ устъ,—и она тихо упала на подушки. Ея не стало, но лицо ея сохранило все то-же выраженіе счастія и радости, какое было на немъ въ послѣднія минуты ея жизни.

Горе обоихъ молодыхъ людей не поддавалося никакому описанію: въ теченіе одного мѣсяца они лишились всего, что у нихъ было дорогого въ жизни, и остались одинокими, осиротѣлыми, безъ близкихъ и родныхъ, безъ семьи и опоры.

Спустя пятнадцать дней послѣ похоронъ донны Хуаны, молодые люди, устроивъ свои дѣла, отплыли изъ Буэносъ-Айреса въ качествѣ простыхъ матросовъ на англійскомъ трехмачтовомъ суднѣ „Зундерландъ“. Торрибіо хотѣлъ пройти школу простого матроса и изучить на практикѣ все, что ему уже было прекрасно извѣстно въ теоріи и что онъ основательно изучилъ раньше. Въ теченіе шести мѣсяцевъ онъ успѣлъ стать отличнымъ морякомъ, которому уже не оставалось ничему болѣе учиться, а потому, проплававъ четырнадцать мѣсяцевъ на „Зундерландѣ“, оба брата распрощались со своимъ судномъ въ Нью-Іоркѣ, гдѣ и остались.

— Ну, братъ!—сказалъ Торрибіо, какъ только они сошли на берегъ,—теперь мы будемъ плавать самостоятельно. Я рѣшилъ поступить въ качествѣ матроса на „Зундерландъ“ только для того, чтобы увѣриться въ тебѣ и дать возможность привыкнуть и приглядѣться къ этому дѣлу. Теперь ты сталъ прекраснымъ морякомъ; могу вполнѣ положиться на тебя; и вотъ, я задумалъ купить судно.

— Ты хочешь купить судно!—воскликнулъ Пепъ,—развѣ ты такъ богатъ?

— У меня есть своихъ 135,000 піастровъ, а у тебя наслѣдство отъ отца и матери въ 42,750 піастровъ, что составляетъ довольно кругленькую сумму, какъ видишь. Но мы съ тобой молоды и должны трудиться, въ наше время одни деньги

даютъ вѣсъ и значеніе человѣку въ свѣтѣ, и я хочу нажить большія деньги!

— Ты правъ, но какъ ты это сдѣлаешь?

— Какъ видишь, я хочу купить судно и стать въ то-же время и капитаномъ, и арматоромъ его (хозяиномъ), а ты будешь моимъ старшимъ помощникомъ.

— Нѣтъ, братъ, въ помощники я не гожусь!

— Какъ? почему?

— Послушай! Я себя знаю; я въ сущности не болѣе какъ простой гаучо, т. е. человѣкъ честный, прямодушный, но простой деревенскій парень. Дай мнѣ жить такъ, какъ мнѣ хочется, по своей волѣ, безъ тревогъ и заботъ! Я тебѣ не равня ни по уму, ни по образованію и не могу стоять на одной доскѣ съ тобой;—я только буду стѣснять тебя, буду мѣшать тебѣ, а я этого не хочу.

— Что-ты говоришь, братъ?

— Правду, сущую правду! Я знаю, ты меня любишь и, конечно, хочешь, чтобъ я былъ счастливъ,—не такъ-ли?

— Понятно?

— Ну, такъ предоставь мнѣ жить по моей волѣ, т. е. такъ, какъ мнѣ хочется. Я знаю, тебѣ нуженъ вѣрный, надежный человѣкъ, на котораго ты могъ-бы вполнѣ положиться, ну, однимъ словомъ, преданный слуга, — и этимъ-то я и хочу быть для тебя. Съ глазу на глазъ, между собой, мы будемъ по прежнему братья, а при людяхъ, для свѣта, ты будешь мой господинъ, а я, — твой слуга! Это то-же, что и всякая другая сдѣлка. Я убѣжденъ, что вскорѣ ты самъ будешь имѣть возможность убѣдиться въ удобствѣ такого уговора. Такъ, для начала я буду твоимъ подшкиперомъ, не болѣе того! Ну, что-же, рѣшено?

— Нѣтъ, братъ, на это я никогда не могу согласиться!

— Такъ, значитъ, ты меня не любишь!

— Я, не люблю тебя? Ахъ, Пепъ! — укоризненно произнесъ донъ Торрибіо

— Но разъ ты хочешь меня принудить жить такъ, какъ мнѣ не нравится!

— А если ты смотришь на это дѣло такъ, то дѣлай, какъ хочешь! Знай только, что когда тебѣ надоѣстъ эта смѣшная комедія, такъ ты приди и скажи мнѣ!—Обѣщай мнѣ это!

— Ну, обѣщаю! Такъ, значитъ, рѣшено?!

— Если ты непремѣнно этого хочешь, упрямецъ!—сказалъ донъ Торрибіо, заключая брата въ свои объятія.

— Благодарю! Очень благодарю тебя, братъ!—радостно воскликнулъ молодой человѣкъ, цѣлуя и обнимая брата.— Одно еще,—не забывай, что съ сегодняшняго дня я зовусь не Пепъ Кабаллеро, а...

— А какъ-же прикажете васъ величать?

— Пепъ Ортисъ.

— Ну, пусть будетъ Пепъ Ортисъ!—сказалъ смѣясь Торрибіо.

— Благодарю васъ, сеньоръ донъ Торрибіо де Ніебла!— отвѣтилъ Пепъ съ комическою важностью.

Такъ было заключено между двумя братьями это странное условіе, которое въ недалекомъ будущемъ должно было имѣть для нихъ самыя удивительныя послѣдствія, и мысль о которыхъ даже не приходила въ голову ни тому, ни другому изъ молодыхъ людей. Нѣсколько дней спустя послѣ этого разговора донъ Торрибіо пріобрѣлъ въ собственность за сумму въ 19,000 піастровъ прекраснѣйшее судно, которое назвалъ „Надежда“. Это было превосходное трехмачтовое судно, легкое и ходкое, вмѣстимостью въ 600 тоннъ, обшитое мѣдью, и признавалось всѣми моряками завиднымъ пріобрѣтеніемъ. Оно было построено въ Нью-Іоркѣ всего съ годъ назадъ и сдѣлало только два рейса: ходило въ Бразилію, и затѣмъ въ Индію.

Капитанъ, донъ Торрибіо де Ніебла, не теряя времени поручилъ Пепу набрать надежный экипажъ для его судна, что тотъ исполнилъ очень умѣло и удачно. Спустя недѣли двѣ, „Надежда“, нагруженная по самый дэкъ товаромъ, выгодно пріобрѣтеннымъ молодымъ владѣльцемъ, снялась съ якоря и ушла въ море, взявъ курсъ на Кантонъ.

Въ продолженіи цѣлыхъ восьми лѣтъ донъ-Торрибіо и Пепъ

исходили всѣ моря и океаны, посѣтили всѣ страны свѣта, побывали повсюду, на сѣверѣ и на югѣ, на востокѣ и на западѣ. При неизмѣнномъ счастіи и изумительной удачѣ всѣхъ предпринятыхъ ими торговыхъ оборотовъ, богатство двухъ братьевъ возрастало съ изумительной быстротой, превосходившей даже всѣ самыя смѣлыя ихъ ожиданія.

За годъ или полтора до начала нашего разсказа „Надежда“, стоявшая уже около шести недѣль на якорѣ въ Кадиксѣ, готовилась къ отплытію, взявъ грузъ на Нью-Іоркъ. И вотъ, послѣдній тюкъ уже спущенъ въ трюмъ, экипажъ въ сборѣ,—все готово; на утро судно должно было стать подъ паруса и уйти въ море.

Время клонилось къ вечеру; капитанъ донъ-Торрибіо де Ніебла, сидя въ одной изъ комнатъ гостиницы „Трехъ Волхвовъ“, гдѣ онъ квартировалъ, оканчивалъ нѣкоторыя дѣловыя письма и счета; къ нему вошелъ прислуживавшій ему юнга и доложилъ, что какой-то пожилой человѣкъ настоятельно проситъ видѣть капитана, увѣряя, будто имѣетъ сообщить ему нѣчто очень важное.

— Пусть войдетъ!—сказалъ капитанъ.

Юнга ввелъ незнакомца и скромно удалился.

Вошедшій былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, высокаго роста, крѣпкаго сложенія, съ грустнымъ, мрачнымъ лицомъ. Въ немъ сразу можно было признать стараго солдата. Одѣтъ онъ былъ очень бѣдно, но чрезвычайно опрятно и съ достоинствомъ умѣлъ носить свои лохмотья или, какъ говоритъ одна картинная испанская пословица, „умѣлъ находить способъ драпироваться въ бичевочку“.

Незнакомецъ почтительно поклонился капитану и остался стоять со шляпой въ рукахъ.

Донъ-Торрибіо, оглядѣвъ его съ любопытствомъ, предложилъ ему сѣсть и, закуривъ сигару, спросилъ, что онъ имѣетъ ему сказать

— Сеньоръ!—отвѣчалъ незнакоменъ,—зовутъ меня Лукасъ Мендесъ; я—родомъ изъ Соноры, одной изъ провинцій

Мексиканской республики. Если позволите, въ нѣсколькихъ словахъ разскажу вамъ всю мою повѣсть!

— Говорите, сеньоръ!—сказалъ капитанъ, вѣжливо кланяясь,—я слушаю!

— Лѣтъ двадцать тому назадъ, во время войны за независимость, меня насильно увезли съ родины,—началъ Лукасъ Мендецъ,—и привезли въ Испанію въ качествѣ военно плѣннаго или вѣрнѣе инсургента, такъ какъ я былъ схваченъ въ ряду бунтовщиковъ съ оружіемъ въ рукахъ. Я не стану разсказывать вамъ, что я за это время выстрадалъ и перетерпѣлъ,—это было-бы слишкомъ скучно для васъ, да и едва-ли интересно. Скажу только, что выносилъ и терпѣлъ я, не жалуясь. Но теперь священнный долгъ, данная мною умирающему клятва, призываетъ меня на родину. Къ несчастію, я не имѣю ни гроша, даже на пропитаніе, и потому пришелъ просить васъ, какъ милости, разрѣшить мнѣ сопровождать васъ. Я буду служить вамъ, какъ вѣрный песъ,—быть можетъ, даже сумѣю быть вамъ полезнымъ, когда мы будемъ въ Мексикѣ, потому что, не смотря на долгое отсутствіе мое, я хорошо знаю и помню свою родину. Если вы захотите уважить мою просьбу, вы этимъ сдѣлаете поистинѣ доброе дѣло, спасете человѣка отъ отчаянія и дадите ему возможность сдержать данную имъ клятву!

— Но я иду въ Нью-Іоркъ, а не въ Мексику, сеньоръ!—сказалъ донъ-Торрибіо, внимательно вглядываясь въ своего посѣтителя.

— Да, я знаю, капитанъ, но мнѣ также извѣстно, что изъ Нью-Іорка вы намѣреваетесь идти въ Вера-Крусъ.

— Это справедливо, вы не ошиблись, но скажите, кто прислалъ васъ ко мнѣ?

— Сегодня въ полдень, находясь случайно на набережной, я видѣлъ васъ, сеньоръ, когда вы сходили съ вашего судна. Ваше лицо мнѣ показалось ужасно знакомо, оно живо напоминаетъ мнѣ одну личность, которую я нѣкогда близко зналъ и которой я самъ закрылъ глаза. И вотъ, самъ я не знаю какъ, что-то толкнуло меня идти на „Надежду“; са-

мое названіе судна было уже добрымъ для меня предзнаменованіемъ!—добавилъ онъ, улыбаясь. На палубѣ первымъ попался мнѣ вашъ подшкиперъ; не помню, что я ему говорилъ, но только онъ отнесся ко мнѣ участливо и поручилъ мнѣ передать вамъ записку и обратиться къ вамъ лично съ моей просьбой. Я такъ и сдѣлалъ.

— А гдѣ у васъ эта записка?

— Здѣсь, капитанъ, вотъ она!

Донъ-Торрибіо взялъ записку и пробѣжалъ ее глазами, затѣмъ, написавъ на ней нѣсколько словъ, снова запечаталъ и вручилъ Лукасу Мендесу.

— Я согласенъ и принимаю васъ къ себѣ на службу, Лукасъ Мендесъ!—сказалъ капитанъ,—вернитесь немедленно на судно, тамъ мой подшкиперъ доставитъ вамъ все, что для васъ необходимо; мы уходимъ завтра съ разсвѣтомъ. Идите-же съ Богомъ, другъ мой!

Выраженіе глубокой благодарности отразилось въ блѣдныхъ, осунувшихся чертахъ старика,—и двѣ большихъ слезы тихо скатились по его впалымъ щекамъ.

— Благодарю васъ, ваша милость!—прошепталъ онъ тихимъ, растроганнымъ голосомъ, —благодарю, но позвольте мнѣ добавить еще только одно слово!

— Говорите!

— Я уже говорилъ вашей милости,—нерѣшительно продолжалъ онъ,—что далъ клятву, которую считаю ненарушимой даже и по отношенію къ вамъ, спасителю моему, но я хочу предупредить вашу милость, что, когда мы прибудемъ въ Мексику, то, быть можетъ, мнѣ придется отлучиться нѣсколько разъ, не объясняя вамъ причины.

Молодой человѣкъ улыбнулся.

— У васъ могутъ быть частныя дѣла, какъ и у меня!—сказалъ онъ,—когда мы будемъ тамъ, я предоставлю вамъ полную свободу. Что-же касается вашей тайны, на которую вы намекаете мнѣ, то я буду ждать до тѣхъ поръ, пока вы не пожелаете сами открыть ее мнѣ; самъ-же никогда не вызову васъ на откровенность, такъ что вы можете быть по-

койны! Идите, Лукасъ Мендесъ, со временемъ мы будемъ имѣть случай узнать другъ друга ближе!

Старикъ раскланялся и вышелъ.

Вотъ какимъ образомъ случилось, что у дона-Торрибіо оказались два преданныхъ ему по гробъ и безгранично привязанныхъ къ нему слуги, на которыхъ онъ во всемъ могъ положиться, какъ на себя.

На слѣдующее утро, въ назначенное время „Надежда" ушла изъ Кадикса и пошла въ Вера-Крусъ.

Теперь мы будемъ продолжать нашъ разсказъ съ того мѣста, гдѣ остановились въ концѣ первой главы. Впослѣдствіи, когда это будетъ нужно, мы не забудемъ сообщить нашему читателю, какъ и почему, полтора года спустя по выходѣ „Надежды" изъ Кадикса, донъ Торрибіо пріютился въ глухой, забытой деревенькѣ нижней Калифорніи, путешествуя на конѣ, какъ-какой нибудь мѣстный ранчеро, послѣ того какъ онъ объѣздилъ чуть-ли не всю Мексику.

IV.

Какова была благодарность дона Мануеля.

Донъ-Торрибіо зналъ изъ разговоровъ, что донъ-Мануель со своей семьей намѣревался отправиться въ Санъ-Діего-дель-Ріо, гдѣ онъ разсчитывалъ найти возможность сѣсть на другое судно, которое согласилось-бы доставить его въ Акапулько, откуда онъ думалъ добраться и до города Мексико. Сдѣлать все это путешествіе на „Лафайетѣ" нечего было и думать: капитанъ объявилъ, что его бригъ не можетъ уйти въ море ранѣе, какъ по прошествіи мѣсяца или шести недѣль. Поэтому донъ-Мануель просилъ выгрузить свои вещи и багажъ и щедро расплатился съ капитаномъ.

Въ Санъ-Діего-дель-Ріо былъ отправленъ нарочный, чтобы узнать, стоятъ-ли тамъ суда. Нѣсколько дней спустя, посланный возвратился и объявилъ, что Санъ-Діего-дель-

Ріо—незначительное мѣстечко, въ которое заходятъ исключительно только контрабандирскія суда, и что тамъ сѣсть на судно нѣтъ никакой возможности. Извѣстіе это, повидимому, очень опечалило дона-Мануеля. Положеніе становилось затруднительнымъ, не могъ-же онъ, въ самомъ дѣлѣ, засѣсть безвыходно на столь продолжительное время въ этой глухой забытой деревушкѣ?!

Донъ-Торрибіо посовѣтовалъ ему отправиться сухимъ путемъ въ Сонору и сѣсть на корабль въ Гуаймасѣ; это значило сдѣлать съ небольшимъ сто миль; не спѣша, это путешествіе можно было совершить безъ особыхъ затрудненій и при сравнительно благопріятныхъ условіяхъ. Послѣ коекакихъ возраженій, сдѣланныхъ просто для формы, донъ-Мануель рѣшилъ послѣдовать совѣту молодого человѣка и, не теряя времени, отдалъ приказаніе купить муловъ, нанять arrieros (вожаковъ для муловъ) и разыскать надежнаго проводника.

Однажды утромъ, придя въ церковный домъ, донъ-Торрибіо замѣтилъ необычайный безпорядокъ, а донъ-Мануель объявилъ ему, что на слѣдующій день онъ уѣзжаетъ.

Это извѣстіе, сообщенное ему такъ просто и естественно, какъ нѣчто такое, что для него должно было быть совершенно безразлично, такъ поразило молодого человѣка, что онъ насилу удержался на ногахъ, прислонившись къ стѣнѣ, блѣдный, какъ полотно. Боль, причиненная ему этимъ, была такъ нестерпима, что одно мгновеніе онъ думалъ, что долженъ умереть.

Между тѣмъ донъ-Мануель, не обративъ на него ни малѣйшаго вниманія, отошелъ отъ него, а несчастный молодой человѣкъ, какъ безумный, выбѣжалъ въ садъ и тамъ искалъ уединенія въ маленькой рощицѣ зонтичныхъ пальмъ. Опустившись на скамью, онъ закрылъ лицо руками и далъ волю слезамъ. Сколько времени онъ такъ плакалъ съ тихимъ рыданіемъ, которое всячески старался подавить,— никто не могъ сказать. Быть можетъ, нѣсколько минутъ, а быть можетъ, и нѣсколько часовъ,: время идетъ такъ мед-

ленно, когда на душѣ тяжело, а у дона-Торрибіо было очень тяжело на душѣ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что чья-то нѣжная рука тихо и осторожно опустилась на его плечо; онъ вздрогнулъ, точно по немъ прошелъ электрическій токъ, и поднялъ голову.

Передъ нимъ стояла донна-Санта, прекрасная и лучезарная, какъ всегда, но блѣдная, взволнованная и съ глазами, полными слезъ.

Вѣроятно, лицо молодого человѣка въ эту минуту выражало страшную муку, потому что при взглядѣ на него она даже отступила назадъ, и горестное удивленіе отразилось въ ея чертахъ.

— Бѣдный, бѣдный донъ-Торрибіо! — прошептала она голосомъ жалостнымъ и нѣжнымъ, какъ пѣніе.

— Какъ! вамъ извѣстно мое имя?!—воскликнулъ онъ.

— Я знаю все,—сказала она тихо,—и, быть можетъ, знаю это не одна!—прибавила она со вздохомъ. Я угадала васъ прежде даже, чѣмъ я узнала, кто вы. Я разспросила о васъ Педро Гутіерреса, а онъ, не имѣя причины скрывать, сказалъ мнѣ все.

— Можете вы простить меня?—грустно спросилъ молодой человѣкъ.

— Простить что?—сказала она съ очаровательной улыбкой, несмотря на то, что слезы все еще стояли у нея въ глазахъ,—простить за то, что вы спасли намъ жизнь, и жизнь всѣхъ дорогихъ и близкихъ мнѣ людей, цѣною вашей собственной жизни?! Мало того, я отъ всей души простила вамъ это ваше инкогнито, причины котораго для меня понятны, но, кромѣ того, я еще благодарна вамъ... быть можетъ, даже больше, чѣмъ-бы мнѣ слѣдовало!—добавила она чуть слышно.

— О!—воскликнулъ онъ съ неизъяснимымъ волненіемъ,— за это слово...

— Шшъ!—поспѣшно сказала она,—я могу пробыть здѣсь съ вами всего одну минуту: за мной слѣдятъ и подсматриваютъ. Можетъ быть, меня и теперь уже разыскиваютъ. Но

когда я увидала ваше отчаяніе, ваше горе, мнѣ сдѣлалось такъ больно, такъ тяжело, что я рѣшилась повидать васъ въ послѣдній разъ и сказать вамъ: „Не унывайте, надѣйтесь, донъ-Торрибіо! Тѣхъ, кого люди разлучаютъ, Богъ можетъ соединить; вѣрьте, надѣйтесь, будущее наше,—ваше, хотѣла я сказать,—поправилась она, вся покраснѣвъ. Чтобы скрыть свое замѣшательство, она поспѣшно стала снимать съ шеи золотую цѣпочку съ привѣшенной къ ней голубой бархатной шитой золотомъ ладонкой и, вложивъ эту священную вещь въ руку молодого человѣка, сказала:

— Это послѣдній подарокъ моей покойной матери; я да клятву никогда не разставаться съ этой ладонкой;—но возьмите ее и храните на память обо мнѣ; можетъ быть, вы когда-нибудь вернете ее мнѣ. Прощайте, донъ-Торрибіо!

— Нѣтъ, нѣтъ! — воскликнулъ молодой человѣкъ, схвативъ ея руки и покрывая ихъ поцѣлуями,—не говорите мнѣ „прощайте“, а— „до свиданія“!

— Ну, до свиданья!—прошептала она и, выдернувъ свои руки изъ его рукъ, упорхнула, какъ птичка.

На слѣдующее утро, какъ это было рѣшено, донъ-Мануель съ семействомъ пустился въ путь, направляясь къ Гуайжасъ.

Донъ-Торрибіо предложилъ дону-Мануелю сопровождать его въ теченіе одного или двухъ дней и, получивъ согласіе, вновь почувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ, что могъ еще нѣкоторое время не разставаться съ горячо любимой имъ дѣвушкой; молча, степеннс онъ ѣхалъ подлѣ ея отца.

Кромѣ вожаковъ, сопровождавшихъ муловъ, на которыхъ везли багажъ дона-Мануеля, послѣдній приказалъ своему майордому озаботиться о надежномъ проводникѣ, который былъ бы хорошо знакомъ съ этой мѣстностью, и о конвоѣ, въ количестсѣ двадцати человѣкъ здоровыхъ, дюжихъ парней. Благодаря такой предусмотрительности, дону-Мануелю и его семьѣ нечего было опасаться нападенія пограничныхъ бродягъ и всякаго рода мелкихъ и крупныхъ бандитовъ, какими кишатъ всѣ саванны Соноры.

Первые два дня пути прошли безъ особенныхъ приключеній. Донъ-Торрибіо снова упивался своимъ счастіемъ; за эти два дня онъ не разъ сумѣлъ найти случай перекинуться на единѣ нѣсколькими словами съ донной Сантой. Ладонку ея онъ съ благоговѣніемъ носилъ на груди и былъ счастливъ въ настоящемъ и въ будущемъ, потому что теперь въ немъ жила надежда.

Однажды молодая дѣвушка успѣла шепнуть ему:

— Не ищите меня въ Мексико! Очень возможно, что мы совсѣмъ не поѣдемъ туда; мы поселимся въ Сонорѣ, но только я не знаю, гдѣ именно!

Донъ-Торрибіо запечатлѣлъ у себя въ памяти это столь драгоцѣнное для него, хотя и весьма смутное свѣдѣніе, несмотря на то, что въ настоящее время онъ ни мало не думалъ о будущемъ и не дѣлалъ никакихъ предположеній, а жилъ лишь настоящимъ. Ему порою начинало приходить на умъ, что часъ разлуки, быть можетъ, вѣчной—близокъ.

Проводникъ, взявшійся быть путеводителемъ маленькаго каравана, былъ старый, опытный охотникъ, проведшій большую часть жизни въ лѣсахъ Сеноры и знавшій лучше, чѣмъ кто-либо, жизнь Преріи.

Повидимому, донъ-Мануель относился къ нему съ большимъ уваженіамъ, но это не помѣшало ему, несмотря на самыя настоятельныя возраженія этого человѣка, возраженія весьма резонныя и основательныя, приказать, чтобы караванъ расположился на ночлегъ въ довольно глубокомъ оврагѣ близъ свѣтлаго широкаго и быстраго ручья, протекавшаго по дну оврага и пересѣкавшаго на громадномъ пространствѣ тотъ дѣвственный лѣсъ, въ который съ утра этого дня вступили наши путешественники.

Донъ - Торрибіо, вся жизнь котораго прошла въ пампасахъ, сильно поддерживалъ проводника, но и это не возымѣло дѣйствія на упрямца. Молодой человѣкъ, со свойственной ему непогрѣшимостью глаза, замѣтилъ, что какъ разъ на томъ мѣстѣ, которое было избрано craftsменъ Мануелемъ для ночлега, среди безчисленныхъ слѣдовъ, запечатлѣвшихся

въ мягкомъ береговомъ пескѣ, виднѣлся свѣжій слѣдъ, показавшійся ему весьма подозрительнымъ.

Какъ видно, это мѣсто служило водопоемъ для страшныхъ хищниковъ, обитателей этихъ лѣсовъ. Онъ тотчасъ же сообщилъ свои наблюденія проводнику, а тотъ, основательно изслѣдовавъ почву, призналъ опасенія молодого человѣка справедливыми и счелъ долгомъ предупредить о томъ дона Мануеля. Но послѣдній только насмѣялся надъ ихъ страхами, которые ему казались очень забавными, и кончилъ заявленіемъ, что теперь уже поздно искать другого мѣста для ночлега; что караванъ достаточно многолюденъ и при томъ прекрасно вооруженъ, и звѣри, если только таковые существуютъ здѣсь на самомъ дѣлѣ, а не въ одномъ воображеніи проводника, конечно, почуютъ присутствіе людей и не посмѣютъ приблизиться къ лагерю, а отправятся искать счастья въ другомъ мѣстѣ.

Вообще, донъ Мануель былъ одаренъ изрядной долей упорства и при томъ увѣрялъ, что знаетъ пампасы не хуже всякаго природнаго охотника, если только не лучше, а разъ онъ рѣшилъ что-либо, то не было никакой возможности заставить его измѣнить рѣшеніе: никакія доказательства, ни просьбы, ни увѣщанія не дѣйствовали на него. Видя это, проводникъ, волей-неволей, принужденъ былъ предоставить вопросъ о мѣстѣ ночлега волѣ дона Мануеля.

— Я исполнилъ свой долгъ и предупредилъ сеньора, — сказалъ онъ,—а тамъ, да будетъ воля Божія!

Единственное отступленіе отъ своей первоначальной мысли, которое допустилъ донъ-Мануель, было сдѣлано для дамъ: для нихъ приказано было разбить палатку на значительномъ разстояніи отъ общаго бивуака, такъ что онѣ оказались совершенно обособленными въ густой чащѣ деревьевъ.

Такого рода странное распоряженіе было верхомъ безумія со стороны дона Мануеля, если только не глупымъ и печальнымъ фанфаронствомъ.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ дѣло могло окончиться очень печальной катастрофой. Донъ - Торрибіо,

помнившій объ ягуарахъ, за которыми онъ такъ долго гнался, до встрѣчи своей съ Гутіеррестомъ, и знакомства съ донной Сантой, рѣшилъ не ложиться въ эту ночь и усердно караулить вокругъ двойной палатки, гдѣ спала любимая имъ дѣвушка.

Поужинали; затѣмъ поговорили немного о событіяхъ дня и о предположеніяхъ на завтра, послѣ чего донъ Мануель проводилъ своихъ дамъ и сына до ихъ ставки, весело пожелавъ имъ покойной ночи, онъ вернулся къ общему бивуаку и тотчасъ же улегся спать въ особаго рода шалашѣ, нарочно приготовленномъ для него, предоставивъ проводнику и стражѣ заботиться объ общей безопасности.

Тогда донъ Торрибіо всталъ со своего мѣста и, не возбуждая ничьего подозрѣнія, заявилъ, что хочетъ сдѣлать небольшой обходъ въ окрестности, послѣ чего удалился отъ костра въ сопровожденіи вѣрнаго Пепа Ортиса, который, угадавъ его мысль пошелъ за нимъ слѣдомъ.

Идя рядомъ, братья тихо разговаривали между собой, обсуждая предстоящій планъ дѣйствій, и незамѣтно углубились въ самую чащу лѣса. Минутъ десять спустя, всѣ уже сидѣли въ засадѣ немного впереди палатки, въ густой чащѣ деревьевъ, которыя ихъ совершенно скрывали отъ глазъ.

Ночь была великолѣпная; все небо искрилось алмазными звѣздами; легкій, едва замѣтный вѣтерокъ пробѣгалъ по верхушкамъ деревьевъ таинственно перешептывавшихся между собой, Кругомъ царила торжественная тишина и спокойствіе ночи: привычный слухъ охотниковъ ловилъ лишь временами слабый, чуть слышный шелестъ или хрустъ сухой вѣтки гдѣ то вдали. То были тревожныя предзнаменованія, они предупреждали ихъ о томъ, что звѣри уже покинули свои логовища въ глубинѣ лѣсовъ и теперь вышли искать добычи.

Прошло нѣсколько часовъ времени, но до сихъ поръ ничто еше не нарушало спокойствія охотниковъ. Издали имъ виднѣлись огни костровъ главнаго бивуака, постепенно затухавшіе, такъ какъ ихъ уже не старались поддерживать

Ночь подходила къ концу. Донъ Торрибіо начиналъ уже

обнадеживаться и думалъ, что все обойдется благополучно, что они отдѣлаются на этотъ разъ однимъ страхомъ. Близился разсвѣтъ. Онъ и Пепъ собирались вернуться на биуакъ и заснуть часъ—другой передъ наступленіемъ утра, какъ вдругъ невдалекѣ послышалось глухое, протяжное рычаніе, на которое тотчасъ же отозвалось другое, совершенно подобное рычаніе немного подальше. Спустя нѣсколько мгновеній, изъ чащи вышелъ великолѣпный ягуаръ и оглнулся по сторонамъ; другой такой же ягуаръ вышелъ и сталъ подлѣ него, а за нимъ слѣдомъ большими прыжками выскочили изъ кустовъ двое другихъ, значительно меньше двухъ первыхъ. Такимъ образомъ охотникамъ приходилось имѣть дѣло съ цѣлой семьей ягуаровъ. Дѣло было не шуточное.

Два большихъ ягуара казались встревоженными; они съ шумомъ втягивали въ себя воздухъ, очевидно, чуя что то непривычное. Недовѣрчиво уставившись на двойную палатку, но не осмѣливаясь, однако, еще приблизиться къ ней, они стояли неподвижно. Такъ продолжалось двѣ или три минуты; затѣмъ они медленно прилегли къ землѣ, заложивъ назадъ уши, оскаливъ зубы и усиленно ударяя хвостами по землѣ. Очевидно, они готовились сдѣлать нападеніе на палатку.

Въ этотъ моментъ, донъ-Торрибіо замѣтилъ, что „фрэнада“ (завѣса), закрывавшая входъ въ палатку, тихонько приподнялась, и съ ужасомъ, который оледенилъ кровь въ его жилахъ, увидѣлъ, что донна Санта-выглянула изъ палатки и озиралась по сторонамъ съ видимымъ безпокойствомъ.

Безъ сомнѣнія, молодая дѣвушка, пробужденная отъ сна протяжнымъ ревомъ хищниковъ, встала и захотѣла своими глазами убѣдиться, на сколько велика была грозившая всѣмъ имъ опасность.

При видѣ донны-Санта, ягуары громко зарычали, такъ что ревъ ихъ, точно громъ, раскатился по лѣсу, и, присѣвъ на заднія лапы, готовились сдѣлать прыжокъ и разомъ наскочить на несчастную жертву, которая сама давалась имъ въ лапы.

Разстояніе, раздѣлявшее ихъ отъ дѣвушки, было незначительное, въ три прыжка тигры схватили-бы ее. Обезумѣвъ отъ ужаса, донна Санта упала на колѣни и взглядомъ, полнымъ неизъяснимаго страха и отчаянія, уставилась на ягуаровъ.

Нельзя было медлить ни минуты. На мою долю самецъ, на твою—самка!—крикнулъ донъ Торрибіо брату.

При звукѣ человѣческаго голоса оба звѣря вздрогнули, испустили громкій ревъ, еще громче перваго,—и горящіе зрачки ихъ глазъ, точно большіе горячіе угли, устремились на охотниковъ, съ выраженіемъ безграничной злобы и ярости.

Въ тотъ-же моментъ прогремѣли два выстрѣла; донъ Торрибіо и Пепъ Ортисъ, выскочивъ изъ своей засады, накинулись на ягуаровъ со своими мечами,—большими охотничьими ножами въ рукахъ. Но имъ уже ничего не оставалось дѣлать: ягуары были мертвы. Оставалось только прикончить съ двумя молодыми звѣрями, что уже не представляло особой трудности.

Управившись съ дѣтенышами, донъ Торрибіо поспѣшилъ къ доннѣ Сантѣ.

Онъ поднялъ ее, но она, заливаясь слезами, упала въ его объятія.

— Успокойтесь, сеньорита!—сказалъ онъ мягкимъ, ласковымъ голосомъ,—вы спасены; теперь вамъ не грозитъ никакой опасности!

— Спасена!.. да!—сказала она, — все благодаря вамъ, донъ Торрибіо!—И вдругъ, выпрямившись во весь ростъ, взглянула на своего спасителя. съ выраженіемъ странной рѣшимости въ лицѣ и произнесла такимъ голосомъ, который невольно поразилъ молодого человѣка: „Эта жизнь, которую вы мнѣ спасли дважды, вдвойнѣ принадлежитъ вамъ, донъ Торрибіо!—Клянусь вамъ, что, если я не буду ваша, то буду ничья!—и, будучи не въ силахъ преодолѣть своего волненія, она лишилась чувствъ.

Молодой человѣкъ внесъ ее въ палатку, гдѣ ея мачеха

и маленькій братишка, обезумѣвъ отъ страха, громко плакали и рыдали, ломая руки.

Въ слѣдующій моментъ охотники, т. е. охранная стража предводительствуемые проводникомъ и дономъ Мануелемъ, вбѣжали бѣгомъ въ палатку, не помня себя отъ тревоги и опасеній. Особенно донъ Мануель, казалось, былъ въ ужасномъ отчаяніи и горѣ, онъ страшно упрекалъ себя во всемъ случившемся, ударялъ себя въ грудь и рвалъ на себѣ волосы.

Донъ Торрибіо подошелъ къ нему и сказалъ.

— Успокойтесь, сеньоръ, все обошлось благополучно! никто не раненъ, ваши дамы не пострадали: тигры убиты.

Донъ Мануель съ минуту стоялъ, какъ ошеломленный, будучи не въ силахъ произнести ни слова, а только поводя вокругъ себя испуганными глазами и какъ-бы недоумѣвая, что случилось и что онъ слышетъ; затѣмъ, ударивъ себя по лбу, воскликнулъ.

— Лоцманъ, я не въ силахъ отблагодарить васъ!—и голосъ его, и самъ онъ весь дрожалъ отъ волненія; помните одно, что-бы ни случилось, я навсегда останусь вашимъ должникомъ и вашимъ другомъ!—и онъ нѣсколько разъ крѣпко пожалъ руку молодого человѣка.

Послѣ этого событія, нечего было и думать продолжать съ разсвѣтомъ путь: дамы, едва оправившись отъ ужаснаго потрясенія, испытаннаго ими, и отъ сознанія, что онѣ были на волосокъ отъ смерти, самой ужасной, отъ которой спаслись только чудомъ, были еще такъ слабы и взволнованы, что не могли никакъ пуститься въ дорогу. Имъ необходимъ былъ полнѣйшій отдыхъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Но теперь, чтобы обезпечить себя отъ посѣщеній такихъ гостей, какъ гости прошлой ночи, бивуакъ былъ перенесенъ на другое мѣсто, и затѣмъ всѣ предались пріятному отдыху. Обращеніе дона Мануеля къ молодому человѣку сразу замѣтно измѣнилось; холодный, сдержанный, порою даже надменный, онъ сдѣлался теперь ласковъ, предупредителенъ и относился къ нему, какъ къ равному себѣ.

Тотчасъ послѣ завтрака донъ Мануель предложилъ сигару

дону Торрибіо и, закуривъ самъ, посовѣтовалъ дамамъ пойти отдохнуть, а молодого человѣка сталъ звать проѣхаться немного по лѣсу и кстати поохотиться, чѣмъ Богъ пошлетъ.

Въ сопровожденіи одного только Пепа Ортиса и одного изъ людей, конвоировавшихъ караванъ, наши охотники выѣхали верхами изъ лагеря и углубились въ чащу лѣса. Охота началась почти съ первыхъ шаговъ; дичи была такая масса, что къ полудню, когда нестерпимый зной принудилъ охотниковъ остановиться, было убито уже болѣе тридцати штукъ всякой дичи; они могли-бы убить вчетверо больше, но не хотѣли бить безъ разбора, а стрѣляли на выборъ.

Охотники спѣшились въ прелестной прогалинкѣ у свѣтлаго ручья; наемный провожатый былъ отосланъ съ битой дичью въ лагерь, только Пепъ Ортисъ остался при охотникахъ, чтобы стеречь лошадей и охранять сонъ господъ, если-бы имъ вздумалось предаться сіэстѣ*).

Донъ Мануель усѣлся на траву, прислонясь спиной къ скамьѣ и приглашая жестомъ дона-Торрибіо послѣдовать его примѣру.

Съ минуты ихъ отъѣзда изъ лагеря, охотники говорили лишь о вещахъ, не имѣющихъ значенія ни для того, ни для другого и большею частію относящихся къ охотѣ. Теперь-же они были одни, такъ какъ Пепъ Ортисъ растянулся на травѣ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ, чтобы не стѣснять ихъ своимъ присутствіемъ, и, казалось, крѣпко спалъ.

Раскуривъ сигару, донъ Торрибіо передалъ дону Мануелю свой мачеро (machero), чтобы и онъ зажегъ свою сигару Machero этотъ былъ изъ чистаго золота, замѣчательно художественной работы. Донъ Торрибіо заплатилъ за него громадныя деньги, будучи послѣдній разъ въ Парижѣ. Раскуривъ сигару, донъ-Мануель принялся внимательно разсма-

---

*) Сіэста—знойное время дня въ Америкѣ, когда всѣ предаются лѣнивому ничего - недѣланію. Въ Америкѣ слово сіэста равносильно итальянскому dolce far niente („пріятное ничего - недѣланіе“).

тривать эту прелестную вещицу и затѣмъ, возвращая ее молодому человѣку, сказалъ:

— Этотъ machero рѣдкая и цѣнная вещица и должна стоить очень дорого! Тутъ одного золота болѣе, чѣмъ на пять унцовъ, не считая работы, которая въ высшей степени художественна! Теперь уже не дѣлаютъ такихъ вещей здѣсь въ Мексикѣ.

— Да, эта вещь не здѣшней работы: она куплена въ Парижѣ у знаменитаго мастера и стоила десять унцовъ (т. е. 850 франковъ на французскія деньги).

— Эге!—усмѣхнулся донъ-Мануэль,—видно, лоцманство здѣсь, у береговъ Калифорніи, дѣло прибыльное, если вы можете себѣ позволять такія дорогія прихоти.

— Я, право, не знаю, сеньоръ, на сколько прибыльно лоцманское дѣло здѣсь, у береговъ Калифорніи, или въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ!

Какъ-же такъ, когда вы сами лоцманъ.

— Я?!—воскликнулъ, смѣясь, молодой человѣкъ,—нѣтъ я никогда имъ не былъ! Единственное судно, которое я проводилъ въ качествѣ лоцмана было то, на которомъ находились вы въ качествѣ пассажира!

Въ такомъ случаѣ, примите мои поздравленія. Для перваго раза вы прекрасно справились со своей задачей: безъ васъ мы всѣ погибли-бы непремѣнно!

— Не знаю, сеньоръ!—Во всякомъ случаѣ, я очень счастливъ, что случай помогъ мнѣ быть какъ-разъ на томъ мѣстѣ, чтобы имѣть возможность оказать вамъ эту услугу.

— Скажите прямо, чтобы спасти намъ жизнь, сеньоръ!— любезно поправилъ его донъ Мануель,—но вы говорите о случаѣ,—развѣ вы не имѣете постояннаго жительства въ той деревушкѣ?

— Я?—безпечно и весело отвѣчалъ донъ Торрибіо,—нѣтъ! Я такой-же чужой человѣкъ въ этой странѣ и такой-же путешественникъ, какъ и вы! Гроза загнала меня тогда въ тотъ пуебло всего за нѣсколько часовъ до прихода туда вашего судна!

— Аа...—задумчиво протянулъ его собесѣдникъ.

Нѣкоторое время длилось молчаніе: повидимому, донъ Мануель размышлялъ о чемъ-то.

Судя по манерѣ, какъ этотъ господинъ разспрашивалъ его, донъ Торрибіо понялъ сразу, что тотъ дѣлаетъ ему нѣчто въ родѣ допроса. Но что изъ этого? ему, вѣдь, нечего было скрывать, нечего опасаться. Затѣмъ, послѣ того, что случилось, не лучше-ли было для него, выдать себя за то, что онъ былъ на самомъ дѣлѣ, а не стараться сохранить за собой инкогнито, которое онъ считалъ теперь совершенно лишнимъ и даже, до нѣкоторой степени вредящимъ, тѣмъ новымъ отношеніямъ, которыя онъ надѣялся завязать съ этимъ господиномъ?

Между тѣмъ, послѣ минутнаго молчанія, донъ Мануель, какъ-бы угадавъ мысли молодого человѣка, покачивая головою, съ видомъ полнѣйшаго добродушія, которое даже тронуло дона Торрибіо, продолжалъ:

— Да, да, это бываетъ! Человѣкъ молодъ, характеръ слегка экзальтированный, жаждущій приключеній. Начитавшись, быть можетъ, французскихъ романовъ, онъ пожелалъ осуществить прочитанное и стать, до извѣстной степени, героемъ подъ покровомъ таинственности. Но событія идутъ своимъ порядкомъ, осложняются,—и вотъ, настаетъ день и часъ, когда спохватываешься, что дѣйствительная жизнь предъявляетъ кое-какія требованія, которыхъ мы раньше не предвидѣли. Тогда-то это необдуманно принятое инкогнито начинаетъ тяготить: мы почти сожалѣемъ, что навязали его себѣ, и рады были-бы отъ него отдѣлаться при случаѣ.

Донъ Торрибіо весело расхохотался.

— А! — сказалъ его собесѣдникъ съ легкой улыбкой, — значитъ, я угадалъ?!

— Почти! — весело отозвался молодой человѣкъ, — но долженъ вамъ признаться откровенно, кабаллеро, что во всемъ этомъ не было ничего предумышленнаго съ моей стороны. Первая наша встрѣча, какъ вы, вѣроятно, помните, состоялась при столь необычайныхъ условіяхъ, что я предпочелъ со-

хранить инкогнито въ вашихъ глазахъ, будучи въ полной увѣренности, что вы сейчасъ-же покинете ту деревушку и что наше знакомство тутъ-же прекратится!

— Да, но вышло иначе. Вы продолжали свою мистификацію. Нѣсколько разъ я принимался разспрашивать о васъ уважаемаго священника, который пріютилъ насъ у себя. Но, вѣроятно, подъученный вами, онъ хранилъ упорное молчаніе, и я никогда не могъ добиться отъ него ни малѣйшаго свѣдѣнія о васъ.

— Да, это правда, сеньоръ. Вы меня простите, я дѣйствительно просилъ его не говорить ничего обо мнѣ; да въ сущности, даже если-бы онъ и захотѣлъ, то не могъ-бы ничего сказать вамъ: вѣдь, онъ и самъ совсѣмъ не знаетъ меня!

— Ага! ну, теперь я понимаю! Конечно, все заставляло предполагать, что случайная наша встрѣча не будетъ имѣть послѣдствій и вы, конечно, имѣли полное право поступить такъ, какъ вы поступили, но вышло иначе. Знакомство наше продолжалось, мало того, оно вдругъ стало близкимъ, интимнымъ. Я и остальные члены моей семьи, мы обязаны вамъ безграничной признательностью, которую, быть можетъ, мы никогда не будемъ имѣть случая доказать вамъ. Право, можно сказать, что самъ Господь послалъ васъ на нашемъ пути, чтобы дважды спасти насъ отъ ужасной смерти. Такого рода громадныя услуги порождаютъ, однако, извѣстнаго рода обязательства, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. И такъ мы теперь не только въ правѣ, но даже должны знать, кто тотъ человѣкъ, которому мы такъ много обязаны.

— Вы правы, кабаллеро, мое инкогнито не имѣло никакихъ иныхъ побудительныхъ причинъ, кромѣ той, которая уже извѣстна вамъ. Я не имѣю основанія скрывать ни свое имя, ни свое общественное положеніе. Скажите слово и это инкогнито, на которое вы какъ-будто жалуетесь, спадетъ сейчасъ-же.

— Повѣрьте мнѣ, сеньоръ,—отвѣчалъ донъ Мануель,—что если я желаю знать васъ, то вовсе не изъ празднаго любопытства! Нѣтъ!—продолжалъ онъ задумчиво,—мои при-

ины гораздо серьезнѣе, чѣмъ вы полагаете! Съ перваго момента, когда я увидѣлъ васъ, меня поразило ваше лицо, мнѣ показалось, что въ вашихъ чертахъ я нахожу смутныя черты лица, грустное воспоминаніе о которомъ не покидаетъ меня никогда. Затѣмъ, мы всѣ имѣемъ по отношенію къ вамъ такое громадное обязательство и, наконецъ, какъ знать, быть можетъ дѣло зашло уже такъ далеко между нами, что для нашего взаимнаго благополучія, весьма важно, чтобы всякаго рода недоразумѣнія прекратились и чтобы я зналъ, кто вы такой, точно также, какъ вы узнаете, кто я. Судя по всему, мнѣ кажется, что вы человѣкъ богатый и принадлежите къ одной изъ лучшихъ фамилій вашей страны. И такъ—говорите прошу васъ.

При послѣднихъ словахъ своего собесѣдника, молодой человѣкъ слегка вздрогнулъ, у него вдругъ родилось предчувствіе неминуемой страшной бѣды, готовой разразиться надъ его головой. То было какое-то наитіе, какое-то откровеніе свыше; оно поразило его, какъ громомъ, но прошла минута, — онъ совершенно оправился; съ улыбкой и прекрасно съигранной безпечностью отвѣчалъ:

— Пусть такъ, кабаллеро! Я все скажу вамъ въ двухъ словахъ: состояніе у меня громадное, а семьи у меня нѣтъ никакой!

— А, значитъ, вы сирота?

— Да, съ раннихъ дней моего дѣтства!

— Прекрасно!—добродушно улыбнулся донъ-Мануель,—отвѣчено и коротко, и ясно—именно такъ, какъ долженъ говорить настоящій кабаллеро!

— Благодарю васъ за это доброе мнѣніе, сеньоръ!—сказалъ молодой человѣкъ.

— Да, но хотя вы сирота, — все такъ-же добродушно улыбаясь продолжалъ донъ Мануель, — все-же у васъ есть имя,—его-то я желалъ-бы знать!

— Зовутъ меня донъ Торрибіо де Ніебласъ.

— Торрибіо де Ніебласъ! Я не знаю ни одной семьи этого имени въ Мексикѣ, сеньоръ; неужели вы иностранецъ?

— Нѣтъ, я полагаю, что мексиканецъ!

— Какъ такъ, вы полагаете? Развѣ вамъ неизвѣстно, какого вы происхожденія? — спросилъ старикъ сдвинувъ брови.

— Дѣйствительно, мнѣ это неизвѣстно, сеньоръ, но все заставляетъ меня предполагать, что я принадлежу къ одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій Мексики. Къ сожалѣнію моему,—это одни догадки и предположенія, и по сіе время я одинъ въ свѣтѣ.

При этихъ послѣднихъ, въ сущности столь простыхъ словахъ, донъ Мануель замѣтно вздрогнулъ; конвульсивная дрожь пробѣжала по всѣмъ его членамъ; мертвенная блѣдность покрыла его лицо, и онъ спросилъ, но настолько глухимъ голосомъ, что его едва можно было понять:

—А имя этой родовитой семьи, конечно, извѣстно вамъ?

— Нѣтъ, кабаллеро:—я не знаю его!

Донъ Мануель бросилъ на него странный, испытующій взглядъ, отъ котораго молодому человѣку стало даже жутко; слабая, блуждающая улыбка скривила губы старика.

— Подкинутое дитя, съ цѣлью скрыть грѣхъ!—презрительно прошепталъ донъ-Мануель.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, сеньоръ! Дитя, покинутое вдали отъ своей родины съ цѣлью овладѣть подло и низко его богатствомъ!—холодно поправилъ своего собесѣдника донъ Торрибіо.

— Хмъ! Что вы говорите, сеньоръ? Это слова не шуточныя! Берегитесь, они могутъ найти отголосокъ, который будетъ для васъ ужасенъ!—съ угрозой въ голосѣ и взглядѣ воскликнулъ старикъ.

— Они, надѣюсь, не имѣютъ ничего обиднаго для васъ, сеньоръ?

— Конечно, ко мнѣ они нисколько не относятся!—съ лживой улыбкой и стараясь казаться спокойнымъ сказалъ донъ-Мануель.

— Я это именно и говорю, сеньоръ! А то, что я сказалъ, сущая правда; я это знаю, мало того, даже имѣю несомнѣн-

ныя доказательства. Кто-бы ни былъ мой отецъ, онъ, конечно, не виновенъ въ ограбленіи, котораго я сталъ жертвой, ни даже въ еще большемъ преступленіи, которое пытались совершитъ надо мной. Богъ хранилъ меня,—и всѣ эти отвратительныя махинаціи постыдно рухнули.

Въ настоящее время я богатъ, очень богатъ, свободенъ и силенъ. Если-бы я только захотѣлъ мстить,—для меня не было-бы ничего легче; но я презираю месть, которая можетъ дать только безплодное, жестокое удовлетвореніе.

Я одинъ и останусь одинъ! Но Господъ, спасшій мнѣ жизнь, самъ сумѣетъ поразить и наказать виновныхъ, какъ-бы они ни считали себя хорошо огражденными. Отъ Бога никто и ничто не можетъ укрыться, и если Онъ медлитъ наказаніемъ, то я увѣренъ, тѣмъ ужаснѣе будетъ это возмездіе,—эта кара Господня!

Донъ-Мануэль вздрогнулъ и поблѣднѣлъ еще сильнѣе.

— Прекрасно, сеньоръ кабаллеро! — продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, снова принявъ свой обычный спокойный и надменный тонъ,—вы сейчасъ говорили прекрасно! Проклятъ тотъ сынъ, который позволяетъ оскорблять своего отца! Простите, я виноватъ передъ вами!

— Мнѣ нечего прощать вамъ, сеньоръ! Вы не знаете моего отца, какъ не знаю его я. Слѣдовательно, вы не могли оскорбить его.

— Итакъ вы совершенно отказываетесь предпринять что-либо для того, чтобы разыскать вашу семью?

— Да, рѣшительно отказываюсь, сеньоръ!

— Быть можетъ, потому что сами сознаете невозможность разыскать ее когда-либо?

— Напротивъ! Если-бы я только захотѣлъ, то успѣхъ несомнѣнно увѣнчалъ-бы мои старанія!

— Послѣ столькихъ лѣтъ?—недовѣрчиво покачавъ головою, замѣтилъ старикъ.

— Время не имѣетъ для меня ни малѣйшаго значенія, кабаллеро! Я имѣю у себя въ рукахъ такія данныя, съ ко-

торыми, повторяю вамъ, успѣхъ мой въ этомъ дѣлѣ заранѣе обезпеченъ.

— Но въ такомъ случаѣ, почему-же не попытаться заявить о своихъ правахъ и вернуть себѣ имя, которое принадлежитъ вамъ по праву?

— Съ какой цѣлью, сеньоръ? Чтобы вернуть состояніе?— Но я вамъ говорю, что я богатъ, страшно богатъ. Что-бы вернуть имя моихъ предковъ? Но я, благодареніе Богу, составилъ себѣ имя самъ, и оно мое; я сумѣлъ окружить его такимъ ореоломъ почета и уваженія, что оно стоитъ наравнѣ съ самыми славными именами нашей страны. Остается месть,—но мести я не хочу, потому что никогда нельзя знать, куда она можетъ привести человѣка. Есть еще ненавистъ, чувство низкое, подлое, презрѣнное, котораго я не понимаю и не хочу понимать; я рожденъ для любви, а не для ненависти; у меня, слава Богу, нѣтъ враговъ,— и я не желаю, чтобы они у меня были! Моимъ девизомъ всегда было: „жить въ мірѣ съ самимъ собой и съ другими, и, по возможности, дѣлать кому могу добро“. Карать можетъ одинъ Господь, а мы, люди, карая виноватаго, часто можемъ покарать одновременно и невинныхъ!

— Вы добродѣтельны и великодушны, сеньоръ! Однако, позвольте мнѣ сказать вамъ, что бываютъ случаи, когда месть является почти необходимостью, даже долгомъ!

— Очень возможно, сеньоръ! Но я не знаю такихъ случаевъ. Пусть тѣ, невинной жертвой которыхъ сдѣлался я, живутъ спокойно и наслаждаются жизнью, если ихъ совѣсть не мѣшаетъ имъ чувствовать себя счастливыми! Во всякомъ случаѣ, не я нарушу ихъ покоя и счастія до тѣхъ поръ, пока они не станутъ мнѣ поперекъ дороги. До тѣхъ поръ я не вспомню о нихъ, не шевельну пальцемъ для ихъ погибели! Но горе имъ, если они осмѣлятся пойти противъ меня и помѣшать мнѣ въ моихъ планахъ—или вмѣшаться въ мою жизнь!

Послѣднія слова были произнесены такимъ голосомъ, что донъ Мануель невольно вздрогнулъ.

— Однако, извините меня, сеньоръ,—продолжалъ донъ Торрибіо, улыбаясь,—я увлекся, какъ школьникъ!—Вернемся къ нашему разговору: теперь вы знаете обо мнѣ столько-же почти, сколько знаю я самъ,—тогда какъ слово „донъ Мануель“ рѣшительно ничего не говоритъ, мнѣ. Позвольте-же и мнѣ, въ свою очередь, попросить васъ сказать, съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить.

— Зачѣмъ?! — презрительно уронилъ старикъ,—послѣ тѣхъ признаній, какія вы сейчасъ сдѣлали мнѣ, всякаго рода отношенія между нами становятся невозможны.

— Какъ? почему? Что вы хотите этимъ сказать, сеньоръ? Я васъ не понимаю!—съ удивленіемъ воскликнулъ молодой человѣкъ, пораженный словами своего собесѣдника, хотя онъ въ сущности почти ожидалъ услышать ихъ.

— Я хочу сказать,—проговорилъ донъ-Мануель, глаза котораго горѣли теперь мрачнымъ огнемъ, — хочу сказать, что между нами лежитъ безпредѣльная пропасть! Между нами нѣтъ ничего общаго!—продолжалъ онъ отрывистымъ и глухимъ голосомъ,—я никогда не буду другомъ... Но вдругъ, какъ-бы спохватясь, онъ прервалъ себя на половинѣ слова и затѣмъ продолжалъ ледянымъ тономъ,—поѣзжайте своей дорогой, донъ-Торрибіо, и не мѣшайте мнѣ идти моей,—а пуще всего берегитесь, чтобы вамъ вновь не повстрѣчаться со мной! И прежде, чѣмъ молодой человѣкъ успѣлъ вымолвить слово, обратиться къ нему съ какимъ-нибудь послѣднимъ вопросомъ или просьбой, онъ вскочилъ на коня и, давъ ему шпоры, умчался во весь опоръ, крикнувъ пронзительнымъ голосомъ:

— Прощай, дитя мое! Будь счастливъ! У меня не хватаетъ больше силъ ненавидѣть тебя! Нѣсколько секундъ спустя, странный старикъ исчезъ изъ глазъ пораженнаго, точно громомъ, молодого человѣка.

Когда донъ Торрибіо уже не могъ болѣе его видѣть, онъ вдругъ отчаянно вскрикнулъ, въ глазахъ у него помутилось; онъ замахалъ руками въ воздухѣ, кровь хлынула ручьемъ

у него изъ горла, онъ окончательно потерялъ сознаніе и безъ всякихъ признаковъ жизни упалъ навзничъ.

V. Въ которой говорится о миссіи дона Торрибіо.

Когда донъ Торрибіо пришелъ въ сознаніе, онъ увидѣлъ себя на постелѣ въ роскошно убранной комнатѣ, которую онъ тщетно старался узнать или припомнить. Подлѣ него находились Пепъ и Лукасъ Мендесъ, блѣдные, встревоженные, слѣдящіе за каждымъ его движеніемъ.

Еще двѣ незнакомыя ему личности стояли въ ногахъ у его постели и такъ-же, повидимому, съ большимъ вниманіемъ слѣдили за больнымъ. Эти двое людей были хозяинъ дома, владѣлецъ гасіенды, гдѣ теперь находился донъ Торрибіо, и французъ докторъ, человѣкъ съ рѣзкими, энергичными чертами, но съ выраженіемъ чрезвычайнаго добродушія въ лицѣ,—звали его донъ Пабло Мартино, ему приписывали необычайную ученость и на цѣлыя пятьдесятъ миль въ окружности онъ пользовался громкою славой и извѣстностью.

Гасіендеро представлялъ собою совершеннѣйшій типъ индѣйской расы и являлся полнѣйшимъ контрастомъ доктора, єтого парижанина съ головы до пятъ, т. е. скептика, остряка, насмѣшника, но въ душѣ добраго, простодушнаго и чистосердечнаго.

Владѣлецъ гасіенды былъ мужчина высокаго роста, пожилой, насколько вообще можно судить о возрастѣ индѣйца, переступившаго границу 50 лѣтъ, сухой и прямой, какъ копье. Его немного низкій и узкій лобъ, глаза, скорѣе маленькіе, чѣмъ большіе, подъ густыми, нависшими бровями, напоминающіе монгольскій типъ, черные, блестящіе, живые, съ умнымъ и вмѣстѣ проницательнымъ выраженіемъ, придавали какую-то особенность его лицу; тонкій орлиный носъ съ подвижными ноздрями, довольно большой роть съ толстыми, мясистыми губами и двойнымъ рядомъ крупныхъ, бѣлыхъ зубовъ, острыхъ и блестящихъ, какъ зубы грызуновъ,

имѣли нѣчто хищное, а лицо его совершенно безусое и безбородое, съ выдающимися скулами и широкимъ, немного плоскимъ подбородкомъ дышало удивительной энергіей и смѣлостью. Густыя пряди совершенно прямыхъ, лоснящихся, черныхъ съ синевою волосъ, какъ-то страшно обрамляли это своеобразное мѣдно-красное лицо, сразу поражавшее того, кто его видѣлъ въ первый разъ, своимъ выраженіемъ кротости, сильной воли и какой-то мечтательной задумчивости. Вопреки его уже немолодому возрасту, горячность его темперамента ясно проглядывала сквозь напускную флегматичность его обычнаго обращенія. Съ перваго взгляда на него было видно, что этотъ человѣкъ еще ничего не утратилъ изъ прежней силы, ловкости, гибкости и проворства движеній. Общее впечатлѣніе, производимое наружностью этого человѣка, было скорѣе привѣтливое, симпатичное и располагающее въ его пользу. Звали его донъ Порфиріо Сандосъ.

Обведя нѣсколько разъ вокругъ себя блуждающимъ и томнымъ взглядомъ, больной прошепталъ едва внятно:

— Пить!

— Онъ спасенъ!—воскликнулъ докторъ, поспѣшивъ подать ему питье.

— Ну, слава Богу!—прошепталъ гасіендеро.

Пепъ и Лукасъ Мендесъ не сказали ни слова, но молча опустились на колѣни у постели больного и воздали горячую благодарность Богу.

Сдѣлавъ нѣсколько глотковъ, донъ Торрибіо опять закрылъ глаза и почти тотчасъ-же заснулъ. Когда онъ опять пробудился, то почувствовалъ себя какъ-будто облегченнымъ, болѣе спокойнымъ и не столь утомленнымъ, но до крайности слабымъ.

Была ночь; у его изголовья сидѣли двое его вѣрныхъ слугъ; онъ узналъ ихъ и улыбаясь протянулъ имъ руку, чтобы выразить имъ свою признательность за ихъ уходъ.

— Кажется, я былъ сильно боленъ?—спросилъ онъ у Пепа Ортиса.

— Вы чуть не умерли, mi amo, (господинъ)!—съ грустью отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— О, что-ты говоришь, братъ?! Неужели я былъ такъ близокъ къ смерти?

— Да, пятьдесятъ одинъ день вы находились въ самомъ ужаснѣйшемъ бреду, въ горячкѣ, припадки которой были порой такъ сильны, что мы съ Лукасъ Мендесомъ съ трудомъ удерживали васъ вдвоемъ, чтобы вы не разбили себѣ голову объ стѣну!

Но чего не говорилъ брату этотъ благородный молодой человѣкъ, такъ это то, съ какой самоотверженностью и преданностью онъ велъ себя по отношенію къ больному, сколько труда, муки и отчаянія онъ принялъ изъ-за него, когда онъ такъ внезапно заболѣлъ тамъ, въ лѣсу. Сколькихъ, почти нечеловѣческихъ усилій, мужества и терпѣнія ему стоило перенести и доставить одному, безъ всякой посторонней помощи, изъ самой чащи дремучаго, дѣвственнаго лѣса до гасіенды дель-Пальмаръ, своего умирающаго брата. Вѣдь, это значило оставить за собою пространство около ста миль. Безъ всякихъ перевозочныхъ средствъ, одинъ, ухаживая за больнымъ, какъ умѣлъ и какъ могъ, охотясь, чтобы доставить себѣ пропитаніе, не останавливаясь ни передъ какимъ препятствіемъ, прорубая себѣ дорогу топоромъ въ этихъ дебряхъ, доступныхъ только дикимъ звѣрямъ,—онъ заботился о жизни брата. За два дня до прибытія въ гасіенду дель-Пальмаръ, къ нему на помощь подоспѣлъ Лукасъ Мендесъ. Присутствіе его въ этотъ моментъ было крайне необходимо Пепу, который чувствовалъ, что силы его начинаютъ окончательно измѣнять, и боялся, что будетъ не въ состояніи довести до конца принятый имъ на себя трудъ. Онъ былъ уже двадцать два дня въ дорогѣ, не зная отдыха ни днемъ ни ночью, въ постоянной тревогѣ за брата и страхѣ за его жизнь.

— Гдѣ мы находимся, Пепъ?—спросилъ донъ Торрибіо.

— Между Хопори и Тубакомъ, и почти у подножія сіерры де-Пахарросъ!

— Неужели такъ далеко?—прошепталъ больной.

— Не оставаться-же намъ было на томъ мѣстѣ, гдѣ мы были?

— Да, да, конечно... я самъ не знаю, что говорю! Какъ называется эта мѣстность, гдѣ мы теперь находимся?

— Это гасіенда дель-Пальмаръ, одна изъ самыхъ значительныхъ во всей Сонорѣ.

— А давно мы здѣсь?

— Да уже 33 дня!

— Ужъ такъ давно! Что-же долженъ обо мнѣ думать почтенный владѣлецъ этой гасіенды, такъ радушно открывшій намъ двери своего дома.

— Онъ радъ, что намъ удалось спасти васъ! Докторъ Мартино считаетъ ваше выздоровленіе положительнымъ чудомъ; онъ нѣсколько разъ говорилъ намъ, что если-бы не кровь, такъ сильно хлынувшая у васъ тогда въ самый моментъ прилива крови къ лицу, вы-бы не остались живы!

— А кто этотъ докторъ Мартино?

— Это здѣшняя знаменитость, врачъ французъ, ухаживавшій за вами, какъ за роднымъ сыномъ!

— О, я долженъ его отблагодарить!

— Вы, вѣроятно, скоро увидите его, а также и владѣльца гасіенды, который былъ для васъ просто роднымъ отцомъ,— такъ нѣженъ заботливъ и предусмотрителенъ!

— Какой-же я неблагодарный! я даже не спросилъ его имени!

— Зовутъ его донъ Порфиріо Сандосъ!

— Что! донъ Порфиріо Сандоцъ?!—воскликнулъ молодой человѣкъ,—неужели?!

— Да!

— О, въ такомъ случаѣ я хочу!...

Въ этотъ моментъ дверь комнаты тихонько отворилась,— и на порогѣ показался самъ донъ Порфиріо съ привѣтливою, ласковой улыбкой.

— Замолчите!—сказалъ онъ, прикладывая палецъ къ губамъ;—вы слишкомъ много говорите для больного, дорогой гость мой; довольно того, что вы теперь знаете, что Самъ

Господь привелъ васъ сюда, а когда вы совсѣмъ поправитесь и силы вернутся къ вамъ, тогда мы поговоримъ съ вами, сколько вамъ будетъ угодно. До тѣхъ поръ потерпите немного, а, главное, берегите себя, не утомляйтесь, не говорите много; докторъ Мартино строго запретилъ вамъ много говорить!

— Благодарю васъ, кабаллеро! Я постараюсь быть послушнымъ!—отозвался больной съ многозначительной улыбкой.

Однако, выздоровленіе дона Торрибіо затянулось на цѣлыхъ два мѣсяца, — такъ трудно ему было оправиться отъ страшнаго потрясенія, испытаннаго имъ.

Во все это время донъ Порфиріо Сандосъ и докторъ Мартино постоянно старались развлекать больного, разговаривая съ нимъ о всякихъ пустякахъ, но тщательно избѣгая всякаго серьезнаго разговора.

Но вотъ настало время, когда молодой донъ Торрибіо, наконецъ, совершенно поправился; силы вернулись, и онъ чувствовалъ себя теперь какъ будто даже сильнѣе и бодрѣе, чѣмъ до своей болѣзни. Теперь уже донъ Порфиріо не имѣлъ предлога откладывать на дальнѣйшее время тѣ объясненія, которыя необходимо должны были произойти между нимъ и его гостемъ. И вотъ однажды, по утру, онъ вошелъ въ комнату молодого человѣка, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда донъ Торрибіо оканчивалъ свой туалетъ и отдавалъ приказаніе сѣдлать своего коня.

— Вы хотите ѣхать, сеньоръ?—спросилъ гасіендеро.

— Да, дорогой хозяинъ, хочу немного проѣхаться, — я чувствую потребность въ свѣжемъ воздухѣ и думаю, что часъ другой въ сѣдлѣ не повредятъ мнѣ.

— Конечно, прогулка верхомъ—вещь очень гигіеничная, тѣмъ болѣе до завтрака!—смѣясь замѣтилъ донъ Порфиріо,— вы хотите ѣхать одинъ?

— Да, за неимѣніемъ компаніи!

— А вотъ, какъ! ну, а что, если-бы я поѣхалъ съ вами? Что вы на это скажете?

— Вы? о, это было-бы прекрасно!

— Такъ вы согласны, чтобы я ѣхалъ съ вами?

— Конечно! Пепъ, скорѣе другъ мой коней дону Порфиріо и мнѣ! Вотъ мы съ вами теперь и поговоримъ!— сказалъ онъ, обращаясь къ гасіендеро, — я имѣю столько сказать вамъ!

— Ну, не такъ много, какъ вы думаете, сеньоръ! — съ немного насмѣшливой улыбкой возразилъ его собесѣдникъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Пойдемте, лошади ждутъ насъ!—сказалъ гасіендеро, не отвѣчая на вопросъ молодого человѣка.

Они вышли, сѣли на коней и нѣсколько минутъ спустя очутились въ открытомъ полѣ.

Нѣкоторое время они ѣхали рядомъ, перекидываясь словами, не имѣющими въ сущности никакого значенія; наконецъ, въѣхали въ густой, громадный лѣсъ и гасіенда совершенно скрылась у нихъ изъ вида.

— Куда-же вы хотите заставить меня ѣхать? — вдругъ спросилъ донъ Торрибіо,—вы какъ я вижу имѣете какую-то опредѣленную цѣль.

— Да, совершенно вѣрно, вы не ошиблись молодой человѣкъ!—отвѣтилъ улыбаясь донъ Порфиріо, — вы изволили выразить мнѣ желаніе поговорить со мною, и я сознаюсь, со своей стороны, сгораю отъ нетерпѣнія побесѣдовать съ вами!

— Такъ въ чемъ-же дѣло? Мнѣ кажется, что здѣсь, въ тѣни этихъ роскошныхъ зеленыхъ шатровъ, намъ ничто не мѣшаетъ дать волю нашему взаимному желанію!

— Мы, индѣйцы, люди предусмотрительные, молодой человѣкъ, и осторожные свыше всякой мѣры! Мы держимся того мнѣнія, что двѣ предосторожности лучше одной. А такъ какъ то, что мы имѣемъ сказать другъ другу, весьма важно и не должно быть услышано никѣмъ, то я, если позволите, приму въ данномъ случаѣ еще и третью предосторожность.

— Какую-же, дорогой сеньоръ?

— Позвольте мнѣ попросить васъ доѣхать со мной до Серро-Пеладо, который всего въ одной милѣ разстоянія

отсюда! Съ его вершины мы будемъ видѣть всю мѣстность на протяженіи десяти миль въ окружности, такъ что никто не можетъ приблизится къ намъ безъ того, чтобы мы его пе замѣтили. Вы сами знаете, что стѣны имѣютъ уши, а деревья имѣютъ не только уши, но и глаза; а на высотахъ насъ слышитъ только одинъ Богъ, какъ говорятъ мудрые индѣйцы. Что на это скажете!

— Скажу, что они правы! — смѣясь отозвался молодой человѣкъ.

— И такъ, прибавимъ рыси и черезъ четверть часа мы уже будемъ на вершинѣ горы!

Дѣйствительно, менѣе нежели въ четверть часа, наши всадники прибыли къ горѣ; стреноживъ лошадей подлѣ большой копны душистаго сѣна, они пѣшкомъ поднялись на самую вершину горы. Здѣсь, дѣйствительно, нашимъ двумъ пріятелямъ нечего было опасатся, что ихъ подслушаютъ.

Серро-Пеладо, гора искусственная, созданіе рукъ человѣческихъ, родъ теокали, т. е. древняго храма, какіе въ Мексикѣ можно встрѣтить повсемѣстно. Внушительные памятники древности, оставленные, быть можетъ, еще доисторическими племенами, среди степей и равнинъ этой страны, самое преданіе о которыхъ не сохранилось до нашихъ дней,— это таинственные грани и предѣлы ихъ странствованій, неизвѣстныхъ намъ. Мексиканцы, т. е. коренные обитатели Мексики, воспользовались многими изъ нихъ, построивъ на ихъ вершинахъ храмы своимъ божествамъ. Эти храмы, въ эпоху завоеванія Мексики, были разрушены ретивыми католиками и, вмѣсто нихъ, воздвигнуты часовни и каплицы въ честь Богоматери подъ различными наименованіями.

Быть можетъ, и Серро-Пеладо таилъ въ себѣ какой-нибудь подземельный дворецъ или-же цѣлый рядъ пещеръ, нагроможденныхъ одна на другую. Но благодаря своему исключительному положенію, среди положительно недоступнаго дѣвственнаго лѣса, до сихъ поръ онъ былъ спасенъ отъ кирки и лопаты раскопщиковъ и искателей сокровищъ, нѣкогда закопанныхъ Инками. И вотъ, эта искусственная гора

уцѣлѣла въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ рукъ своихъ таинственныхъ строителей.

Тщательно осмотрѣвъ всю вершину горы во всѣхъ направленіяхъ и удостовѣрившись, что нигдѣ нѣтъ шпіона, который могъ бы подслушать ихъ, донъ Порфиріо Сандосъ усѣлся на обломокъ скалы, поросшей мхомъ, и, закуривъ маисовую пахитосу, предложилъ дону Торрибіо послѣдовать его примѣру.

— Здѣсь, дорогой мой гость, мы не рискуемъ быть подслушаны! Здѣсь только одни орлы да грифы могутъ слышать насъ! Мы можемъ говорить безъ опаски, но только намъ слѣдуетъ, по возможности, быть краткими, потому что слишкомъ продолжительное отсутствіе наше изъ гасіенды можетъ возбудить противъ насъ подозрѣніе!

— Но скажите, къ чему всѣ эти предосторожности и оговорки, сеньоръ? Я это что-то не совсѣмъ понимаю!—сказалъ донъ Торрибіо, приглаживая губами прекраснѣйшую сигару.

— Вы поймете, когда убѣдитесь на опытѣ, что мы со всѣхъ сторонъ окружены шпіонами и соглядатаями! Вы полагаете, что, живя здѣсь, въ глуши, среди страны почти безлюдной, гдѣ жители большею частью кочевники, за нами не слѣдятъ,—и ошибаетесь: все, что дѣлается у меня въ гасіендѣ, извѣстно. Счастье ваше, что вы попали ко мнѣ случайно, что ваша продолжительная болѣзнь на время заставила замолкнуть всякія подозрѣнія, но вы не довѣряйтесь этому затишью: это затишье передъ бурей. Знайте, что съ того самаго момента, какъ вы покинули Мексико, за вами слѣдили; только вы ловко сумѣли сбить ихъ съ толку; они не могутъ допустить, чтобы человѣкъ, на котораго возложена такая серьезная миссія, могъ быть такъ веселъ и безпеченъ и бродить, какъ случится, по лѣсамъ и полямъ, охотясь и восхищаясь дикой и живописной природой этой страны, не стараясь даже сближаться съ тѣми людьми, гдѣ онъ находитъ себѣ временный пріютъ. Все это, конечно, прекрасно, но теперь настало время приступать къ дѣлу, и потому намъ слѣдуетъ держаться какъ можно дружнѣе и тѣснѣе.

— Я готовъ дѣйствовать! Какъ вамъ извѣстно, я имѣю самыя широкія полномочія отъ правительства. Мнѣ предоставлено все на мое усмотрѣніе, и такъ, вы видите, что мы съ вами можемъ дѣйствовать, какъ намъ нравится, лишь бы дѣло это удалось намъ!

— Оно должно удасться намъ; съ такимъ двигателемъ, какъ вы, успѣхъ долженъ быть внѣ сомнѣнія.

— О, о! Это ужъ чрезмѣрная похвала, сеньоръ!—смѣясь замѣтилъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, свѣдѣнія, полученныя мною на вашъ счетъ, единодушно восхваляютъ васъ и ваши необычайныя способности, а рекомендательное письмо, переданное мнѣ Пепомъ Ортисомъ и подписанное самимъ министромъ юстиціи, самое хвалебное изъ всѣхъ. Я весь къ вашимъ услугамъ, располагайте мной, какъ вы найдете нужнымъ. Если всѣ растреадоры Аргентинской республики походятъ на васъ, то негодяямъ всякаго рода тамъ плохое житье!

— О, есть несравненно болѣе опытные и искусные, чѣмъ я!—сказалъ донъ Торрибіо, улыбаясь,—вѣдь, въ сущности говоря, я не профессіональный растреадоръ,—а только растреадоръ-любитель!

— Простите, но мнѣ кажется очень страннымъ, почему вы, будучи такъ богаты, приняли на себя такое дѣло, въ которомъ сто разъ на дню рискуете своей жизнью?

— Я и самъ затрудняюсь отвѣтить даже самому себѣ на этотъ вопросъ, и самъ не могу дать себѣ отчета, что именно побудило меня къ тому. Вѣрнѣе всего, какой-то безотчетный инстинктъ, нѣчто вродѣ смутнаго предчувствія чего-то. Мнѣ почему-то сразу показалось, что это дѣло—мое личное дѣло, даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ дѣло всей этой страны.

— Однако, сколько я знаю, вы вѣдь вовсе не гонитесь за наградой!

— Конечно, въ случаѣ успѣха я не приму никакого вознагражденія, если оно будетъ предложено мнѣ!

— Странно, — прошепталъ гасіендеро. — Вы, конечно,— продолжалъ онъ, обращаясь къ своему собесѣднику,—выра-

ботали извѣстный планъ, сдѣлали кое-какія замѣтки во время вашего продолжительнаго путешествія по странѣ!

— Да, конечно, но прежде чѣмъ я сообщу вамъ этотъ планъ и мои предположенія, я хотѣлъ бы получить отъ васъ нѣкоторыя свѣдѣнія о непріятелѣ, противъ котораго мы съ вами должны бороться. Мнѣ говорили, что никто ихъ такъ хорошо не знаетъ, какъ вы!

— Это правда, кабаллеро! Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ я веду противъ нихъ глухую борьбу, которая теперь день ото дня становится все болѣе и болѣе серьезной, и, говорю вамъ, что я ихъ выведу на свѣжую воду или погибну надъ этою задачей!

— Хмъ! какъ видно, въ васъ говоритъ самая искренняя ненависть!

— Нѣтъ, болѣе того, сеньоръ! У меня нѣтъ словъ, чтобы выразить вамъ то чувство, которое мнѣ внушаютъ эти негодяи! Чего бы мнѣ ни стоило, а я изобличу вождей этого опаснаго общества и отомщу имъ или же самъ погибну, какъ я уже сказалъ вамъ.

— А, это месть!

— Да, месть, самая ужасная, самая безпощадная!—мрачно подтвердилъ гасіендеро,—быть можетъ, когда-нибудь я скажу вамъ мою тайну и какъ вполнѣ убѣжденъ, что вы отъ всей души будете содѣйствовать мнѣ въ дѣлѣ моей мести!

— Я уже и теперь весь къ вашимъ услугамъ, и вы вполнѣ можете разсчитывать на меня! Клянусь вамъ въ этомъ!

— Благодарю васъ, кабаллеро! быть можетъ, придетъ такая минута, когда мнѣ придется напомнить вамъ ваши слова!

— Въ этомъ не будетъ надобности, я самъ буду всегда готовъ помочь вамъ въ каждую минуту. Ну, а теперь не откажите сообщить мнѣ, что я желалъ бы знать объ этомъ обществѣ, такъ какъ министръ юстиціи могъ дать мнѣ лишь очень смутное представленіе о настоящемъ положеніи дѣлъ, предложивъ мнѣ обратиться со всѣми разспросами къ вамъ.

— Прекрасно! Я не стану сейчасъ вдаваться въ подробности относительно того, какимъ путемъ образовалось это

ужасное могучее общество, а приступлю прямо къ дѣлу. Провинціи Аризона, Сонора и Синалоа, въ силу своего отдаленія отъ правительствующихъ центровъ и своего положенія на индѣйской границѣ, а также и благодаря своимъ минеральнымъ богатствамъ, издавна являлись излюбленнымъ мѣстопребываніемъ всякаго рода отщепенцевъ человѣческаго общества, воровъ, разбойниковъ, грабителей и мерзавцевъ всякаго рода. Можно почти съ увѣренностью утверждать, что въ этихъ трехъ провинціяхъ разбои считались всегда даже чѣмъ-то нормальнымъ. Но надо сказать, что эти небольшія, разрозненныя шайки, почти всегда враждующія между собой и всегда немногочисленныя въ своемъ составѣ, дѣйствующія безо всякой опредѣленной системы, не имѣющія ни вожаковъ, ни какой бы то ни было организаціи, постоянно разбиваемыя и постоянно возрождающіяся, въ сущности мало вредили странѣ. Жители, уже привыкшіе къ этому порядку вещей, были всегда насторожѣ,—и жизнь шла своимъ чередомъ. Но вотъ возникла война за независимость Мексики. Война эта породила героевъ, но лучшіе изъ нихъ погибли, кто въ бою, кто преданный и проданный врагу и безпощадно разстрѣленный или замученный безчеловѣчной пыткой. Былъ моментъ, когда инсургенты совершенно дезорганизованные, безъ оружія и почти безъ вождей, способныхъ руководить ими, были преслѣдуемы, точно дикіе звѣри въ лѣсахъ и горахъ и принуждены искать убѣжища въ самыхъ потайныхъ углахъ родной страны. Деморализація и упадокъ духа были общіе; казалось, Испанія одержитъ верхъ. Только еще нѣсколько горстей гверильясовъ (партизановъ) держались кое-гдѣ, поддерживая войну и предпочитая смерть на полѣ брани постыдной покорности ненавистному игу испанцевъ. Къ несчастію, эти мужественные и доблестные гверильясы, терпѣвшіе повсюду пораженія, лишь съ большимъ трудомъ находили себѣ пропитаніе и снаряды. Всякая дисциплина исчезла,—и солдаты, побуждаемые голодомъ и крайнею нуждой, превратились въ разбойниковъ. И вотъ тогда-то вдругъ образовалось это ужасное общество Платеа-

досовъ (Plateados) *). Эта таинственная шайка, которая впродолженіи 15-ти лѣтъ успѣла опутать своею сѣтью всю Мексику. Платеадосы первоначально образовались въ Сонорѣ и оттуда уже распространили свою невидимую власть на всю республику. Слѣды ихъ и невидимое присутствіе чувствуются во всѣхъ провинціяхъ, но никто ихъ не видитъ, никто не знаетъ ихъ вождей и не можетъ указать на нихъ. Это отнюдь не простые разбойники; нѣтъ, они распространены во всѣхъ классахъ общества: на каждой ступени общественнаго положенія у нихъ есть приверженцы и участники. Вы можете увидѣть ихъ во всякомъ платьѣ, подъ личиной всякой національности; они въ совершенствѣ исполняютъ любую роль и обязуются клятвой, при вступленіи въ эту шайку, никогда не покушаться на воровство на сумму ниже 10,000 піастровъ. Всѣ они, т. е., конечно, вожаки и предводители, отличаются необычайною роскошью въ одеждѣ и конской сбруѣ, которая у нихъ почти сплошь покрыта серебромъ, вслѣдствіе чего они получили и самое названіе свое Платеадосы („посеребренные“).

— Но, въ такомъ случаѣ, самый внѣшній видъ ихъ уже выдаетъ ихъ, а слѣдовательно, нѣтъ ничего труднаго, въ случаѣ надобности, овладѣть ими!—замѣтилъ молодой человѣкъ.

На это гасіендеро лукаво усмѣхнулся.

— Нѣтъ, сеньоръ, это не такъ легко, какъ вы думаете! Вы еще не знаете этой страны, не знаете, въ какомъ состояніи деморализаціи находится населеніе этого несчастнаго края. Мексика ни въ чемъ не походитъ ни на одну изъ другихъ странъ; здѣсь люди дѣлятся на два класса: бѣдныхъ и богатыхъ, вѣчно враждующихъ между собою и ведущихъ упорную борьбу другъ съ другомъ; здѣсь не существуетъ никакихъ общественныхъ различій: сегодняшній леперо, т. е. нищій, плебей, можетъ завтра стать сенаторомъ и отнюдь

---

*) *Plateados* (*Платеадосы*) въ дословномъ переводѣ означаетъ *посеребренные*.

не будетъ неумѣстнымъ въ своемъ новомъ положенiи; точно также и богачъ, ставъ внезапно леперо, безропотно мирится со своей долей и относится совершенно равнодушно къ своему паденiю, какъ бы ужасно оно ни было: онъ знаетъ, что не сегодня-завтра онъ снова всплыветъ на поверхность и вернетъ себѣ все утраченное имъ. Слова „честь", „родной край", „преданность" другу или своему дѣлу—для трехъ четвертей населенiя не имѣютъ рѣшительно никакого значенiя: это не болѣе, какъ пустой звукъ для нихъ. Понятiе: *это твое*, а *это мое*, имъ совершенно неизвѣстно. Кто посильнѣе да половчѣе, тотъ и панъ, а кто панъ, тотъ и правъ; здѣсь, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, знаютъ только одинъ рычагъ, одну цѣль и одного Бога—*деньги!* Тотъ, у кого они есть, владыка и сила; чтобы добыть эту власть, эту силу—всѣ средства хороши, даже и самыя низкiя, самыя постыдныя. Наши враги, предупреждаю васъ, владѣютъ всевозможными средствами, во-1-хъ, денегъ гибель и, во-2-хъ, связи вездѣ и повсюду: они, въ строгомъ смыслѣ этого слова, полные господа въ Сонорѣ и Аризонѣ, въ Верхней и Нижней Калифорнiи, въ Орегонѣ и Синалоа. Они могутъ, если захотятъ, въ любой данный моментъ поднять все населенiе этихъ странъ на насъ; ихъ шпiоны и соглядатаи вездѣ и повсюду,—однимъ словомъ, мы съ вами находимся въ громадной сѣти, петли которой ежеминутно могутъ опутать насъ и задушить насъ, помните это!

— Прекрасно, я вижу, что борьба будетъ трудная, но этого я и ожидалъ и былъ къ тому готовъ съ самаго начала!

— Къ тому же, не слѣдуетъ забывать, что мы съ вами одни!

— Какъ такъ одни? Что вы хотите этимъ сказать?

— А то, что въ этомъ дѣлѣ мы не можемъ положиться даже на нашихъ ближайшихъ друзей и родственниковъ и ужъ ни въ коемъ случаѣ не можемъ разсчитывать на ихъ содѣйствiе! Даже и всѣ агенты правительственной власти подкуплены ими, всѣ должностныя лица на ихъ сторонѣ и, не задумываясь, предадутъ насъ при малѣйшемъ неосторож-

номъ или необдуманномъ словѣ, которое мы проронимъ при нихъ.

— Хмъ! дѣло серьезнѣе, чѣмъ мнѣ казалось! Ну, что же, это будетъ борьба хитрости, ловкости и проворства,—словомъ, индѣйская война! Пусть такъ! Съ помощью Божіей все можетъ удасться, хотя насъ только четверо противъ всего этого множества, но четверо людей рѣшительныхъ, смѣлыхъ, а, главное, дружныхъ и единодушныхъ могутъ многое сдѣлать!

— Четверо, сказали вы? Я знаю только двухъ—васъ и себя.

— Вы забываете моихъ вѣрныхъ слугъ!

— Баа! — недовѣрчиво покачалъ головою гасіендеро,— развѣ на слугъ можно разсчитывать? Ихъ всегда можно подкупить!

— Ошибаетесь, сеньоръ, мои слуги не выдадутъ и не продадутъ меня: они не то, что другіе. Пепъ Ортисъ — это Хозе Кабаллеро, сынъ знаменитаго искателя слѣдовъ (растреадора), который былъ моимъ пріемнымъ отцемъ; половина моего состоянія принадлежитъ ему. Онъ самъ пожелалъ быть въ глазахъ свѣта моимъ слугой, а съ глазу на глазъ онъ мой другъ и братъ. Эта странная комбинація, придуманная имъ, являлась постоянно главною силой всѣхъ нашихъ удачъ до настоящаго момента.

— Неужели это дѣйствительно такъ?

— Спросите у него самого!

— Извините, я вамъ, конечно, вѣрю, и теперь нѣтъ сомнѣнія, что онъ является для насъ могущественнымъ союзникомъ и пособникомъ. Но тотъ другой, этотъ Лука Мендесъ?! Признаюсь, я ему не совсѣмъ довѣряю: онъ такой мрачный, скрытный, молчаливый; затѣмъ,—весьма возможно, конечно, что я и ошибаюсь, но, мнѣ кажется, я уже его видѣлъ когда-то въ этой странѣ; когда, въ точности не помню, но я почти увѣренъ, что знавалъ его!

— Это весьма возможно, сеньоръ! Лука Мендесъ явился ко мнѣ въ Кадиксѣ, умирающимъ съ голода, но самъ онъ— уроженецъ этой страны и былъ увезенъ отсюда насиль-

ственно въ качествѣ военно-плѣннаго во время войны за независимость Мексики. Если не ошибаюсь, онъ далъ клятву какому-то умирающему отомстить за него и вотъ для того, чтобы исполнить эту клятву, онъ упросилъ меня взять его съ собой на мое судно.

Въ чемъ заключается его клятва? Кто его враги, которымъ онъ хочетъ мстить? Кому была дана эта страшная клятва? — все это мнѣ неизвѣстно. Лука Мендесъ ничего не сказалъ мнѣ объ этомъ, а я ничего не спросилъ у него. Имя его, вѣроятно, не есть настоящее его имя, но до всего этого намъ нѣтъ никакого дѣла; я знаю, что человѣкъ этотъ преданъ мнѣ всей душой, — и этого достаточно. Пообѣщавъ ему наше содѣйствіе въ дѣлѣ его мести, мы найдемъ въ немъ человѣка, который пойдетъ за насъ на вѣрную смерть!

— Да, пожалуй, вы правы. Но все же я разузнаю эту тайну, узнаю, кто онъ самъ, и чего онъ хочетъ, т. е. какія его намѣренія.

— Какъ вамъ будетъ угодно! И такъ, насъ четверо, какъ я говорилъ. Но тайна наша останется между нами, а наши пособники должны быть сильными орудіями нашей воли. Это вѣрнѣйшій способъ успѣха; не зная ничего о нашихъ цѣляхъ, планахъ и намѣреніяхъ, они не могутъ выдать или продать насъ, даже еслибы они и захотѣли.

— Да, это правда!

— Мы никогда не будемъ ничего писать,—бумага всегда можетъ потеряться, — не слѣдуетъ подвергать себя риску. Теперь позвольте васъ спросить, не говорите-ли вы на какомъ нибудь иностранномъ языкѣ, на которомъ-бы здѣсь никто не говорилъ?

— Я говорю немного по французски и по англійски!

— Нѣтъ, это не годится: эти два языка слишкомъ распространены въ этой странѣ; здѣсь очень многіе владѣютъ ими не хуже, чѣмъ мы съ вами!

— Да, это правда, въ Сонорѣ много французовъ и ан-

гличанъ... Ахъ, вотъ!—воскликнулъ донъ Порфиріо, ударивъ себя по лбу,—да нѣтъ, это не мыслимо!

— Почему-же нѣтъ? скажите на всякій случай! Посмотримъ, какая у васъ явилась мысль.

— Я вспомнилъ, что владѣю еще однимъ языкомъ не хуже, чѣмъ испанскимъ, но...

— Но что-же? этого языка здѣсь никто не знаетъ?

— О, за это я готовъ поручиться! Но бѣда въ томъ, что и вы его не знаете.

— Какъ знать?! я очень много путешествовалъ и весьма возможно, что и этотъ языкъ мнѣ знакомъ; скажите только.

— Право, дорогой донъ Торрибіо, вы такой необычайный человѣкъ, что отъ васъ можно всего ожидать. Не знаю, извѣстно ли вамъ, что мой отецъ былъ командиромъ большого контрабандирскаго судна, — въ то время контрабанда приносила громадные барыши.

Мать моя, которую отецъ боготворилъ, постоянно сопровождала его во всѣхъ его плаваніяхъ,—и вотъ, будучи уже въ послѣдней стадіи беременности мною, она тѣмъ не менѣе настояла на томъ, что и на этотъ разъ поѣдетъ съ мужемъ. Когда судно отца, послѣ довольно продолжительнаго плаванія, бросило якорь у острова Формозы, мать моя почувствовала себя дурно и вскорѣ разрѣшилась мною отъ бремени. Къ несчастію, вѣроятно, вслѣдствіе крайняго утомленія отъ пути, роды были весьма тяжелые, — и она сдѣлалась такъ слаба, что не могла кормить меня сама грудью. Тогда отецъ мой взялъ ко мнѣ въ качествѣ кормилицы женщину съ Формозы. Эта добрая женщина всю свою жизнь не разставалась съ нами и умерла всего лѣтъ 10 тому назадъ, такъ и не научившись испанскому языку, къ которому она питала какое-то непреодолимое отвращеніе.

— Такъ что,—весело прервалъ его донъ Торрибіо на китайскомъ языкѣ,—ваша кормилица, не имѣя съ кѣмъ говорить на своемъ родномъ языкѣ, постоянно говорила на немъ съ вами,—да?

— Именно такъ! — воскликнулъ гасіендеро на томъ-же

языкѣ. Значитъ, вы свободно говорите по китайски, дорогой гость мой?

— Какъ видите, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; я тоже долгое время командовалъ судномъ и велъ торговлю съ Китаемъ. Пепъ Ортисъ также говоритъ на этомъ языкѣ, хотя, быть можетъ, и не столь бѣгло, какъ я, но понимаетъ его не хуже чѣмъ испанскій. Итакъ, когда намъ надо будетъ сообщить другъ другу что либо, чего другіе не должны знать, мы будемъ говорить по китайски.

— Прекрасно! Теперь скажите мнѣ, какого рода мѣры вы приняли за это время!

— Слушайте! Передъ тѣмъ, какъ отправиться въ Мексику, я продалъ въ Нью-Іоркѣ свое судно, и такъ какъ мнѣ спѣшить было некуда, то я употребилъ четыре мѣсяца на путешествіе въ глубь Соединенныхъ Штатовъ. Я выросъ въ пампасахъ Буеносъ-Айреса и люблю дикую природу саванны и лѣса почти такъ-же, какъ люблю океанъ, — эту еще болѣе обширную и величественную пустыню. Я подвигался не спѣша, охотясь и увлекаясь охотой, какъ въ былое время. Такимъ путемъ я незамѣтно перешелъ границу Соединенныхъ Штатовъ и очутился на территоріи краснокожихъ. Здѣсь, охотясь и гоняясь по лѣсамъ за всякаго рода звѣремъ, я сблизился и сдружился со многими охотниками и лѣсными бродягами. Когда настало время намъ разставаться, они выразили большое сожалѣніе по этому случаю. Когда же я сказалъ имъ, что отправляюсь въ Мексику и намѣренъ поселиться въ Сонорѣ, то мой пріятель Боберъ воскликнулъ: „а если такъ, то мы еще увидимся; я и человѣкъ десять — двѣнадцать изъ моихъ товарищей также намѣрены направиться въ саванны ріо Хиля (Gila), которыя, какъ насъ увѣряли, изобилуютъ бизонами. Если это дѣйствительно такъ, то мы пробудемъ тамъ два или три мѣсяца. Мы разсчитываемъ расположиться на ріо Хиля при сліяніи его съ его притоками ріо Пуерко и Салинасъ“.

— Какъ, при сліяніи ріо Хиля?! — воскликнулъ донъ Порфиріо.

— Да, именно тамъ мой пріятель Боберъ и его товарищи будутъ ожидать меня. Они меня увѣрили, что мѣстность эта находится на разстояніи трехъ или четырехъ дней пути отъ Тубака, и что тамъ по близости имѣются весьма любопытные рудники.

— Странно!

— Что вамъ кажется страннымъ?—освѣдомился молодой человѣкъ.

— Простите, впослѣдствіи я объясню вамъ это, а теперь мнѣ-бы не хотѣлось! Продолжайте, пожалуйста.

— Знакомо вамъ это мѣсто?

— Какъ-же, даже очень знакомо!

— Возьметесь вы проводить меня туда?

— Да, но зачѣмъ?

— Зачѣмъ?—Затѣмъ, дорогой мой донъ Порфиріо, что я послѣ того, какъ покинулъ Мексику, завербовалъ извѣстное число всякихъ разночинцевъ, на содѣйствіе которыхъ разсчитываю тѣмъ болѣе, что имъ совершенно неизвѣстно, для какой цѣли они будутъ нужны мнѣ. Эти-то господа, въ числѣ 40 человѣкъ, направлены мной къ низовьямъ ріо Хила, гдѣ я назначилъ имъ мѣсто встрѣчи. Тамъ-же я разсчитываю встрѣтить и моего пріятеля Бобра съ его товарищами, такъ что предполагаю въ нѣсколько дней сформировать прекрасный отрядъ изъ разныхъ авантюристовъ, который я могу разсѣять повсемѣстно и затѣмъ въ извѣстный моментъ безъ труда могу подрѣзать крылья Платеадосамъ. Поняли вы меня теперь? Я поручилъ Бобру продолжать набирать людей. Кто знаетъ, сколько ужъ онъ успѣлъ набрать за это время?! Всѣ они, повидимому, охотятся на бизона, а находятся на индѣйской территорріи и, конечно, никто не станетъ тревожиться о нихъ. Что вы на это скажете?

— Скажу, что это превосходно, безподобно!

— Такъ когда же мы отправимся на свиданіе съ охотниками?

— Когда вы пожелаете! Впрочемъ если вы хотите послушать моего совѣта, то мы отправимся туда инкогнито.

— Почему?

— У меня есть на то свои причины!

— Вы не можете сообщить мнѣ ихъ?

— Нѣтъ, не въ данный моментъ.

— Но они серьезны?

— Даже очень!

— Когда же я узнаю ихъ?

— Когда мы будемъ въ лагерѣ охотниковъ!

— Пусть будетъ по вашему! Когда-же мы туда отправимся?

— Дня черезъ три; я долженъ еще сдѣлать кое-какія приготовленія.

— Ну, въ такомъ случаѣ дня черезъ три не позже!

— Хорошо, я къ тому времени буду готовъ!

— Возьмете вы кого нибудь съ собой?

— Нѣтъ, я не довѣряю своимъ людямъ,—вашихъ слугъ будетъ вполнѣ достаточно!

— Мнѣ кажется, поѣздка въ степи не должна безпокоить нашихъ враговъ!

— Даже гораздо болѣе, чѣмъ вы полагаете, сеньоръ, вскорѣ вы сами увидите, почему!

— Возможно!

— Но что мы предпримемъ, вернувшись въ гасіенду дель Пальмаръ?

— Пока еще ничего!

— Какъ это ничего?!

— Очень просто, надо быть осторожными! Впрочемъ, вѣдь вамъ извѣстно, что я намѣренъ теперь поселиться въ Сонорѣ.

— Да, вы уже не разъ говорили мнѣ объ этомъ.

— Ну, такъ изъ этого слѣдуетъ, что я желаю купить здѣсь гасіенду! У васъ ихъ, кажется, двѣ или три, если не ошибаюсь?

— Нѣтъ, у меня ихъ пять!

— Всѣ въ довольно значительномъ разстояніи другъ отъ друга?

— Да!

— Значитъ, все обстоитъ какъ нельзя лучше? Видите-ли, я желаю купить одну изъ вашихъ гасіендъ!

— Которую?

— Я еще самъ не знаю: я, вѣдь, не видалъ ни одной изъ нихъ. Вы понимаете, что купить гасіенду, протяженіе которой часто равняется цѣлому департаменту Франціи, дѣло не шуточное. Надо, вѣдь, выложить не мало денегъ, а вы, сеньоръ гасіендеро, отлично знаете толкъ въ этихъ дѣлахъ и ничего не продаете иначе, какъ на чистыя деньги.

— Дѣйствительно, у насъ, вѣдь, одно только на умѣ, это деньги; больше намъ ничего не надо, а потому мы часто не промахъ понагрѣть руки, гдѣ можно, на счетъ нашихъ неопытныхъ или неосмотрительныхъ покупателей. Но вы, сеньоръ, человѣкъ дѣловой, вы не согласитесь купить, не видавъ гасіенды и не сдѣлавъ обдуманнаго выбора, а для этого вамъ необходимо осмотрѣть одну за другой всѣ мои гасіенды, да кромѣ того, и гасіенды всѣхъ тѣхъ землевладѣльцевъ, которые не прочь продать свои и, вѣроятно, предложатъ вамъ войти съ ними въ переговоры.

— Ну, да, конечно, вы меня отлично поняли, кабаллеро, а между тѣмъ, мои охотники все будутъ продолжать гоняться за бизонами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, незамѣтно организоваться, чтобы въ данный моментъ двинуться походомъ и нанести рѣшительный ударъ нашимъ противникамъ!

— Въ самомъ дѣлѣ, слушая васъ, я начинаю думать, что мы успѣемъ въ нашемъ дѣлѣ.

— Что же касается меня, то я никогда въ этомъ не сомнѣвался. Теперь мнѣ остается только сообщить вамъ объ одномъ приключеніи, случившемся со мною въ Нижней Калифорніи, приключеніи, которое началось для меня очень счастливо, но окончилось той страшною болѣзнью, отъ каторой я теперь только что оправился.

— О, о... такія серьезныя послѣдствія,—это не шутка.

— Да, но я долженъ предупредить, что это дѣло совер-

шенно личное, касающееся исключительно только меня одного!

— Какъ знать?!—задумчиво замѣтилъ гасіендеро.

— Да, нѣтъ же, я въ томъ увѣренъ!—сказалъ молодой человѣкъ,—это любовная исторія и больше ничего! — чуть слышно добавилъ онъ.

— Вы были влюблены? — удивленно воскликнулъ донъ Порфиріо.

— Да, влюбленъ, какъ безумный!

— Вы? Да возможно-ли это?

— Да, я и теперь еще не излѣчился отъ этой любви!—со вздохомъ сказалъ онъ.

— Влюбиться, здѣсь, въ этой глуши! Да къ тому же вы, вѣдь, первый разъ въ этой странѣ, вы никого еще не знаете!

— Да, но, вѣдь, я сказалъ вамъ, что это случайное приключеніе.

— Да, но только я положительно не понимаю!

— Я объясню вамъ все это дѣло въ нѣсколькихъ словахъ.—И донъ Торрибіо подробно изложилъ всю свою исторію встрѣчи, знакомства и любви,—наконецъ, страннаго, непонятнаго разрыва съ этой семьей.

Донъ Порфиріо Сандосъ слушалъ его все время съ величайшимъ вниманіемъ.

— Какъ звали кабаллеро? — спросилъ онъ, когда донъ Торрибіо замолчалъ.

— Не знаю, онъ приказывалъ называть себя просто донъ Мануель.

— А дѣвушку какъ звали?

— Донна Санта!—прошепталъ онъ.

— Неужели это на самомъ дѣлѣ такъ? — задумчиво прошепталъ донъ Порфиріо, затѣмъ вдругъ добавилъ:—скажите, сеньоръ, у этого кабаллеро были, конечно, одинъ или два довѣренныхъ слуги?

— Да, съ нимъ былъ одинъ слуга, родъ майордома, человѣкъ мрачнаго, скрытнаго вида, съ лукавымъ, злобнымъ

взглядомъ,—я полагаю замбо по происхожденію, —онъ носилъ прозвище Наранха.

— О, я какъ будто предчувствовалъ это!—воскликнулъ гасіендеро—и глаза его заметали молніи,—это онъ!—Я такъ и зналъ, что это онъ!

— Онъ? Что вы хотите этимъ сказать?—спросилъ удивленный до крайности молодой человѣкъ.

— Я хочу сказать, дорогой сеньоръ, что вы любите воспитанницу того человѣка, противъ котораго намъ предстоитъ бороться. Я охотно пояснилъ-бы вамъ все это сейчасъ-же, но теперь некогда: намъ надо торопиться обратно въ гасіенду. Пока же я скажу вамъ, что этотъ человѣкъ— нашъ самый непримиримый врагъ, котораго намъ болѣе всего слѣдуетъ опасаться!

— Боже мой!—воскликнулъ молодой человѣкъ, поблѣднѣвъ, какъ мертвецъ.

— И онъ васъ узналъ или вѣрнѣе угадалъ?—продолжалъ донъ Порфиріо.

— Боже мой! Боже мой! — горестно прошепталъ донъ Торрибіо, закрывъ лицо руками.

Наступило молчаніе. Молодой человѣкъ сидѣлъ неподвижно, точно громомъ пораженный, а гасіендеро глядѣлъ на него съ сердечнымъ сочувствіемъ.

— Ободритесь! не унывайте и простите мнѣ-то горе, которое я причинилъ вамъ, но позже этотъ ударъ былъ-бы, быть можетъ, еще тяжелѣе для васъ,—лучше вамъ знать это теперь-же!

— Да, вы причинили мнѣ страшную боль!—прошепталъ донъ Торрибіо,—почему-бы мнѣ и не сознаться вамъ въ этомъ,—любовь эта была моя жизнь, моя надежда, моя радость, а теперь....

— Что же измѣнилось теперь?—многозначительно спросилъ гасіендеро,—ровно ничего! вы любите и любимы взаимно; ненависть наша вамъ чужда: откажитесь отъ этого дѣла, вѣдь, еще не поздно!

При этихъ словахъ донъ Торрибіо вдругъ выпрямился,

точно по немъ прошелъ электрическій токъ: блѣдный съ сдвинутыми бровями и дрожащими губами онъ строго, почти грозно смотрѣлъ на своего собесѣдника.

— Ни слова болѣе, кабаллеро!—воскликнулъ онъ, — это слово было-бы для меня неизгладимымъ оскорбленіемъ! — Чегобы мнѣ ни стоило, — разъ я далъ слово: — я всегда исполню свой долгъ!

— Преклоняюсь! Вы—благородный и доблестный молодой человѣкъ, простите мнѣ мои слова, я ошибался въ васъ!—проговорилъ гасіендеро,—не отчаявайтесь, быть можетъ, не все еще потеряно!

— Смотрите, сеньоръ! — Не обнадеживайте меня послѣ того, какъ вы же сами постарались отнять у меня всякую надежду!

— Я ничего вамъ не сулю, а только говорю: „не унывайте и не судите впередъ ни о чемъ, не зная ни того, что есть, ни того, что васъ ожидаетъ". Подождите, когда я скажу вамъ, что мнѣ извѣство; тогда вы сами увидите, слѣдуетъ-ли вамъ отчаиваться или надѣяться.

— Да, но когда вы скажете мнѣ все это?

— Сегодня же вечеромъ!

— Благодарю, я буду ждать не для того, конечно, чтобы измѣнить свое рѣшеніе, — оно безповоротно, — но для того, чтобы знать, долженъ ли я ненавидѣть этого человѣка и вырвать навсегда изъ своей души это чувство, которое для меня больше жизни. Ну, а теперь мнѣ кажется, въ данный моментъ мы не имѣемъ ничего болѣе сказать другъ другу. Поѣдемте!

Оба собесѣдника спустились съ вершины и, сѣвъ на коней, молча пустились въ обратный путь. Три четверти часа спустя, они уже въѣзжали въ ворота гасіенды дель Пальмаро, не встрѣтивъ никого на своемъ пути.

Однако, еслибы при въѣздѣ въ лѣсъ они вглядѣлись въ кусты, росшіе почти на самомъ краю дороги, то, вѣроятно, увидѣли-бы пару блестящихъ глазъ, провожавшихъ ихъ съ

выраженіемъ злорадства и непримиримой ненависти, прячась въ вѣтвяхъ кустарника.

Проѣзжая мимо этихъ кустовъ, лошадь подъ дономъ Торрибіо вдругъ шарахнулась въ сторону, но молодой человѣкъ, погруженный въ свои невеселыя думы, машинально подтянулъ поводъ, не оглянувшись даже на причину, заставившую лошадь выдти на минуту изъ повиновенія. Однако, подбирая поводья губы всадника сложились въ какую-то страшную усмѣшку и брови на мгновеніе сдвинулись какъ-бы отъ досады.

VI. Какимъ образомъ донна Санта и донъ Торрибіо встрѣтились.

Завтракъ въ гасіендѣ дель Пальмаръ прошелъ на этотъ разъ молчаливо и не весело.

По окончаніи его, донъ Торрибіо снова сѣлъ на коня и въ сопровожденіи одного только Пепе Ортиса выѣхалъ со двора, обмѣнявшись съ дономъ Порфиріо шепотомъ нѣсколькими словами, которыя, повидимому, очень взволновали его.

Братья поѣхали рядомъ, все время разговаривая между собой, но всякій, кто услышалъ бы ихъ, навѣрное, не сумѣлъ бы уловить ни единаго слова: когда они были одни, то съ давнихъ поръ имѣли привычку говорить на своемъ особомъ языкѣ, только для нихъ двоихъ понятномъ.

Отъѣхавъ нѣкоторое разстояніе отъ гасіенды, братья разстались, не уменьшая, однако, довольно быстраго аллюра своихъ коней. Донъ Торрибіо свернулъ направо, а Пепе поѣхалъ влѣво; вскорѣ они потеряли другъ друга изъ вида. Затѣмъ оба съ разныхъ концовъ въѣхали въ тотъ самый лѣсъ, черезъ который сегодня по утру проѣзжалъ донъ Торрибіо.

Послѣдній ѣхалъ лѣсомъ, соблюдая всякую возможную осторожность, прислушиваясь къ малѣйшему шороху или

хрусту въ лѣсу, зорко осматривая каждый кустъ. Когда онъ достигъ того мѣста, гдѣ нѣсколько часовъ тому назадъ сидѣлъ въ засадѣ какой-то человѣкъ, донъ Торрибіо слѣзъ съ сѣдла, поставилъ своего коня въ пустую заросль ліанъ и, привязавъ его къ дереву, опустилъ ружье свое на землю, подлѣ себя, а самъ принялся внимательно изучать слѣды и отпечатки ногъ и колѣнъ, оставленные въ самой чащѣ кустарника тѣмъ человѣкомъ, который былъ здѣсь по утру.

Окончивъ свои изслѣдованія, онъ осмотрѣлся кругомъ, вѣроятно, съ цѣлью убѣдиться, что никто не подглядываетъ за нимъ, и затѣмъ увѣренно пошелъ по слѣду, не отступая отъ него ни на іоту.

Несомнѣнно было, что человѣкъ, оставившій по себѣ этотъ слѣдъ, питалъ какое-то органическое отвращеніе ко всякаго рода дорожкамъ, дорогамъ и тропамъ: онъ все время шелъ напрямикъ и при томъ дѣлалъ массу изворотовъ; такого рода странствованіе было не только весьма утомительнымъ и затруднительнымъ, но и весьма скучнымъ, потому что отнимало массу времени. Идя такимъ путемъ около часа времени, донъ Торрибіо вдругъ остановился и притаился за стволомъ громаднаго стараго махагоня. Онъ очутился на опушкѣ широкой свѣтлой прогалины, отъ которой его теперь отдѣляла только тонкая завѣса одного ряда деревьевъ, растущихъ чрезвычайно тѣсно и густо оплетенныхъ между собой терновникомъ и цвѣтущими вьюнами. Молодой человѣкъ сталъ ловко пробираться между терновникомъ, и вскорѣ его глазамъ представилась слѣдующая картина: у подножья громаднаго обломка скалы расположились трое мужчинъ, которые покуривали индѣйскія трубки, напоминающія, до извѣстной степени, священный калюметъ („трубку мира“) краснокожихъ; остатки фруктовъ, кости и разные объѣдки, валявшіеся тамъ и сямъ, свидѣтельствовали о томъ, что эти господа только что позавтракали; на землѣ подлѣ каждаго, лежали у нихъ подъ рукой ихъ ружья. Донъ Торрибіо отлично видѣлъ все со своего мѣста, но не могъ слышать

ихъ разговора, такъ какъ они были слишкомъ далеко отъ него.

Вдругъ молодой человѣкъ вздрогнулъ: одинъ изъ этихъ трехъ людей обернулся къ нему лицомъ,—и онъ тотчасъ-же узналъ его.

— Я такъ и зналъ! —прошепталъ онъ.—Какіе темные замыслы привели этихъ людей сюда? Неужели его господинъ такъ близко отъ меня? Чтобы значила эта засада сегодня поутру и это таинственное совѣщаніе, при которомъ я сейчасъ присутствую? Надо это узнать во чтобы то ни стало: подъ этимъ, безъ сомнѣнія, кроется какой нибудь черный замыселъ, который мнѣ необходимо знать!

Размышляя такимъ образомъ, молодой человѣкъ отступилъ на нѣсколько шаговъ назадъ и ползкомъ, по индѣйски, безъ малѣйшаго шума или хруста сухой вѣтки, пробрался до той группы скалъ, у которой пріютились собесѣдники. Однако, и теперь его отдѣляло отъ нихъ еще весьма значительное пространство. Тогда закинувъ свой лассо на одну изъ нижнихъ могучихъ вѣтвей громаднаго махогоня, онъ ловко вскарабкался по веревкѣ на дерево и затѣмъ, перебѣгая съ вѣтки на вѣтку, со скалы на скалу, въ нѣсколько минутъ очутился на разстояніи пяти шести шаговъ отъ бесѣдующихъ и залегъ въ кустахъ, росшихъ на скалѣ, надъ самыми ихъ головами.

На этотъ разъ донъ Торрибіо не только могъ видѣть, но и слышать каждое слово, а также сколько угодно разглядывать незнакомцевъ. Оба они были люди въ полномъ соку, роста средняго, коренастые, настоящіе атлеты, съ красивыми, энергичными лицами, но общее впечатлѣніе было совершенно испорчено мрачнымъ, лукавымъ и тревожнымъ выраженіемъ глазъ, вѣчно бѣгающихъ по сторонамъ, сардонической улыбкой, почти не сходившей у нихъ съ губъ, мясистыхъ и сладострастныхъ. Платье ихъ было богато и роскошно, если люди эти были мерзавцы и воры, то уже, конечно, не простые, заурядные воры. Мы не станемъ говорить здѣсь о третьемъ ихъ собесѣдникѣ, котораго

*

донъ Торрибіо узналъ съ перваго же взгляда,—читатель и такъ скоро узнаетъ, кто онъ былъ. Тутъ же, не подалеку, стояли три лошади въ богатомъ наборѣ и усердно поѣдали свой кормъ.

Въ тотъ моментъ, когда донъ Торрибіо растянулся въ кустахъ надъ ихъ головами, говорило третье лицо, то самое, котораго мы не описывали сейчасъ: оба собесѣдника слушали его съ величайшимъ вниманіемъ.

— Итакъ, кабаллеро,—сказалъ онъ, — вы понимаете меня, мнѣ нѣтъ надобности повторять вамъ еще разъ, что вамъ слѣдуетъ дѣлать!

— Мы прекрасно поняли васъ, сеньоръ Наранха, но вотъ что намъ не ясно, почему наши вожди принимаютъ столько всякихъ предосторожностей и выступаютъ съ такою грозной ратью противъ одного человѣка?!

— Вы спрашиваете объ этомъ и удивляетесь, такъ какъ не знаете человѣка, съ которымъ намъ теперь приходится имѣть дѣло, сеньоръ донъ Кристобаль,—сказалъ Замбо, это дѣйствительно былъ онъ, — и вы, донъ Бальдомэро, также не имѣете о немъ понятія, но я знаю его, я видѣлъ его на дѣлѣ и могу сказать, что съ нимъ не легко сладить!

— Какъ-бы не было трудно сладить съ этимъ господиномъ, все-же онъ не стоитъ десятерыхъ!—сказалъ донъ Бальдомеро, подергивая свои усы.

— Не только десятерыхъ, но даже и пятерыхъ, я полагаю!—подхватилъ донъ Кристобаль, — а насъ, вѣдь, тысячи противъ него.

— Я вамъ не смѣю утверждать, стоитъ ли этотъ человѣкъ пятерыхъ или десятерыхъ, но только могу васъ увѣрить, что если мы не будемъ держать ухо остро, то онъ надѣлаетъ намъ съ вами не мало бѣдъ! Главное, надо избѣгать во что бы то ни стало явной открытой борьбы, потому что всѣ оказались бы тогда на нашей сторонѣ; вся наша сила заключается, главнымъ образомъ, въ томъ ореолѣ таинственности, которымъ мы сумѣли съ самаго начала окружить себя, — не забывайте этого, кабаллеро. Вы говорите, что

насъ тысяча!—да, но мы разсѣяны по всѣмъ провинціямъ, а потому не можемъ въ любой данный моментъ собраться и образовать сплоченную массу, грозную силу, способную сокрушить все передъ собою; слѣдовательно, можемъ разсчитывать только на наши силы, не болѣе!

— Но, вѣдь, въ одной Сонорѣ насъ болѣе пятисотъ человѣкъ, замѣтилъ донъ Кристобаль.

— Не спорю,—сухо возразилъ Наранха,—но какъ вы полагаете, этотъ человѣкъ, станетъ-ли онъ считаться съ мелкой сошкой? Конечно, нѣтъ! Онъ станетъ нападать только на вожаковъ, такъ какъ отлично понимаетъ, что разъ онъ разоблачитъ нашихъ вождей и предастъ ихъ въ руки правосудія, то наша пѣсенка спѣта. На что мы будемъ способны безъ вождей, безъ вожаковъ и руководителей?! мы стали бы безсильны, и тогда ничего не можемъ быть легче, какъ истребить всѣхъ насъ, по одиночкѣ, однихъ за другими. У насъ много союзниковъ, это вѣрно, но у насъ также много и враговъ,—быть можетъ, даже больше! Эти враги теперь молчатъ, всѣ они примирились, они боятся насъ, потому что мы слывемъ неуязвимыми и неуловимыми; но стоитъ намъ завтра потерпѣть пораженіе или хотя-бы только неудачу,—и весь нашъ престижъ рухнетъ разомъ! Всѣ тѣ, кто теперь льститъ намъ и тайно содѣйствуетъ,—всѣ они пойдутъ противъ насъ, какъ только перестанутъ бояться насъ. Мало того, они станутъ нашими злѣйшими и опаснѣйшими врагами, потому что имъ удалось узнать кое что изъ нашихъ тайнъ, и мы окажемся въ ихъ рукахъ.

— Хмъ! да... — протянулъ донъ Кристобаль, — дѣла-то серьезнѣе, чѣмъ я полагалъ.

— Все-же,—небрежно замѣтилъ донъ Бальдомэро, скручивая папиросу, — этотъ человѣкъ одинъ, а наши главари въ такомъ надежномъ убѣжищѣ, что будь онъ самъ сатана, и тогда мы всегда сумѣемъ справиться съ нимъ!

— Вы ошибаетесь, онъ вовсе не настолько одинъ, какъ вы полагаете. Въ настоящее время находится въ домѣ дона Порфиріо Сандосъ, вліяніе котораго въ Сонорѣ очень велико,

а объ его чувствахъ къ намъ мнѣ, кажется, нѣтъ надобности говорить вамъ, сеньоры: вы сами знаете, что наше общество не имѣетъ злѣйшаго врага, чѣмъ этотъ человѣкъ. Всѣ мы это знаемъ, и тѣмъ не менѣе по настоящее время намъ не удавалось ни сразить его, ни отдѣлаться отъ него!

— Это правда!—прошептали сообщники Замбо.

— Къ тому-же, даже таинственное убѣжище нашихъ вожаковъ недоступно для этого человѣка, потому что, какъ говорятъ, онъ обладаетъ способностью какимъ-то чутьемъ отыскивать самые недоступные притоны, угадываетъ самые сокровенные замыслы; однимъ словомъ, это не человѣкъ, а—демонъ.

— Сагаї—весело воскликнулъ донъ Кристобаль,—знаете-ли вы, любезнѣйшій сеньоръ Наранха, что вы намъ говорите, пожалуй, можетъ даже показаться страннымъ!

— Между тѣмъ это такъ!

— Въ такомъ случаѣ, надо убить его!

— Что же вы думаете, развѣ не пытались это сдѣлать?!—пожимая плечами сказалъ Замбо.

— Такъ что-же намъ съ нимъ дѣлать?

— Только исполнять въ точности то, что я вамъ сейчасъ передалъ и безпрекословно повиноваться нашимъ начальникамъ! Въ этомъ—единственное условіе нашего успѣха. Намъ надо убивать, чтобы не быть убитыми, а, главное, не слѣдуетъ терять ни минуты. Всего важнѣе опередить врага, нихъ, взять его врасплохъ!

— Положитесь на насъ и увѣрьте нашихъ вождей въ безусловномъ нашемъ повиновеніи имъ: вѣдь, сражаясь за нихъ, мы будемъ сражаться за себя.

— Да, мы станемъ спасать свои головы, а потому не безпокойтесь,—съ закатомъ солнца, приказанія ваши будутъ исполнены!—сказалъ донъ Вальдомеро.

— Ну, въ такомъслучаѣ, прощайте, мы увидимся, когда настанетъ время дѣйствовать!

Оба мужчины поднялись на ноги, пожали руку Замбо и,

пять минутъ спустя, уже скрылись изъ виду на своихъ быстрыхъ коняхъ.

Но Наранха еще остался на мѣстѣ.

— Да,—пробормоталъ онъ,—мы разсчитываемъ на васъ, такъ какъ въ ваши разсчеты входитъ оставаться вѣрными намъ, но еще болѣе мы разсчитываемъ на самихъ себя!— Впрочемъ, черезъ какихъ нибудь нѣсколько часовъ мы будемъ знать, что о васъ думать. И если намъ удастся, о, тогда!....

Онъ не докончилъ своей фразы: какая-то неопредѣленная улыбка скривила его уста; онъ подошелъ къ коню, взнуздалъ его, вскочилъ въ сѣдло и ускакалъ галопомъ.

Тогда и донъ Торрибіо покинулъ свой постъ, спустился на то мѣсто, гдѣ происходило на полянкѣ совѣщаніе трехъ платеадосовъ, и въ продолженіи болѣе получаса внимательно изучалъ почву тамъ, гдѣ сидѣли эти трое людей и гдѣ стояли ихъ лошади.

Покончивъ съ этимъ, онъ медленно удалился, погруженный въ глубокую задумчивость и направляясь къ тому мѣсту въ чащѣ лѣса, гдѣ онъ оставилъ своего коня.

Часъ или полтора спустя, онъ шагомъ выѣзжалъ изъ лѣса, но едва успѣлъ онъ выѣхать на открытое мѣсто саванны, какъ увидѣлъ, что какой-то всадникъ во весь опоръ мчится къ нему на встрѣчу.

То былъ Пепе Ортисъ. Донъ Торрибіо остановился и сталъ поджидать его.

— Ну, что?—спросилъ онъ.

— Все именно такъ, какъ ты предполагалъ! — отвѣтилъ Пепе,—Донъ Мануэль и его семья уже болѣе мѣсяца живутъ въ какихъ нибудь двухъ миляхъ разстоянія отъ гасіенды дель Пальмаръ, въ довольно большомъ ранчо, превосходно скрытомъ въ глубокомъ оврагѣ, въ совершенно уединенномъ мѣстѣ, густо заросшемъ зеленью кустами и деревьями. Никто, кромѣ насъ съ тобой, не могъ-бы доискаться этого ловко избраннаго убѣжища. Тамъ я видѣлъ кой-кого и говорилъ съ нимъ, — она поручила мнѣ передать тебѣ, что

сегодня въ 8 часовъ будетъ одна у лагуны дель Лагарито въ гротѣ у берегу воды.

— Ты ее видѣлъ!—воскликнулъ донъ Торрибіо съ сильно бьющимся сердцемъ.

— Да, я видѣлъ ее:—она любитъ тебя не меньше, чѣмъ ты ее; она сама указала мнѣ мѣсто, избранное ею для свиданія! Не безпокойся, я сумѣю свести тебя туда съ закрытыми глазами.

Благодарю тебя, дорогой братъ мой! Благодарю!—произнесъ растроганный донъ Торрибіо.

— Не монимаю, за что ты благодаришь; я сдѣлалъ только то, что долженъ былъ сдѣлать! но больше ни слова объ этомъ: вотъ мы уже пріѣхали въ гасіенду. А тебѣ удалось.

— Да, лучше даже, чѣмъ я ожидалъ!

— Такъ, значитъ, ты доволенъ? А вотъ и донъ Порфиріо, кой чортъ! будь же мужчиной: нельзя такъ волноваться!

— Не мѣшай мнѣ, Пепе, я такъ счастливъ, дорогой мой!

Пепе ласково улыбнулся брату, самъ не менѣе его довольный тѣмъ, что могъ угодить ему.

Донъ Порфиріо вышелъ къ воротамъ встрѣтить своего гостя, но донъ Торрибіо успѣлъ уже совладать съ собою, и лицо его не выражало теперь ничего, кромѣ обычной спокойной неподвижности и безстрастія, которыя онъ привыкъ придавать своимъ чертамъ.

Оставшись наединѣ съ дономъ Порфиріо, молодой человѣкъ передалъ ему все, что видѣлъ и слышалъ, но о томъ, что сдѣлалъ Пепе, не сказалъ ему ни слова. Онъ даже раскаивался теперь въ душѣ въ томъ, что признался ему въ своей любви къ доннѣ Сантѣ.

— Ну, и что же вы обо всемъ этомъ думаете?—спросилъ его донъ Порфиріо.

— Да то же, что и вы! Я полагаю, что непріятель почуялъ бѣду и готовится напасть на насъ, надѣясь захватить насъ врасплохъ и безъ труда справиться съ нами!

— Ну, да,—но какъ вы полагаете, посмѣютъ они сдѣлать нападеніе на гасіенду?

— Нѣтъ, они не рѣшатся дѣйствовать явно, сбросивъ маску и съ открытымъ лицомъ, тѣмъ болѣе, что если бы они потерпѣли неудачу, что весьма возможно, такъ какъ гасіенда настоящая крѣпость и, въ случаѣ надобности, не имѣла бы недостатка въ защитникахъ, они слишкомъ скомпрометировали бы себя этимъ. Я думаю, что они попытаются наложить руку на васъ или же на меня, захватить въ плѣнъ, похитивъ насъ тайкомъ.

— Хмъ! ни вы, ни я, мы, кажется, не такого сорта люди, которыхъ легко поймать врасплохъ.

— Конечно, но во всякомъ случаѣ надо быть готовымъ встрѣтить ихъ во время. Скажите, можете вы положиться на своихъ пеоновъ?

— Нѣтъ, не на всѣхъ, а только на нѣкоторыхъ! Но надѣюсь, что надежные сумѣютъ удержать въ должномъ порядкѣ ненадежныхъ; во всякомъ случаѣ, это дастъ мнѣ возможность окончательно распознать надежныхъ отъ ненадежныхъ. Что меня болѣе всего интересуетъ, такъ это то, какимъ образомъ вы ухитрились выслѣдить этого дьявола Наранха.

— Вы хотѣли бы знать, какъ я это сдѣлалъ?—да очень просто! Вы, вѣроятно, замѣтили, что въ тотъ моментъ, когда мы съ вами сегодня по утру выѣзжали изъ лѣса, конь подо мной вдругъ шарахнулся въ сторону безъ всякой видимой причины?

— Да, какъ же! Я еще полюбовался, съ какимъ невозмутимымъ спокойствіемъ вы подобрали поводья и поставили его на прежній аллюръ.

— Ну, такъ вотъ! Подбирая поводья, я окинулъ взглядомъ мѣстность, желая знать, что испугало моего коня, и сдѣлалъ это такъ незамѣтно, что вы не уловили моего движенія. Однако, я успѣлъ замѣтить въ кустахъ, вправо отъ насъ, пару горящихъ злобныхъ глазъ, устремленныхъ на насъ съ выраженіемъ непримиримой ненависти и злобы. Я

не сказалъ вамъ ничего объ этомъ, такъ какъ не былъ вполнѣ увѣренъ. Я не хотѣлъ встревожить васъ напрасно и рѣшилъ самъ удостовѣриться; понятно, что шпіонъ исчезъ, но слѣды его остались; остальное вы уже знаете. А теперь позвольте мнѣ предупредить васъ, любезный мой хозяинъ, что я сегодня обѣдать съ вами не буду, потому что пріѣду только къ ужину!

— Какъ? Неужели вы опять хотите ѣхать?

— Да, мнѣ надо, я долженъ довершить то, что мнѣ удалось такъ хорошо начать.

— Какъ! Вы хотите продолжать развѣдки? Что если бы и мнѣ отправиться вмѣстѣ съ вами?

— Ахъ, нѣтъ!—воскликнулъ донъ Торрибіо,—вы должны остаться, чтобы охранять гасіенду.

— Да, это правда, я совершенно упустилъ это изъ виду. Когда вы отправитесь?

— Часовъ въ семь, когда стемнѣетъ.

— Ахъ, берегитесь, донъ Торрибіо! быть можетъ, какъ только стемнѣетъ, гасіенду со всѣхъ сторонъ обложатъ сѣтью засадъ.

— Очень возможно! Но то, что я намѣренъ сдѣлать сегодня вечеромъ, такъ важно, что, даже рискуя быть убитымъ, я все же рѣшаюсь на этотъ шагъ!

— Вѣрю, что у васъ должны быть весьма важныя основанія дѣйствовать такъ, какъ вы говорите, но признаюсь, дрожу при мысли о тѣхъ опасностяхъ, какимъ вы подвергаете себя.

— Баа! неужели жизнь въ самомъ дѣлѣ такой драгоцѣнный даръ, что люди такъ старательно оберегаютъ ее?!—съ горькой улыбкой замѣтилъ донъ Торрибіо,—впрочемъ,—добавилъ онъ уже другимъ тономъ,—я буду не одинъ: со мной поѣдутъ оба моихъ слугъ; къ тому же мы будемъ вооружены съ головы до пятъ!

— Ну, это еще немного успокаиваетъ меня! Но такъ какъ осторожность никогда не мѣшаетъ, то вотъ возьмите ключъ отъ потайной калитки гасіенды, которую я вамъ укажу самъ

и о существованіи которой никто здѣсь не знаетъ. Лошади будутъ ждать васъ въ темной чащѣ деревьевъ, въ двухъ шагахъ отъ калитки, такъ что никто здѣсь не замѣтитъ вашего отсутствія. Предоставьте только это дѣло мнѣ, и я надѣюсь, все будетъ благополучно!

— Я тронутъ вашей заботливостью обо мнѣ и всецѣло отдаюсь въ вашу власть!

— Когда же вы вернетесь?

— Сегодня, но точнаго часа опредѣлить не могу, это будетъ зависѣть не столько отъ того, что мнѣ надо сдѣлать, сколько отъ тѣхъ препятствій, какія могутъ встрѣтиться мнѣ по пути!

— Значитъ, вы предвидите нападеніе?

— Нѣтъ, но, вѣдь, весьма возможно, что я наскачу на какую-нибудь засаду по пути туда или обратно, а это можетъ задержать меня долѣе, чѣмъ бы я желалъ!—добавилъ онъ, весело смѣясь.

— Вы—прелестнѣйшій товарищъ, хотя немного таинственный! Но Богъ съ вами: дѣлайте себѣ свое дѣло и устраивайте, какъ знаете! У меня какое-то предчувствіе, что вы вернетесь цѣлы и невредимы изъ этой дьявольской экспедиціи; только не забывайте, что я буду ужасно безпокоиться о васъ!

— Благодарю! Конечно, я не забуду этого и постараюсь вернуться какъ можно скорѣе!

Часовъ около семи, когда на дворѣ уже зги не было видно,—луна не успѣла еще взойти,—донъ Торрибіо, плотно завернувшись въ свой зарапе, спустился въ садъ гасіенды, роскошный и громадный паркъ, затѣйливо распланированный опытною и искусною рукою. Пройдя быстрымъ, рѣшительнымъ шагомъ рядъ тѣнистыхъ аллей, онъ, наконецъ, очутился передъ хорошенькимъ строеніемъ, напоминавшимъ съ виду французскую хижинку, у которой стояло двое мужчинъ, держа подъ уздцы трехъ осѣдланныхъ лошадей.

— Впередъ! — произнесъ донъ Торрибіо, не останавливаясь.

Люди молча послѣдовали за нимъ, ведя за собой лошадей. Прошло еще нѣсколько минутъ; они продолжали подвигаться впередъ.

— Что это значитъ?—вдругъ обратился донъ Торрибіо,— я не слышу звука копытъ!

— Я обернулъ ноги лошадей войлокомъ, ваша милость!— отвѣтилъ одинъ изъ людей.

— А, ты всегда обо всемъ подумаешь, Пепе, благодарю тебя, мой милый!—весело сказалъ молодой человѣкъ.

— Это моя обязанность, ваша милость,—отвѣчалъ Пепе,— но мысль эта была не моя: мнѣ ее внушилъ Лука.

— Ну, въ такомъ случаѣ, благодарю васъ обоихъ, друзья мои! А теперь ни гу-гу!.. Вотъ и калитка; ты, Пепе, пройдешь первый и посмотришь, нѣтъ ли чего сомнительнаго поблизости, но, ради Бога, не попадись имъ въ руки!

— Не безпокойтесь, ваша милость: я парень ловкій!— сказалъ шепотомъ Пепе.

Тогда донъ Торрибіо осторожно отперъ калитку и пріотворилъ ее. Пепе проскользнулъ въ узкую щель и почти тотчасъ же скрылся во мракѣ, царившемъ вокругъ. Донъ Торрибіо и Лука стояли у калитки съ заряженными пистолетами въ рукахъ. Пепе долго не возвращался; наконецъ, его фигура вынырнула изъ мрака.

— Нигдѣ ничего!—прошепталъ онъ.

— Такъ живо на коней!—И въ слѣдующій моментъ, заперевъ за собой калитку, наши три всадника помчались во мглѣ положительно безпросвѣтной ночи, подобно призрачнымъ тѣнямъ или героями нѣмецкой баллады.

Болѣе часа они неслись, не измѣняя аллюра, не останавливаясь ни на минуту. Пепе Ортисъ съ непогрѣшимою вѣрностью глаза, присущею только людямъ, проведшимъ половину своей жизни въ лѣсу, не задумываясь велъ за собой своихъ спутниковъ, не взирая на полнѣйшій мракъ.

Между тѣмъ на небѣ начали уже появляться звѣздочки, и ночь, мало-по-малу, становилась почти прозрачной. Въ воздухѣ, напоенномъ сладкимъ ароматомъ цвѣтовъ, кружились

миріады свѣтляковъ и блестящихъ мушекъ; слабый вѣтерокъ пробѣгалъ по верхушкамъ деревьевъ, едва слышно шелестя листьями, отчего по лѣсу носился какой-то таинственный шепотъ и тихіе вздохи. Тамъ и сямъ въ глухой чащѣ лѣса мелькали неясныя очертанія спугнутыхъ дикихъ звѣрей, еще полусонныхъ. Наконецъ, впереди показались зеленоватыя воды лагуны.

— Лагуна дель Лагарто!—шепнулъ на ухо дону Торрибіо Пепе.

Вслѣдъ за тѣмъ они сдержали коней и спѣшились. Лука Мендесъ взялъ въ поводъ лошадей и отвелъ ихъ въ темную глубь чащи, а Пепе пошелъ впередъ, сдѣлавъ брату знакъ слѣдовать за нимъ. Когда они отошли немного, Пепе сказалъ:

— Смотри сюда! Вотъ видишь тамъ, направо, среди маленькой апельсинной рощицы, прячется ранчо, въ которомъ живетъ донъ Мануель съ семействомъ?! Его прекрасно можно видѣть отсюда.

— Увѣренъ ли ты въ томъ, что донъ Мануель теперь находится въ отсутствіи?

— Не только донъ Мануель, но и Наранха, и всѣ слуги, за исключеніемъ только одного, выѣхали отсюда передъ закатомъ солнца и поскакали во всю прыть по направленію къ Тубаку.

— Почему ты это можешь знать?

— Я самъ видѣлъ ихъ! Теперь остались въ ранчо только одинъ старый слуга, донна Франсиска и мальчуганъ, да еще женская прислуга.

— А донна Санта?

— Она, должно быть, ушла нѣсколько минутъ тому назадъ, чтобы отправиться къ тому мѣсту, гдѣ будетъ ожидать тебя, т. е. въ тотъ гротъ, который находится всего въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда.

— Ахъ, Пепе, прошу тебя, скажи скорѣе, гдѣ этотъ гротъ!

— Caraï! Какъ ты нетерпѣливъ, голубчикъ!—улыбаясь

возразилъ Пепе,—слушай, иди прямо вдоль берега лагуны, пока не дойдешь до двухъ громадныхъ камней; между ними какъ разъ и находится входъ въ гротъ. Ну, иди съ Богомъ, братъ! Я здѣсь покараулю и, если что-нибудь случится неладное, предупрежу тебя!

Донъ Торрибіо даже не дослушалъ послѣднихъ словъ брата и почти бѣгомъ побѣжалъ къ гроту. Пепе нѣсколько мгновеній слѣдилъ за братомъ, затѣмъ вернулся къ тому мѣсту, гдѣ былъ Лука Мендесъ, и оба они засѣли неподалеку отъ ранчо, чтобы на всякій случай быть настороже.

Тѣмъ временемъ донъ Торрибіо очутился уже у входа въ гротъ, но здѣсь припужденъ былъ остановиться и, прислонясь къ стволу одного изъ деревьевъ, придавить грудь рукой, чтобы сдержать свое порывисто-забившееся сердце. Почти въ ту же минуту стройная женская фигура, вся въ бѣломъ, появилась передъ нимъ, точно небесное видѣніе,—и тихій мелодичный голосъ прошепталъ:

— Торрибіо, это вы?

— Санта!—воскликнулъ онъ, опускаясь на колѣни передъ прелестной дѣвушкой, которая, вся блѣдная и взволнованная, склонилась надъ нимъ, чтобы поднять его.

— О, дорогая! Дайте мнѣ молиться на васъ, какъ молятся на Пресвятую Дѣву! Наконецъ-то, я вижу васъ, Санта, возлюбленная моя, жизнь моя, радость моя!

— И я, Торрибіо, не переставала думать о васъ и любить васъ!

— А я, вѣдь, думалъ, что навсегда утрачу васъ: вы знаете, я чуть не умеръ!

— Знаю, дорогой мой!

— Вы это знали?! Какими судьбами?

— Я знаю все!—прошептала она со вздохомъ.

Тѣмъ временемъ молодые люди подошли къ самому гроту и сѣли на дерновую скамью у входа.

— Скажите мнѣ, querida mia (дорогая моя), какъ объяснить, что вамъ извѣстно все о мнѣ, тогда какъ я рѣшительно

ничего о васъ не знаю?!—съ любопытствомъ спросилъ молодой человѣкъ.

— Увы, дорогой, мы здѣсь окружены со всѣхъ сторонъ врагами, которые...

— Я, можетъ быть! Но вы, Санта, нѣтъ, это невозможно!—горячо воскликнулъ онъ.

— Все возможно, другъ мой!—сказала она, покачавъ головкой.

— Хотя причина мнѣ совершенно неизвѣстна, тѣмъ не менѣе я знаю, что вашъ отецъ питаетъ ко мнѣ непримиримую ненависть и вражду!

— Не называйте этого человѣка моимъ отцомъ!—воскликнула молодая дѣвушка.

— Какъ? Развѣ донъ Мануель вамъ не отецъ.

— Нѣтъ, онъ только мой опекунъ! Я—дочь его близкаго друга; отецъ мой умеръ, когда я была еще крошечнымъ ребенкомъ, и умирая, онъ поручилъ меня дону Мануелю; другого родства у меня съ нимъ, благодареніе Богу, нѣтъ!

— О, какъ я счастливъ этимъ! — воскликнулъ молодой человѣкъ,—я чувствую, что лучъ надежды снова проникаетъ мнѣ въ душу. Мы еще можемъ быть счастливы, Санта!

Дѣвушка безнадежно покачала головкой.

— Счастливы?! Нѣтъ, дорогой мой! прошептала она,— я не могу быть счастлива на землѣ, — здѣсь все разлучаетъ насъ!

— Что вы хотите этимъ сказать? объяснитесь, прошу васъ, Бога ради, и сдѣлайте это скорѣе, не то я, право, умру у вашихъ ногъ!

— Увы, дорогой мой, все это очень просто! Говорятъ, будто я страшно богата, и это состояніе донъ Мануэль желаетъ присвоить себѣ. Конечно, это было бы не большой для меня бѣдой, если-бы только онъ согласился дать мнѣ свободу и позволить располагать собою, какъ я хочу. Но,— увы! — подлѣ него есть человѣкъ, не человѣкъ, а демонъ, который, можно сказать, его злой геній; онъ имѣетъ надъ нимъ такую власть, такую силу, какую я никогда не могла

себѣ объяснить. И хотя этотъ человѣкъ еще ничего не сказалъ мнѣ и, вѣроятно, увѣренъ въ томъ, что и не подозрѣваю его тайны, но я угадала его скрытую мысль:—я прочла ее въ его сладострастномъ взглядѣ, устремленномъ на меня съ упорнымъ вожделѣніемъ, когда онъ думаетъ, что я не могу видѣть его. Я знаю, этотъ человѣкъ любитъ меня или, вѣрнѣе, хочетъ обладать мной. Его любовь хищнаго звѣря,—и, что бы я не дѣлала, чтобы избавиться отъ него, настанетъ день, когда онъ выскажется, признается мнѣ въ своей нечеловѣческой страсти. Тогда, дорогой мой, возлюбленный мой, тогда это будетъ послѣдній день моей жизни, такъ какъ онъ не задумываясь убьетъ меня, чтобы отомстить мнѣ за мое презрѣніе къ нему, или я сама наложу на себя руки что бы уйти отъ его омерзительныхъ ласкъ.

Corpo de Cristo! — воскликнулъ молодой человѣкъ; губы его дрожали а глаза метали молніи,—скажите мнѣ имя этого человѣка, Санта! имя того, кто осмѣливается смотрѣть на васъ такими глазами! Я хочу, я долженъ знать, кто онъ такой!

— Къ чему? Вы сами знаете этого человѣка, другъ мой, и ваше сердце должно подсказать вамъ его имя!

— Неранха!—воскликнулъ онъ съ удвоенною злобой.

— Да, онъ!— прошептала молодая дѣвушка, закрывъ лицо руками, чтобы скрыть слезы отчаянія.

— Я убью его, убью, какъ собаку! Эта отвратительная образина, которую едва можно назвать человѣкомъ, смѣетъ любить васъ своею грязною душой?!

— Ахъ, берегитесь, другъ мой! Этотъ человѣкъ очень опасный: онъ настояшій демонъ. Онъ ненавидитъ васъ такъ, какъ только онъ одинъ можетъ ненавидѣть! Онъ возбуждаетъ противъ васъ дона Мануеля, — я случайно слышала ихъ разговоръ и такимъ образомъ узнала отчасти ихъ злостныя, коварныя намѣренія по отношенію къ вамъ, дорогой мой!—почему я прошу васъ, будьте осторожны, берегитесь ихъ!

— Санта! — воскликнулъ молодой человѣкъ съ такимъ

достоинствомъ и рѣшимостью, что молодая дѣвушка невольно была поражена его словами.—Богъ свидѣтель, что я никого не люблю, кромѣ васъ одной! Вы для меня и жизнь, и счастье, и все святое на землѣ!

Будьте вѣрны мнѣ такъ, какъ я вамъ буду вѣренъ всю жизнь, и какія-бы ни были препятствія на нашемъ пути, вѣрьте мнѣ: я все преодолѣю и вы, Санта, вы будете моей, что бы ни дѣлали наши враги! Вы говорите, что эти враги сильны и опасны? Тѣмъ лучше! Значитъ, борьба съ ними будетъ труднѣе и достойная насъ съ вами! Для меня было бы позорно мѣряться съ жалкимъ врагомъ: за меня, вѣдь, и молодость, и сила, и смѣлость! Вѣрьте мнѣ, Санта, я положу ихъ къ своимъ ногамъ и, если надо будетъ пройти по ихъ тѣламъ, чтобы дойти до васъ, я пройду по нимъ! Не плачьте, Санта, вѣрьте въ Бога и въ мою любовь! Что бы ни случилось, рано или поздно мы будемъ принадлежать другъ другу!

— О, возлюбленный мой!—воскликнула она пряча голову на его груди,—я только женщина,—я понимаю, вѣрю вамъ, но боюсь и дрожу невольно и за себя, и за васъ! Какое-то предчувствіе упорно твердитъ мнѣ, что счастье — не мой удѣлъ. Любите меня, дорогой Торрибіо, такъ какъ, если я потеряю васъ, мнѣ останется только умереть!

— Не говорите такъ, дорогая моя! Господь поможетъ намъ. Подумайте, вѣдь, ужъ и то одно—почти чудо мы свидѣлись съ вами здѣсь, послѣ столь продолжительной разлуки!

— Увы, другъ мой, это чудо явилось результатомъ ненависти къ вамъ дона Мануэля и Наранхи. Они рѣшились поселиться въ этомъ ранчо лишь потому, что знали, что вы находитесь въ гасіендѣ дель Пальмаръ, у дона Порфиріо Сандоса. Отсюда они могутъ слѣдить за вами, какъ тигры изъ засады за намѣченной жертвой.

— Неужели это причина пребыванія дона Мануеля въ этомъ жалкомъ ранчо?

— Да!

— А это отсутствіе его въ настоящую ночь тоже скрываетъ какой нибудь злой умыселъ?

— Да, я въ этомъ увѣрена! Вотъ почему я такъ хотѣла, чтобы вы были въ эту ночь здѣсь, со мной: здѣсь вамъ не грозитъ никакой опасности.

— Аа! теперь я все понимаю!—воскликнулъ вдругъ молодой человѣкъ, ударяя себя по лбу,—да, теперь я понимаю...

— Я была такъ рада, увидавъ вашего слугу! Благое Провидѣніе само послало мнѣ случай на этотъ разъ спасти васъ! Пусть донъ Мануэль и Наранха строятъ свои козни, на этотъ разъ они не доберутся до васъ!

— Да, но за то другіе могутъ стать ихъ жертвой!—воскликнулъ онъ,—а этого не должно быть!

— Что вы хотите этимъ сказать, другъ мой?

— То, что я долженъ сейчасъ покинуть васъ, мой свѣтлый ангелъ!

— Уже!—горестно воскликнула она,—о, Торрибіо, вѣдь, нѣтъ еще и часа, какъ мы увидѣлись съ вами,—и вотъ, вы уже спѣшите уйти!

— Не удерживайте меня, querida mia; друзья мои въ опасности; человѣкъ, которому я почти обязанъ жизнью, теперь, быть можетъ, отбивается одинъ отъ этихъ бандитовъ!

— Ахъ, другъ мой! Это я, это моя любовь является причиной такого несчастія. Мнѣ слѣдовало съ самаго начала сказать вамъ все, что я знаю, и предупредить о намѣреніяхъ этихъ людей. Я такъ и хотѣла сдѣлать, но простите меня, увидя васъ, я все забыла, — а думала только о нашей любви! Простите, простите меня!

— Итакъ, они дѣйствительно хотятъ сдѣлать нападеніе на гасіенду?—прерывающимся отъ волненія голосомъ спросилъ Торрибіо.

— Да, они разсчитываютъ пробраться туда тайкомъ!

— Ахъ, Боже мой! А я — здѣсь! До свиданія Санта, до скораго, не удерживайте меня!

— Куда вы, Торрибіо? куда вы? не уходите отъ меня: они васъ убьютъ!—воскликнула она, кидаясь ему на шею.

— Я долженъ спѣшить туда: тамъ мое мѣсто, а не здѣсь!—говорилъ онъ, цѣлуя ее въ лобъ и нѣжно высвобождаясь изъ ея объятій.

— Куда вы? Что вы дѣлаете?

— Дитя! я иду спасти своихъ друзей и помочь имъ въ бѣдѣ или умереть вмѣстѣ съ ними. Прощайте!—И онъ почти бѣгомъ поспѣшилъ къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ своихъ спутниковъ.

— Торрибіо! Вернись, вернись! Вѣдь, я люблю тебя! — обезумѣвъ отъ горя и отчаянія, взывала рыдая молодая дѣвушка и вдругъ, точно подкошенная, повалилась на землю, потерявъ сознаніе.

Но донъ Торрибіо не слышалъ этого нѣжнаго молящаго голоса: онъ спѣшилъ, все болѣе и болѣе ускоряя шагъ.

— На коней!—крикнулъ онъ, какъ только приблизился къ тому мѣсту, гдѣ его ожидали Пепе и Лука Мендесъ.

— Что случилось?—спросилъ Пепе Ортисъ.

— Случилось, что пока мы здѣсь, эти мерзавцы аттакуютъ гасіенду!—прерывающимся голосомъ отвѣтилъ донъ Торрибіо.

— Господи Боже! Надо спѣшить! — И всѣ трое, давъ шпоры лошадямъ, полнымъ карьеромъ помчались по направленію къ гасіендѣ.

VII. Почему донъ Порфиріо гулялъ по саду, и что случилось во время его прогулки.

Неполная откровенность дона Торрибіо, его частыя оговорки и утайки сильно встревожили дона Порфиріо Сандоса.

Не подлежало сомнѣнію, что враги, чуя грозящую имъ опасность, рѣшились сами первые сдѣлать нападеніе, конечно, не явное, но какой-нибудь ловкой неожиданностью

нанести противнику сильный ударъ, что до сихъ поръ постоянно удавалось имъ.

Надо сказать, что донъ Порфиріо былъ человѣкъ не робкаго десятка: онъ уже не разъ имѣлъ случай выказать себя въ этой упорной и глухой борьбѣ, которую онъ велъ съ могущественной шайкой вотъ уже болѣе 20-ти лѣтъ. Человѣкъ этотъ всегда оказывался на одномъ уровнѣ со своими противниками и даже нерѣдко превосходилъ ихъ въ хитрости, ловкости, изворотливости и смѣлости, не разъ причиняя бандитамъ серьезныя непріятности.

Но теперь донъ Порфиріо сознавалъ, что эта тайная, молчаливая борьба подходитъ къ концу; на этотъ разъ враги понимаютъ, что имъ грозитъ серьезная опасность, и потому пустятъ въ ходъ всѣ свои ресурсы, всѣ хитрости и уловки, всю громадную силу и вліяніе, какими они располагаютъ, чтобы, если возможно, разомъ покончить съ нимъ и обезпечить себѣ побѣду надъ остальными.

Платеадосы, имѣвшіе повсюду своихъ шпіоновъ, лазутчиковъ и приверженцевъ, конечно, должны были знать и, дѣйствительно, знали о мѣрахъ, принятыхъ Мексиканскимъ правительствомъ противъ ихъ преступнаго общества. Однако, эти строгія мѣры, какъ онѣ ни казались грозны съ перваго взгляда, въ сущности были вовсе не такъ страшны для нихъ, если только имъ удастся заручиться если не дѣятельнымъ соучастіемъ, то хотя безусловнымъ нейтралитетомъ властей Соноры.

Вѣдь, столица—далеко и тамошнія распоряженія, вообще, исполнялись плохо, если только они исполнялись, такъ какъ мѣстные служащіе и должностныя лица получали отъ правительства весьма скудное вознагражденіе, а за-частую и вовсе не получали; что, постоянно возбуждая ихъ неудовольствіе, заставляло ихъ почти враждебно относиться къ правительству, которому они служили и представителями власти котораго они являлись здѣсь. Не мудрено, что всѣмъ этимъ служащимъ и должностнымъ лицамъ былъ прямой разсчетъ смотрѣть сквозь пальцы на всѣ продѣлки

и возмутительныя злодѣянія платеадосовъ, могущество которыхъ было неоспоримо, а щедрость превосходила всякія мѣры, такъ какъ они съ избыткомъ снабжали нуждающихся чиновниковъ и другихъ власть имущихъ лицъ презрѣннымъ металломъ, котораго, однако, никто рѣшительно не презираетъ, — въ награду за простое снисхожденіе къ ихъ грозному обществу.

Никто, быть можетъ, не зналъ такъ хорошо этого положенія дѣлъ, какъ донъ Порфиріо Сандосъ, а потому опасенія его были основательны и серьезны. Его личное положеніе еще болѣе ухудшалось тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ стоялъ одинъ противъ ихъ всѣхъ въ этотъ моментъ; единственный его союзникъ, на котораго онъ могъ вполнѣ разсчитывать, донъ Торрибіо его покинулъ, чтобы испытать счастье въ какомъ-то предпріятіи, въ которомъ онъ ставилъ на карту свою жизнь, — и это въ такой моментъ, когда его присутствіе было столь необходимо въ гасіендѣ, которой, очевидно, грозила неожиданная бѣда.

Между тѣмъ ночь замѣтно надвигалась; съ ней возрастала и тревога гасіендера.

Принявъ всевозможныя въ его положеніи мѣры предосторожности, донъ Порфиріо принялся ходить взадъ и впередъ по длинной галлереѣ, заложивъ руки за спину, опустивъ голову съ самымъ озабоченнымъ видомъ, изощряя свой бѣдный мозгъ надъ изобрѣтеніемъ средства, которое дало-бы ему возможность разрушить коварные планы его враговъ. Часъ проходилъ за часомъ медленно и тоскливо; мозгъ его столь изобрѣтательный всегда, теперь совершенно отказывался притти къ нему на помощь, а дона Торрибіо, которому давно уже пора было вернуться, все еще не было.

Вдругъ въ глубинѣ сада или, вѣрнѣе, парка, раздался три раза крикъ филина.

Донъ Порфиріо вздрогнулъ и остановился какъ вкопанный посреди галлереи.

— Хмъ! этотъ филинъ кричитъ ужъ что-то больно рано!—задумчиво пробормоталъ гасіендеро.

Вскорѣ этотъ-же самый крикъ повторился снова, по уже ближе.

Донъ Порфиріо вдругъ выпрямился тогда во весь ростъ; лице его до сихъ поръ столь озабоченное, сразу приняло выраженіе гордой энергіи; глаза метнули молніи.

— Боже мой! неужели это онъ, когда я уже потерялъ надежду видѣть его?—воскликнулъ донъ Порфиріо.

Съ минуту онъ оставался неподвиженъ, и, затаивъ дыханіе, жадно прислушивался, наконецъ, сдѣлавъ рѣшительное движеніе произнесъ:

— Нѣтъ, безъ сомнѣнія, это никто иной, какъ онъ. Иду! И пусть Господь хранитъ меня!

Не теряя времени на зажиганіе фонаря, онъ твердымъ шагомъ прошелъ нѣсколько длинныхъ стеклянныхъ галлерей, освѣщенныхъ бѣлесоватымъ свѣтомъ луны, и очутился въ просторномъ загуанѣ, (подъ навѣсовъ дома). Отомкнувъ двухстворчатую деревянную дверь, выходившую на широкое мраморное крыльцо, съ котораго нѣсколько мраморныхъ ступеней вели въ громадный садъ позади дома, донъ Порфиріо вышелъ на крыльцо и, тщательно замкнувъ за собой дверь, спустился въ садъ.

Здѣсь было тихо, какъ въ могилѣ. Оглянувшись кругомъ, скорѣе по привычкѣ, чѣмъ съ какой либо опредѣленной цѣлью, гасіендеро спокойнымъ, мѣрнымъ шагомъ прошелъ цвѣтникъ съ его обширными открытыми лужайками и клумбами цвѣтовъ, газонами и фонтанами, и смѣло углубился подъ сѣнь громадныхъ тѣнистыхъ деревьевъ, гдѣ было такъ темно что въ двухъ шагахъ нельзя было отличить человѣка отъ ствола.

Второй часъ ночи былъ уже вначалѣ; въ воздухѣ не шелохнулось; атмосфера была прозрачна и чиста; всѣ очертанія предметовъ, рощицъ и темныхъ, густыхъ массъ зелени, принимали какой-то странный фантастическій видъ, какъ это часто бываетъ между тропиками.

Эта чудная ночь была, однако, очень свѣжа, можно даже сказать, что холодна, но донъ Порфиріо ничего не

чувствовалъ, не видѣлъ и не замѣчалъ. Онъ смѣло и увѣренно шелъ впередъ, какъ человѣкъ, прекрасно знающій свою дорогу и знающій, куда именно онъ идетъ, не задумываясь ни на минуту надъ выборомъ направленія среди этого лабиринта темныхъ алей, дорожекъ и тропинокъ, которыя скрещивались и извивались по всѣмъ направленіямъ.

Такъ онъ шелъ болѣе получаса, вдругъ остановившись, сталъ какъ будто къ чему-то прислушиваться.

Въ данный моментъ онъ находился у выхода на большую лужайку, съ журчавшимъ, на ней свѣтлымъ, быстрымъ ручьемъ, черезъ который былъ перекинутъ незатѣйливый мостъ. По ту сторону моста, за ручьемъ, раскинулось нѣсколько разбросанныхъ группъ кустовъ и затѣмъ огромная роща, примыкавшая къ большому лѣсу, заканчивающему собою луговину, по которой бѣжалъ ручей.

Простоявъ съ минуту въ нерѣшимости и видя, что шумъ, который какъ будто послышался ему, не повторяется, донъ Порфиріо быстро перешелъ луговину и мостъ и, ступивъ на тотъ берегъ ручья, издалъ звукъ, удивительно искусно подражающій нѣжному и тоскливому стону сизаго пилока.

Въ отвѣтъ послышался тотъ же тоскливый крикъ изъ чащи рощи. Тогда донъ Порфиріо радостно ускорилъ шагъ и менѣе чѣмъ въ двѣ минуты очутился въ рощѣ, въ которую тотчасъ-же смѣло углубился, произнося полушепотомъ: „Я здѣсь“.

Чья-то рука ласково опустилась на его плечо и, хотя не было никакой возможности видѣть, кто это сдѣлалъ; но чей-то слабый, чуть слышный голосъ прошепталъ ему въ ухо одно только слово: „Молчите! ни звука“!

Вслѣдъ затѣмъ донъ Порфиріо почувствовалъ, что кто-то увлекаетъ его въ глубь чащи. Не теряя ни минуты своего самообладанія и спокойствія, онъ поддался этому движенію и въ тотъ же моментъ безслѣдно потонулъ въ морѣ темной зелени.

Едва успѣлъ онъ скрыться въ густой чащѣ рощи, какъ ясно увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своего тѣнистаго

убѣжища, на свѣтломъ луговины тѣнь человѣческой фигуры, которая только мелькнула и скрылась съ быстротою молніи.

Нагнувшись впередъ, донъ Порфиріо тщетно силился разглядѣть или разслышать что-либо изъ того, что происходило вокругъ него.

Прошло, быть можетъ, минутъ десять; но каждая минута казалась вѣчностью для бѣднаго гасіендеро: онъ смутно чувствовалъ, что здѣсь, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, происходитъ что-то серьезное, что-то важное и рѣшающее, но для кого; кто кого побѣждаетъ; кто здѣсь борется и противъ кого?

Несомнѣнно одно, что и онъ самъ причастенъ къ этому дѣлу, но въ какой мѣрѣ? Какъ? Почему эти люди, съ которыми теперь кто-то борется и сражается, почему они не напали на него неожиданно, когда онъ, ничего не опасаясь, шелъ сюда черезъ весь паркъ съ безпечностью, презирающей всякую опасность.

Вѣдь, эти люди, кто-бы они ни были,—ихъ, вѣроятно, было нѣсколько человѣкъ,—шли за нимъ слѣдомъ отъ самаго крыльца. Этотъ шелестъ и чуть слышный шорохъ, который слышался ему минутами, говорилъ, что за нимъ слѣдили. Да, но какъ могли они знать, что онъ выйдетъ ночью въ садъ, когда и самъ этого не зналъ? Такъ это ловушка, которую ему такъ ловко подстроили платеадосы? Но въ чемъ-же заключалась ихъ цѣль?

Всѣ эти вопросы безъ отвѣтовъ кружились въ головѣ дона Порфиріо, еще болѣе усиливая его тревогу.

-- Ну, теперь! громко крикнулъ чей то голосъ, показавшійся знакомымъ дону Порфиріо.

И вотъ, во мракѣ рощи послышался топотъ, подавленныя проклятья, удары, борьба,—все это несомнѣнно свидѣтельствовало, что тутъ, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, происходитъ отчаянная схватка.

— Готово! Покончено!—произнесъ чей то запыхавшійся голосъ.

— Сколько?—спросилъ кто-то такъ близко подлѣ дона Порфиріо, что тотъ невольно вздрогнулъ.

— Семь!

— Хорошо! Это всѣ, зажгите факелы!

Блеснула искра, — и красноватый свѣтъ озарилъ рощу. Несмотря на свое удивительное самообладаніе, донъ Порфиріо чуть было не вскрикнулъ отъ ужаса и удивленія при видѣ того, что теперь предстало его глазамъ: человѣкъ двадцать, изъ которыхъ семь было крѣпко связаны, лежали на землѣ; изъ числа другихъ, толпившихся тутъ же людей, донъ Порфиріо въ первый моментъ узналъ только одного того, кто стоялъ ближе всѣхъ къ нему.

То былъ мужчина высокаго роста, прекрасно сложенный, съ гордой величественной осанкой и чертами рѣдкой красоты. Несмотря на легкое облако грусти, омрачавшее ихъ, лицо его носило отпечатокъ необычайной доброты, чистосердечія и твердой сильной воли. Богатая одежда, являвшаяся крайне живописной смѣсью индѣйскаго и испанскаго вкуса, придавала ему нѣчто совершенно необычайное, особенное.

— А, донъ Рудольфъ де Могуеръ!—радостно воскликнулъ гасіендеро,—спаситель мой!

— Нѣтъ, донъ Порфиріо: Твердая-рука, вашъ старый другъ! — поправилъ незнакомецъ, обнимая своего стараго пріятеля.

— Такъ это вы! Наконецъ-то я васъ дождался!—воскликнулъ донъ Порфиріо.

— А развѣ вы ожидали меня?

— Я долженъ былъ ожидать васъ, такъ какъ мнѣ грозятъ новыя опасности, но я далеко былъ отъ мысли, что вы явитесь такимъ необычайнымъ образомъ.

— Дѣйствительно!—отозвался улыбаясь Твердая-Рука,— но повѣрьте, во всемъ происшедшемъ я ни мало не виноватъ: я хотѣлъ незамѣтно войти къ вамъ, не желая привлечъ на себя всеобщаго вниманія вашихъ слугъ. А такъ какъ я все еще имѣю при себѣ ключъ отъ потайной калиточки, ко-

торый вы когда то дали мнѣ, то и рѣшилъ воспользоваться ею.

— Прекрасно, но къ чему всѣ эти предосторожности? Развѣ вы не хозяинъ здѣсь, въ этомъ скромномъ жилищѣ?

— Ваше расположеніе ко мнѣ давно извѣстно, добрѣйшій донъ Порфиріо. Но вотъ вамъ докательство того, что эти предосторожности были не лишнія!—сказалъ онъ, указывая на связанныхъ плѣнниковъ.

— Да, это правда! но только я ничего не понимаю! Что имъ было нужно, этимъ людямъ?

— Этого я не знаю! Приблизительно миляхъ въ двухъ отсюда, я неожиданно напалъ на слѣдъ нѣсколькихъ всадниковъ. Вѣрный своимъ индѣйскимъ привычкамъ и не опасаясь быть обнаруженнымъ, я рѣшилъ слѣдовать по ихъ слѣду тѣмъ болѣе, что онъ велъ меня именно въ этомъ направленіи. Что-то невольно навело меня на мысль, что вамъ грозитъ опасность.

Судя по слѣду, эти нѣсколько всадниковъ какъ будто выѣхали на охоту, но вскорѣ къ нимъ присоединились другіе,—и въ концѣ концовъ, я могъ различить слѣдъ человѣкъ тридцати конныхъ.

Мнѣ стало ясно, что это какая-то экспедиція, направленная на эту гасіенду, а такъ какъ ваши дѣла мнѣ извѣстны почти также, какъ мои собственныя, то я понялъ, что это какое нибудь непредвидѣнное для васъ нападеніе, какая нибудь коварная, измѣнническая ловушка для васъ. Я имѣлъ при себѣ пятнадцать человѣкъ воиновъ, изъ числа храбрѣйшихъ въ моемъ племени, и въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ имъ суть дѣла. На разстояніи пистолетнаго выстрѣла отъ гасіенды, люди, по слѣду которыхъ мы шли, спѣшились и стали совѣщаться. Я воспользовался этимъ временемъ и, сдѣлавъ небольшой крюкъ, пробрался въ гасіенду вмѣстѣ со своими подчиненными. Не будучи никѣмъ замѣчены, мы рѣшили притаиться гдѣ нибудь въ тѣни сада и предувѣдомить васъ нашимъ условнымъ сигналомъ о необходимости наблюдать за внѣшними врагами и быть насторожѣ. Не

успѣлъ я со своими воинами укрыться въ этой рощѣ, какъ семеро человѣкъ, очевидно, изъ числа тѣхъ тридцати, прокрались какимъ-то путемъ въ садъ. Надо было захватить ихъ во что-бы то ни стало раньше, чѣмъ они бы успѣли выполнить свое злостное намѣреніе. И вотъ, чтобы смутить этихъ мерзавцевъ и встревожить ихъ, я и предупредилъ васъ нашимъ сигналомъ.

— Я его слышалъ и, какъ видите, поспѣшилъ явиться!

— Я и разсчитывалъ на это, и какъ ожидалъ, эти негодяи, дѣйствительно, были смущены моимъ сигналомъ. Не зная, что онъ долженъ означать, они съ минуту колебались, затѣмъ, видя, что вы сами сюда идете, измѣнили свое первоначальное намѣреніе, пожелавъ, очевидно, узнать причину вашего выхода въ садъ или надѣясь вывѣдать какую нибудь тайну, которой они могутъ воспользоваться для своихъ цѣлей. И вотъ, вмѣсто того, чтобы прокрадываться къ дому и попытаться проникнуть въ него какимъ нибудь путемъ, разбойники пошли за вами слѣдомъ, а я тѣмъ временемъ постарался завлечь ихъ въ эту густую темную рощу, —и вотъ, какъ видите, результаты моихъ комбинацій!—покончилъ Твердая-Рука указывая на своихъ плѣнниковъ.—Ну, а теперь, когда уже все извѣстно вамъ, я допрошу этихъ людей относительно ихъ намѣреній.

— Простите! — сказалъ донъ Порфиріо, можетъ быть было бы лучше, еслибы я самъ допросилъ этихъ негодяевъ, вѣдь, по мѣстнымъ нашимъ законамъ, какъ намъ извѣстно, я—судья на своей землѣ. Эти люди забрались ко мнѣ съ цѣлью обокрасть, ограбить, а, быть можетъ, и того хуже: слѣдовательно, мнѣ одному и принадлежитъ право судить ихъ!

— Да, дѣйствительно; это такъ по закону! Такъ дѣлайте съ ними, что знаете!

Сѣвъ на скамью, стоявшую не подалеку въ чащѣ рощи, донъ Порфиріо усадилъ подлѣ себя Твердую-Руку, и приказалъ привести къ себѣ плѣнниковъ, что и было немедленно исполнено краснокожими, пришедшими съ Твердой-Рукой.

Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ гасіендеро внимательно разглядывалъ стоящихъ передъ нимъ людей. Первые шесть человѣкъ ничѣмъ особеннымъ не отличались: это были самые заурядные пограничные бродяги, самаго низшаго разбора, почти дикія животныя, готовыя на любое преступленіе за деньги;—грубыя орудія чужого злого умысла и ничего болѣе. Ихъ нечего было допрашивать, такъ какъ вѣроятно сами они не знали о намѣреніяхъ своихъ вождей. Совершенно иного рода птица былъ седьмой плѣнникъ. То былъ индѣецъ,—но не чистой крови, а метисъ замбо со свирѣпымъ лицомъ, угрюмымъ взглядомъ, съ подлымъ, лукавымъ выраженіемъ въ неправильныхъ, грубыхъ чертахъ. Это, очевидно, былъ глава и предводитель шайки.

— Увѣрены вы въ вашихъ воинахъ, другъ мой? — шепотомъ спросилъ донъ Порфиріо своего пріятеля.

— Какъ въ самомъ себѣ! Всѣ они преданы мнѣ душой и тѣломъ!

— Прекрасно!

Тогда донъ Порфиріо такъ пристально вперилъ свои взоры въ стоявшаго передъ нимъ разбойника, что тотъ невольно долженъ былъ отвернуться, чувствуя себя крайне неловко подъ этимъ испытующимъ взглядомъ.

— Я—владѣлецъ этой гасіенды и, какъ вамъ должно быть извѣстно, алькадъ *) на своей землѣ! Предлагаю вамъ отвѣчать на мои вопросы!—проговорилъ онъ, обращаясь къ плѣнникамъ.

— Мнѣ нечего отвѣчать!—съ грубымъ смѣхомъ, пожимая плечами, отозвался бандитъ.

— Ну, это мы увидимъ! Съ какою цѣлью прокрались въ ночь съ оружіемъ въ рукахъ въ мою гасіенду?

— Напрасно спрашиваете: все равно вы ничего не узнаете, ни даже моего имени!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Я въ томъ увѣренъ; я въ первый разъ въ этой странѣ,

*) Судья.

и здѣсь меня никто не знаетъ! Меня вы никогда раньше не видали и даже не знаете, откуда я явился!

— Лжете!—спокойно возразилъ донъ Порфиріо,—я знаю что вы живете въ этой странѣ, сеньоръ Наранха!

— Еге! какое имя вы произнесли!—удивленно воскликнулъ Наранха, такъ какъ это былъ, дѣйствительно, онъ.

— Ваше прозвище, подъ которымъ вы скрываете ваше настоящее имя, сеньоръ Евфиміо Кабронъ! — иронически отвѣтилъ гасіендеро.

Видя, что ему не утаиться отъ этого человѣка, негодяй смутился и потерялъ всю свою нахальную самоувѣренность; теперь онъ обводилъ вокругъ себя блуждающимъ взглядомъ; блѣдное лицо его поводили какія-то конвульсивныя подергиванія, холодный потъ выступилъ на лбу.

— Онъ знаетъ мое имя! Онъ его знаетъ! — съ ужасомъ прошепталъ онъ про себя.

— Мало того, я еще знаю многое! — насмѣшливо продолжалъ донъ Порфиріо. — Съ самаго момента, какъ вы покинули столицу,—я не терялъ васъ изъ виду до того самаго момента, когда вы поселились въ этомъ жалкомъ ранчо дель Лагарто.

— А, за мной слѣдили!—воскликнулъ онъ, не подумавъ даже о томъ, что говоритъ.

— Да, шагъ за шагомъ! Вы полагаете, что можете считать себя неуязвимыми, но я говорю вамъ, что все знаю, даже ваше таинственное совѣщавіе сегодня утромъ въ лѣсу, съ вашими достойными сообщниками и даже то, зачѣмъ вы явились сюда.

— Ну, этому позвольте не повѣрить!—насмѣшливо уронилъ Наранха, пожимая плечами.

— Вы явились предательски убить меня и, быть можетъ, также и дона Торрибіо де Ніебласъ, который гоститъ въ настоящее время у меня!

— Нѣтъ, его я долженъ былъ пощадить: таково было полученное мною строжайшее предписаніе.

— Правда ли это?

— Клянусь Nuostra Senora de Guadeeloupe! *) Если— онъ умретъ, умретъ и она, а мой господинъ не хочетъ этого!

— Прекрасно! Но скажите, кто приказалъ вамъ убить меня?

— Разъ вамъ все извѣстно,—иронически замѣтилъ бандитъ,—вы это должны сами знать.

— Вѣдь, вы же говорите,что вы меня не знаете, слѣдовательно, вы не можете имѣть никакихъ причинъ, чтобы ненавидѣть меня.

— Я ненавижу васъ за то, что вы врагъ...—онъ вдругъ прервалъ себя на полсловѣ, — впрочемъ, я ничего не скажу вамъ; я не хочу отвѣчать вамъ, и все!

— Для меня это въ сущности безразлично, но я и такъ знаю.

Замбо презрительно улыбнулся.

— Не знаю, какими путями вамъ удалось узнать все то, что вы мнѣ сказали, но что касается послѣдняго вопроса то, если только самъ чортъ не сообщилъ вамъ этого, вы не можете знать!

— Глупецъ! Вы такъ увѣрены въ этомъ потому, что вы съ господиномъ одни заперлись въ комнатѣ, когда онъ отдавалъ вамъ шепотомъ приказанье.

— Да, можетъ быть, и потому, а можетъ быть, и по другой какой причинѣ!

На этотъ разъ донъ Порфиріо пожалъ плечами.

— Знайте, сеньоръ Наранха, что и мои агенты не хуже агентовъ общества платеадосовъ, что они видятъ и слышатъ сквозь стѣны и, несмотря на всѣ предосторожности, принимаемыя сеньоромъ, дономъ Хуаномъ Мануелемъ Андраде де Линаресъ и Гуайтимозинъ, имъ извѣстно все.

— О! имя моего господина! Они и это знаютъ! никто, какъ только самъ нечистый могъ сказать ему это!—воскликнулъ блѣднѣя бандитъ.

---

*) Гваделупскою Божій Матерью.

— Вы видите, мнѣ все извѣстно!

— Нѣтъ, не все!—съ торжествующимъ видомъ воскликнулъ Наранха,—разъ дьяволъ сообщаетъ вамъ все, даже имя моего господина, то онъ долженъ былъ также не безчестить напрасно это имя. Если нечистый этого не сдѣлаетъ, то сдѣлаю это я! Я все равно въ вашихъ рукахъ, вы сдѣлаете со мной все, что вамъ будетъ угодно, — вѣдь, попадись вы въ мои руки, я бы тоже не пощадилъ васъ. Такъ знайте-же, что мой господинъ—кабаллеро и честь его никогда не была ничѣмъ запятнана. Онъ не приказывалъ мнѣ убивать васъ, а только похитить и васъ, и этого дона Торрибіо. Мысль убить васъ пришла мнѣ самому на умъ, такъ какъ я желалъ разъ навсегда избавить своего господина, котораго я люблю и уважаю, отъ его заклятаго врага.

— Это ложь!

— Нѣтъ, это не ложъ, и я почти увѣренъ, что убей я васъ, мой господинъ всадилъ бы мнѣ самому пулю въ лобъ за эту непрошенную услугу!

— Если такъ, то зачѣмъ же вы явились сюда съ этой вооруженной шайкой?

— Чтобы похитить васъ и этого дона Торрибіо де-Ніебласъ!

— Похитить? Съ какою цѣлью?

— Это мнѣ неизвѣстно. Господинъ мой приказываетъ, а я исполняю, не справляясь о смыслѣ и значеніи его приказаній.

— Такъ онъ приказалъ вамъ похитить меня и моего гостя,—и ничего болѣе?

— Нѣтъ, мой господинъ, какъ и вы, принадлежитъ къ индѣйской расѣ, но болѣе чистой и благородной, чѣмъ вы,— и онъ послалъ меня снести вамъ окровавленныя стрѣлы, какъ того требуетъ обычай. Эти стрѣлы я положилъ на первую ступеньку того высокаго крыльца, съ котораго спускаются въ садъ; тамъ вы и найдете ихъ!

— Я ихъ не видалъ!

— Да вы и не могли ихъ видѣть, потому что я поло-

жилъ ихъ уже послѣ того, какъ вы спустились въ садъ: я шелъ за вами слѣдомъ все время!

— Почему же вы тогда же не убили меня? Вѣдь, я былъ одинъ и безъ оружія?

— Я хотѣлъ было это сдѣлать, но потомъ одумался: я сообразилъ, что вы идете, чтобы встрѣтить ту личность, которая вызывала васъ сигналомъ, и хотѣлъ подслушать вашъ разговоръ, вывѣдать вашу тайну и воспользоваться ей въ интересахъ моего господина. Кромѣ того, я положительно не зналъ, сколько человѣкъ находится въ засадѣ въ этомъ огромномъ темномъ саду, и опасался самъ быть аттакованнымъ съ минуты на минуту, а потому и соблюдалъ всевозможную осторожность.

— Такъ въ тотъ самый моментъ, когда вы, крадучись, положили на ступеньки моего крыльца окровавленныя стрѣлы, вы уже начали свои враждебныя дѣйствія противъ меня?! Такъ это та индѣйская война, которую мнѣ предлагаетъ вашъ господинъ?

— Мой господинъ — знатнѣйшій изъ индѣйцевъ, единственныхъ законныхъ обладателей Мексики, желая покончить съ вами ту давнюю вражду, которая существуетъ вотъ уже 20 лѣтъ между нимъ и вами, честно предупреждаетъ васъ о томъ, что онъ идетъ на васъ! Онъ даетъ вамъ пятнадцать дней перемирія, а затѣмъ, по прошествіи этого срока, будетъ уже на вашей землѣ,—и тогда пусть Богъ разсудитъ между вами и нимъ!

— Прекрасно! Но при чемъ же донъ Торрибіо де-Ніебласъ въ этой старинной нашей распрѣ съ вашимъ господиномъ?

— На это я ничего не могу вамъ отвѣтить!

— Хорошо, я принимаю вызовъ вашего господина! Но такъ какъ вы не исполнили даннаго вамъ приказанія, а явились сюда съ шайкой вооруженныхъ людей съ намѣреніемъ убить меня и похитить моего гостя, то вы должны умереть!

— Пусть такъ: я въ вашихъ рукахъ, но только знайте, что смерть моя будетъ жестоко отомщена!

— Можетъ быть! — презрительно пожавъ плечами, сказалъ донъ Порфиріо.

— Не имѣете ли вы сказать что-либо противъ моего приговора?—обратился онъ къ Твердой-Рукѣ.

— Ровно ничего,—отвѣчалъ вождь индѣйцевъ, — этотъ мерзавецъ вполнѣ заслуживаетъ смерти!

Тогда гасіендеро сдѣлалъ знакъ индѣйцамъ.

— Возьмите этихъ людей,—сказалъ онъ,—и сбросьте ихъ въ пропасть!

Подоспѣвшіе по его знаку краснокожіе тотчасъ стянули потуже узы плѣнниковъ и готовились уже привести въ исполненіе приказаніе гасіендеро — взвалить несчастныхъ на плечи и сбросить въ бездонную пропасть, открывавшуюся всего въ нѣсколькихъ шагахъ за рощей, какъ вдругъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ, послышались стоны, паденіе тѣлъ, проклятія и крики. Гасіендеро и Твердая-Рука поднялись съ мѣстъ и собирались выбѣжать изъ рощи, чтобы узнать, что тамъ случилось, какъ передъ ними, точно волшебствомъ, появился человѣкъ, преградившій имъ дорогу.

— Стойте!—громовымъ, повелительнымъ голосомъ крикнулъ онъ.

Человѣкъ этотъ былъ донъ Торрибіо де-Ніебласъ. Одежда на немъ была въ безпорядкѣ, въ каждой рукѣ онъ держалъ по пистолету.

— Ну, слава Богу!—воскликнулъ онъ,—вы живы, цѣлы и невредимы, дорогой донъ Порфиріо! А я такъ боялся, что явлюсь слишкомъ поздно!

— Благодарю васъ за эту заботу и тревогу обо мнѣ! Я не только цѣлъ и невредимъ, но и бандиты, осмѣлившіеся пробраться ко мнѣ, всѣ связаны и только ожидаютъ своей участи!

— Я только что неожиданно захватилъ ихъ сообщниковъ; съ десятокъ, кажется, осталось на мѣстѣ, другіе, тоже около десяти человѣкъ, пойманы живыми, а остальные успѣли бѣжать. Я не погнался за ними потому, что спѣшилъ сюда узнать, что съ вами. Не сегодня—завтра они все равно по-

падутъ намъ въ руки, а на этотъ разъ наши враги жестоко поплатились за свой адскій умыселъ! Но скажите, что же вы намѣрены дѣлать съ плѣнными?

— Въ тотъ моментъ, когда вы явились, мы только что собирались казнить ихъ!—И въ нѣсколькихъ словахъ донъ Порфиріо передалъ молодому человѣку о всемъ случившемся.

Внимательно выслушавъ разсказъ гасіендеро, донъ Торрибіо съ минуту призадумался, затѣмъ сказалъ:

— Позвольте мнѣ сдѣлать одно маленькое замѣчаніе, сеньоры!

— Сдѣлайте одолженіе, сеньоръ! —отвѣтили мужчины сразу.

— Въ этомъ трудномъ, возложенномъ на насъ порученіи, мы являемся представителями мексиканскаго правительства. Слѣдовательно, въ качествѣ представителей праваго дѣла, закона и справедливости, мы должны карать, а не мстить! Мы преслѣдуемъ бандитовъ, а вовсе не мѣряемся съ врагами. Здѣсь, въ этихъ отдаленныхъ провинціяхъ, правительство почти не имѣетъ возможности услѣдить за бандитами, а потому мы должны примѣрно наказать тѣхъ, кто находится теперь въ нашей власти, чтобы ихъ страшное наказаніе послужило примѣромъ всѣмъ этимъ негодяямъ, которые итакъ ужъ слишкомъ долго издѣвались надъ всѣми законами мѣстными и общечеловѣческими! Пусть кара, которую они должны принять за дѣла свои, какъ должное возмездіе, будетъ дѣйствительно всенародной, явной карой предъ лицомъ всего населенія и среди бѣлаго дня, чтобы всѣ знали, что мы караемъ разбойниковъ, а не враждуемъ съ ними! Не забудьте, что мы имѣемъ дѣло съ платеадосами, этой таинственною шайкой, имѣющей шпіоновъ, агентовъ и приверженцевъ во всей Сонорѣ и въ цѣлой Мексикѣ. Они осмѣлились первые затронуть насъ, такъ пусть та неудача, которую они потерпѣли сегодня, станетъ извѣстна цѣлой Сонорѣ, а не породитъ различныхъ смутныхъ толковъ. Вотъ мой планъ: эти бандиты избрали себѣ гнѣздомъ ранчо на лагунѣ дель Лагарто. Туда мы и отведемъ своихъ плѣнныхъ и тамъ предложимъ имъ тянуть

жребій. Половина изъ нихъ будетъ повѣшена на высокихъ висѣлицахъ передъ воротами ранчо, а тѣла ихъ преданы на съѣденіе хищнымъ птицамъ.

— Прекрасно! Я полагаю, что это наказаніе, хотя и весьма мягкое, все же достигнетъ своей цѣли, — сказалъ Твердая-Рука,—а именно, внушитъ страхъ остальнымъ бандитамъ! Но позвольте мнѣ добавить еще кое-что къ вашему плану.

— Сдѣлайте одолженіе!

— Самый ранчо долженъ быть преданъ пламени, а на развалинахъ водруженъ большой столбъ съ доскою, носящей слѣдующую надпись крупными, четкими буквами: „бандиты платеадосы, повѣшенные за грабежъ, убійство и поджигательство по приказанію президента Мексиканской республики“.

Донъ Торрибіо невольно содрогнулся, слушая эти слова: ему вспомнилась донна Санта.

— Bravo! — воскликнулъ гасіендеро,—да, именно такъ и слѣдуетъ сдѣлать! Что вы на это скажете, донъ Торрибіо?

— Пусть будетъ такъ, какъ вы рѣшили, сеньоры! Съ разсвѣтомъ мы двинемся къ ранчо дель Лагарто.

— Ну, и прекрасно!—воскликнулъ гасіендеро.

Какъ только разсвѣло, большая партія всадниковъ выѣхала изъ двора гасіенды дель Пальмаръ, ведя за собою семнадцать человѣкъ плѣнныхъ, привязанныхъ къ хвостамъ лошадей, и еще восемь человѣкъ раненыхъ, уложенныхъ на телѣгу, и съ десятокъ тѣлъ, брошенныхъ на другую такую же телѣгу, ѣхавшую позади также подъ сильнымъ конвоемъ, какъ и первая.

Но еще за два часа до того, Пепе Ортисъ во весь опоръ поскакалъ по дорогѣ къ лагунѣ дель Лагарто и нашелъ уже ранчо пустымъ и безлюднымъ; мало того, даже всѣ болѣе цѣнныя вещи были увезены. Очевидно, донъ Мануель, узнавъ о неудачѣ, какую потерпѣли его сообщники въ экспедиціи этой ночи, счелъ болѣе благоразумнымъ бѣжать, не теряя времени, и укрыться въ болѣе надежномъ мѣстѣ.

Узнавъ обо всемъ этомъ отъ Пепео, донъ Торрибіо почувствовалъ себя болѣе спокойнымъ, и къ нему снова вернулось все его обычное самообладаніе.

Шествіе двигалось весьма медленно, такъ какъ всадники вели за собою плѣнниковъ. Было уже около 10-ти часовъ утра, когда эта печальная процессія стала приближаться къ ранчо.

Слухъ о происшествіяхъ этой ночи быстро облетѣлъ всю ближайшую окрестность,—и передъ ранчо собралась уже громадная толпа ранчеросовъ, охотниковъ и всякаго люда. Всѣ они желали насладиться отраднымъ зрѣлищемъ казни платеадосовъ.

Всѣ окна и двери дома стояли настежъ; обитатели ранчо, какъ видно, успѣли захватить все свое имущество, такъ какъ всѣ комнаты были пусты, какъ будто въ нихъ никто и не жилъ.

Между тѣмъ часть всадниковъ хлопотала надъ сооруженіемъ висѣлицъ и другими приготовленіями къ казни, а нѣкоторые занялись тѣмъ, что стали натаскивать въ ранчо солому и другіе горючіе и легко воспламеняющіеся матеріалы. Остальные сторожили плѣнниковъ, а донъ Торрибіо, Твердая-Рука и донъ Порфиріо занялись изготовленіемъ жребіевъ.

Всѣхъ бандитовъ, въ томъ числѣ и раненыхъ, было 25 человѣкъ; слѣдовательно, тринадцать человѣкъ должны быть повѣшены. Но тутъ случилось нѣчто странное, чего никто не ожидалъ: бандиты всѣ до одного отказались назвать свои имена. Чтобы обойти это затрудненіе, донъ Торрибіо предложилъ написать на 13-ти билетикахъ слово „смерть“, а 12 остальныхъ оставить пустыми. Такъ и сдѣлали; даже плѣнникамъ это показалось забавнымъ: таковъ ужъ характеръ мексиканцевъ, этихъ отъявленныхъ игроковъ, что даже и эта роковая лотерея казалась имъ забавной. Но вотъ, ранчо наполненъ горючими матеріалами, висѣлицы стояли, твердо вкопанныя въ землю—всѣ тринадцать въ рядъ. Стали тянуть жребіи. Пепе Ортисъ держалъ въ рукахъ шапку и обходилъ

съ нею плѣнныхъ, поднося ее каждому, чтобы онъ могъ вынуть себѣ билетъ.

Все это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Избранные безпристрастной судьбой жертвы безпечно, почти весело предоставили себя въ распоряженіе пеоновъ, на которыхъ была возложена печальная обязанность — вздернуть ихъ высоко надъ землей. Всѣ они были отъявленные игроки; въ этой лотереѣ смерти они проиграли волею судьбы и теперь расплачивались просто и естественно, какъ это дѣлали всегда до сихъ поръ во всякой игрѣ. Судьба на этотъ разъ пощадила Наранху: ему попался пустой билетъ. Подойдя къ дону Торрибіо, онъ поклонился ему и сказалъ весьма развязно:

— Благодарю васъ, сеньоръ! Я не забуду, что обязанъ вамъ своею жизнью!

— Не мнѣ,—презрительно отозвался молодой человѣкъ,— а случаю: онъ вывезъ васъ на этотъ разъ.

— Да, теперь, — насмѣшливо продолжалъ замбо, — но въ эту ночь, не явись вы такъ кстати и какъ разъ во время, я былъ бы уже теперь на томъ свѣтѣ: я буду помнить это!

Донъ Торрибіо пожалъ плечами и, не сказавъ ни слова, повернулся къ нему спиной.

— Ахъ, какъ онъ похожъ на него!—прошепталъ въ то же время освобожденный плѣнникъ,—чѣмъ больше я смотрю на него, тѣмъ это сходство кажется мнѣ болѣе поразительнымъ!

Между тѣмъ обреченные на смерть бандиты были повѣшены, а ранчо подожженъ. Пожаръ распространился съ удивительной быстротой: не прошло и часа времени, какъ все уже было кончено; на мѣстѣ дома лежала груда пепла и обгорѣлыхъ камней, да торчали тринадцать висѣлицъ, и на каждой изъ нихъ по висѣльнику. Громадный столбъ съ надписью, предложенной Твердою-Рукой, возвышался надъ развалинами; у подножія этого столба были свалены тѣла убитыхъ въ схваткѣ прошлой ночи.

— Что-же мы сдѣлаемъ съ этими негодяями? — спросилъ

у дона Торрибіо гасіендеро, указывая на плѣнныхъ, оставшихся въ живыхъ.

— Да что? Возвратимъ имъ свободу! — отвѣтилъ донъ Торрибіо,—пусть себѣ идутъ на всѣ четыре стороны!

— Какъ такъ!—удивился донъ Порфиріо.

— Да на что они намъ?!—Они только будутъ стѣснять насъ, вѣдь, у насъ нѣтъ тюремъ, чтобы засадить ихъ, сторожить, поить, кормить, содержать,—однимъ словомъ! Пусть себѣ идутъ: ихъ пересказы объ этихъ происшествіяхъ сослужатъ намъ большую службу, чѣмъ вы полагаете. Къ тому-же, рано или поздно—они снова попадутъ къ намъ въ руки.

— Это возможно, но до тѣхъ поръ...

— Чѣмъ они могутъ быть опасны намъ? У нихъ теперь нѣтъ ни оружія, ни денегъ, ни коней...

— Ну, все это они добудутъ очень скоро, повѣрьте мнѣ. Мнѣ кажется безъуміемъ выпустить изъ рукъ такихъ разбойниковъ, разъ они попали въ наши руки.

— Не стану спорить, но я того мнѣнія, что милость вслѣдъ за примѣрной строгостью — дѣло разумное. Судьба помиловала ихъ — не будемъ-же болѣе жестоки и строги, чѣмъ она!

— Дайте мнѣ обнять васъ, сеньоръ! — восторженно воскликнулъ Твердая-Рука, — вы говорили сейчасъ и дѣйствовали все время, какъ человѣкъ съ душой и сердцемъ! Я былъ-бы радъ и счастливъ назвать васъ своимъ другомъ!

— Вашею дружбою, сеньоръ, я всегда буду гордиться: это для меня большая честь!—скромно отвѣтилъ донъ Торрибіо.

— Да, да, оба вы благородныя, высокія натуры!—растроганнымъ голосомъ произнесъ донъ Порфиріо, повидимому, самъ очень довольный рѣшеніемъ своего молодого друга,— и, обратившись къ плѣнникамъ, неподвижно стоявшимъ съ унылыми мрачными лицами, въ ожиданіи, чѣмъ рѣшится ихъ участь, гасіендеро сказалъ:

— Ну, убирайтесь! Да благодарите за свое спасеніе

этого мягкосердаго молодого человѣка! Ему вы обязаны и жизнью, и своей свободой. Только смотрите, другой разъ не попадайтесь намъ въ руки: тогда мы обойдемся безъ лотереи!

Плѣнники только этого и ждали: съ удивительной быстротой они разсыпались по кустамъ и овражкамъ почти тотчасъ-же скрылись окончательно съ глазъ. А толпа зрителей, видя, что зрѣлище окончено, уже давно стала расходиться, и теперь совершенно разбрелась.

— Ну, а теперь что-же мы будемъ дѣлать дальше?

— Баа!—воскликнулъ молодой человѣкъ—теперь мы сдѣлали свое дѣло, а тамъ намъ Богъ поможетъ!

— Да, если мы сами не будемъ зѣвать.

— Ну, конечно!

Затѣмъ всѣ сѣли на коней и не спѣша вернулись въ гасіенду въ сопровожденіи краснокожихъ воиновъ Твердой Руки и пеоновъ дона Порфиріо.

VIII, въ которой Твердая-Рука разсказываетъ индѣйскую легенду.

Вечеромъ того дня, въ который происходила казнь платеадосовъ, три человѣка находились въ удобно и роскошно обставленной гостиной гасіенды дель Пальмаръ де Ніебласъ, донъ Порфиріо Сандосъ и донъ Родольфо де Могуеръ, или Твердая-Рука,—этотъ родовитый испанецъ, отказавшійся отъ жизни цивилизованнаго общества, чтобы жить между краснокожими.

Всѣ трое, утопая въ мягкихъ подушкахъ, лѣниво перекидывались между собой отдѣльными словами или отрывочными фразами, и курили дорогія сигары, голубоватый дымъ которыхъ совершенно скрывалъ ихъ въ своихъ облакахъ.

Разговоръ, весьма оживленный сначала, сталъ какъ будто ослабѣвать: курильщики, сами того не замѣчая, подпа-

дали опьяняющему вліянію табака и становились какъ-то сонливѣе и лѣнивѣе обыкновеннаго, уходя каждый въ свои мысли, а потому отвѣчали лишь односложными словами на вопросы другого.

Часы медленно пробили одиннадцать звучныхъ ударовъ. Донъ Порфиріо встрепенулся, выпрямился и обратился къ дону Торрибіо со слѣдующими словами:

— Вы не спите, дорогой гость мой?

— Я? Нѣтъ, нисколько, я просто размышлялъ!

— Вы устали и чувствуете себя утомленнымъ?

— Нѣтъ, вы шутите, любезный донъ Порфиріо! я такъже свѣжъ и бодръ, какъ вы!

— Простите, что я спрашиваю васъ объ этомъ! Но вы едва еще успѣли оправиться послѣ такой серьезной и опасной болѣзни, что мои вопросы весьма естественны!

— Я очень признателенъ вамъ за эту вашу заботливость, но право, чувствую себя прекрасно!

— Ну, въ такомъ случаѣ, друзья мои, поступимъ по пословицѣ, „не откладывай того до завтра, что можешь сдѣлать сегодня“.

Все кругомъ спитъ и никто насъ теперь не потревожитъ. Я прикажу подать шампанскаго,—этого искристаго и веселаго французскаго вина,—и оно поможетъ намъ, въ случаѣ надобности, преодолѣть сонъ. Слугъ нашихъ мы отпустимъ спать, а я разскажу вамъ то, что обѣщалъ, и что необходимо знать вамъ, чтобы предпріятіе наше могло удасться. У насъ—вся ночь въ нашемъ распоряженіи, я успѣю все пересказать, если только вы ничего не имѣете противъ.

— Я буду очень радъ и весьма благодаренъ вамъ!

Донъ Порфиріо позвонилъ; тотчасъ-же отворилась дверь, и на порогѣ появился пеонъ.

— Накройте въ столовой холодный ужинъ, а сюда подайте шандалы съ незажженными свѣчами и четыре бутылки шампанскаго, вонъ на тотъ столикъ, что около софы!—приказалъ донъ Порфиріо.

Пеонъ вышелъ и вскорѣ вернулся въ сопровожденіи

двухъ другихъ, которые несли вино, бокалы и шандалы со свѣчами.

— Теперь вы можете идти и ложиться спать: вы болѣе не нужны!

Пеоны, почтительно поклонившись и молча удалились.

На дворѣ стояла чудная тропическая ночь; миріады лвѣзцъ усѣяли небо; чрезъ большія итальянскія окна, обтянутыя тонкой бѣлой кисеей, — единственное средство избавиться отъ безчисленныхъ мошекъ, мотыльковъ и другихъ насѣкомыхъ, являющихся настоящимъ бичемъ для жителей всѣхъ жаркихъ странъ,— врывался, упоенный тонкими ароматами свѣжій ночной воздухъ.

Кругомъ царила торжественная тишина, лишь изрѣдка прерываемая меланхолическимъ, тоскливымъ крикомъ филина или совы въ глубинѣ темной чащи деревьевъ или отрывистымъ взвигиваніемъ мексиканской перепелки, торопливо бѣгущей въ травѣ.

Словомъ, то была тихая, свѣтлая, благоухающая ночь, располагающая человѣка къ мечтательности и размышленіямъ, возвышающимъ души надъ мірской суетой, полная чаръ и дивной гармоніи,—одна изъ тѣхъ ночей, о какихъ мы, жители холоднаго сѣвера, не имѣемъ даже понятія.

— Теперь, друзья мои,—сказалъ донъ Порфиріо,—когда слуги удалились,—расположимся поудобнѣе въ нашихъ бутакахъ*), закуримъ свои сигары, наполнимъ бокалы замороженнымъ шампанскимъ и, чтобы не смущать мошекъ и комаровъ, загасимъ свѣчи. Пусть луна и звѣзды свѣтятъ намъ и внимаютъ нашей бесѣдѣ, или вѣрнѣе, разсказу дорогого нашего друга Твердой-Руки.

Вся эта программа въ точносаи была исполнена, и тогда донъ Торрибіо обратился къ хозяиину дома со словами:

— Любезный донъ Порфиріо, позвольте мнѣ напомнить вамъ, что вы обѣщали разсказать мнѣ нѣчто такое, что для меня особенно важно знать для дальнѣйшаго успѣха

*) Подушки вальками вродѣ кавказскихъ мутакъ.

нашего общаго дѣла,— а сейчасъ вы изволили сказать, что мы будемъ слушать разсказъ дона Родольфо....

— Говорите, пожалуйста, Твердая-Рука! — поправилъ его улыбаясь вождь краснокожихъ.

— Прекрасно! Итакъ, вы изволили сказать, что Твердая-Рука будетъ разсказывать, а мы съ вами слушать.

— Ну, да! Какъ вамъ извѣстно, каждая повѣсть имѣетъ свое вступленіе, а вступленіемъ къ тому, что я намѣренъ сказать вамъ, является одна индѣйская легенда, извѣстная мнѣ далеко не такъ, какъ она извѣстна нашему другу, который можетъ разсказать ее намъ, разметывая узелки своего quipos, т. е. не пропуская ниодной изъ мельчайшихъ подробностей.

Вамъ предстоитъ услышать повѣсть не одного человѣка, а цѣлой семьи, знать которую для васъ очень важно, а потому, конечно, необходимо ознакомить васъ и съ происхожденіемъ этой семьи.

— Да, конечно, я буду очень радъ услышать все, что вы или нашъ другъ Твердая-Рука найдете нужнымъ сказать мнѣ!

— Итакъ, пока нашъ славный вождь будетъ отыскивать свои quipos въ мѣшкѣ, я постараюсь ознакомить дона Торрибіо съ той мѣстностью, гдѣ разыгрались всѣ эти событія. Такъ вотъ, немного ниже того мѣста, гдѣ ріо Хила сливается съ рѣками Салинасъ и Пуерко, слѣдовательно, тамъ именно, гдѣ вы назначили свиданіе вашему пріятелю Бобру и другимъ охотникамъ, которыхъ вы такъ ловко завербовали. Такъ вотъ, именно тамъ, среди большой равнины, лежатъ и по немногу распадаются въ прахъ, подъ вліяніемъ вѣтровъ, дождей, солнца и времени, развалины громаднаго города, одного изъ тѣхъ многочисленныхъ городовъ, которые Тольтеки основывали тамъ, гдѣ были ихъ стоянки во время ихъ таинственныхъ странствованій съ сѣвера на югъ.

Развалины эти носятъ названіе, извѣстное только одним

индѣйцамъ; вѣроятно это было нѣкогда названіе самаго города; зовутъ ихъ *Амакстзанъ*. *).

Изъ всего этого большого города, нѣкогда очень богатаго и цвѣтущаго, уцѣлѣлъ только одинъ массивный, громадный домъ, построенный изъ гранита, грубо отесаннаго, но вѣковѣчно прочнаго. Это мрачное, темное зданіе гордо возвышается среди окружающихъ его развалинъ и какъ будто шлетъ вызовъ всеразрушающему времени.

Это грандіозное, внушительнаго вида зданіе, охраняющее, какъ вѣчный стражъ, безмолвную печальную пустыню, называется у индѣйцевъ „Калли Монтэкузома" т. е.: *Дворецъ Строгаго Господина*!

Прослѣдовавъ по діагонали съ востока на западъ, черезъ развалины города, и углубившись въ чащу мрачнаго, безконечнаго лѣса на десятокъ миль или около того, вы, къ немалому своему удивленію, видите, что мощные черные дубы вдругъ широко разступаются на обѣ стороны, открывая площадь въ нѣсколько сотенъ гектаровъ взрытой почвы, усѣянной множествомъ обломковъ гранита самыхъ причудливыхъ очертаній и формъ, какъ-будто она подверглась допотопному перевороту или какимъ нибудь вулканическимъ потрясеніямъ.

Мутный потокъ, точно бѣшеный, съ ревомъ мчитъ свои воды черезъ камни, утесы и буреломъ, мѣстами подмывая и прорывая себѣ дорогу даже сквозь самыя скалы.

Эта мрачная, дикая мѣстность, представляетъ собою живую и наглядную картину мірового хаоса, которую дополняетъ еще громадная гора, послѣдній отрогъ Сіерры де Монгохонъ, оканчивающаяся большимъ воладеро, вышиною болѣе полуторы тысячи метровъ, грандіозная арка котораго возвышается надъ мрачной пустыней, на которую онъ роняетъ свою черную мрачную тѣнь.

Вершина этого воладеро представляетъ собою обширную

---

*) *Амакстзанъ* означаетъ въ переводѣ мѣсто, гдѣ развѣтвляется рѣка.

платформу, служащую основаніемъ громадному мрачному зданію (сооруженію циклоповъ). Его almenas или зубчатыя стѣны, а главнымъ образомъ, его непостижимое положеніе на вершинѣ, повидимому, совершенно недоступнаго воладеро дали этому замку или гасіендѣ названіе дель Енганьо, что въ дословномъ переводѣ означаетъ „гасіенда обмана“.

Какимъ путемъ добраться до этой гасіенды, къ которой не ведетъ никакой дороги, и которая виситъ надъ обрывомъ, почти упираясь своею крышей въ облака?!

Тѣмъ не менѣе она была обитаема: не разъ въ темныя и безлунныя ночи, въ окнахъ ея видѣли красноватые огни, также видали, какъ какія-то тѣни сползали по крутымъ обрывистымъ скатамъ горы, слывшей недоступной. Не разъ какія-то странные звуки, исходящіе изъ этого таинственнаго дома, нарушали торжественную тишину и безмолвіе пустыни.

Не столько самая недоступность этой гасіенды, сколько разные суевѣрные страхи и безотчетный ужасъ всегда удерживали людей отъ желанія удовлетворить свое любопытство относительно этого загадочнаго жилища. Правда, время отъ времени, какой нибудь смѣлый охотникъ, болѣе любознательный и менѣе зараженный всякими суевѣрными страхами, рѣшался на опасное предпріятіе добраться до неприступной гасіенды и разгадать ея тайну, но всѣ эти попытки оканчивались очень печально. Несчастные смѣльчаки всякій разъ платились жизнью за свою отвагу, а ихъ окровавленныя изуродованныя почти до неузнаваемости тѣла находили полуисклеванными хищными птицами среди безчисленныхъ утесовъ и скалъ.

— И по настоящее время эта гасіенда осталась такой же таинственной и недоступной? освѣдомился донъ Торрибіо.

— Да!

— Однако, должна же быть туда дорога!

— Конечно, и даже не одна, но эта тайна, которою владѣютъ нѣсколько человѣкъ, ревниво охраняющихъ ее изъ своихъ видовъ. Вскорѣ вы узнаете почему.

— Отлично! Но скажите кому могло придти на мысль построить эту гасіенду въ такомъ необычайномъ мѣстѣ и какимъ образомъ строители могли доставить туда необходимые для постройки матеріалы, добыть въ этой глуши искусныхъ рабочихъ и мастеровъ?

— Это никому не извѣстно! Но отвѣтъ на ваши вопросы вы найдете въ той легендѣ, которую намъ разскажетъ нашъ любезный и его quipos.

— Прекрасно! Что касается меня, то я очень люблю легенды. Это—поэзія исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ поясненіе къ ней, самое вѣрное и несомнѣнное. Многое, что намъ въ исторіи кажется темнымъ и непонятнымъ, объясняютъ легенды.

— Такъ слушайте-же,—сказалъ вождь,—и не удивляйтесь, если что-либо покажется вамъ страннымъ и неправдоподобнымъ!

— О, будьте покойны, милый вождь! Я всегда сумѣю отдѣлить вымыселъ отъ истины, потому что хорошо знакомъ съ характеромъ легендъ вообще!

Твердая-Рука сталъ проворно перебирать своими бѣлыми тонкими пальцами узлы „куипосъ" и началъ: „Въ числѣ весьма многихъ легендъ, сложившихся о гасіендѣ день Энганьо, одна мнѣ кажется наиболѣе поэтичной и простой, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самой правдивой изъ всѣхъ. Вотъ она:

„Прошло около пяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ пала могущественная имперія Тольтэковъ; пала она не вслѣдствіе кровопролитныхъ войнъ или внутреннихъ неурядицъ и раздоровъ, а вслѣдствіе чумы, голода и страшныхъ землетрясеній, обратившихъ ихъ города въ развалины, а весь народъ въ мертвецовъ.

Великій чичимэкъ Ксолотль *) царствовалъ тогда въ об-

---

*) *Xolottle* (Ксолотль), означаетъ въ переводѣ глазъ, всевидящее око, ясновидецъ или обладающій даромъ прозрѣнія.

ширной странѣ, лежащей далеко на сѣверѣ; страна эта называлась Чикомотокъ *).

Ксолотль съ давнихъ поръ все желалъ жить въ странѣ болѣе плодородной, а главное, болѣе близкой къ солнцу и и часто мечталъ о завоеваніи земель Тольтэковъ, но все не рѣшался пойти войной на народъ, съ которымъ онъ постоянно находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Когда же вѣсть о гибели государства Тольтэковъ, распространяясь изъ конца въ конецъ, достигла и до великаго Чичимэка, онъ тотчасъ же отправилъ гонцовъ въ землю Тольтэковъ, чтобы убѣдиться, справедливы ли эти слухи и на самомъ ли дѣлѣ эта прекрасная страна покинута. Гонцы вернувшись объявили, что, обошедши почти всю страну, они нигдѣ не встрѣтили живой души, а отъ цвѣтущихъ большихъ городовъ остались одни печальныя развалины.

„Тогда Ксолотль собралъ весь свой народъ въ огромную долину: мужчины, женщины, дѣти и старцы, всѣ поспѣшили на зовъ своего повелителя, готовые немедленно двинуться въ путь и счастливые тѣмъ, что вмѣсто своихъ темныхъ пещеръ, они будутъ жить въ странѣ, гдѣ много свѣта и тепла“.

„И вотъ, когда всѣ приготовленія къ переселенію были окончены, великій Чичимекъ сталъ во главѣ всего своего народа и двинулся въ походъ, чтобы завладѣть новыми землями и основаться на нихъ“.

„По прошествіи 192 дней, пройдя 1968 миль пути, Ксолотль и его народъ достигли, наконецъ, границы прежняго государства Тольтэковъ. Это было въ году *Macnitli Tespatl*, т. е. въ 963 г. по христіанскому лѣтосчисленію.

Давъ отдохнуть своему народу послѣ столь долгаго пути, въ продолженіи тридцати семи дней, великій Чичимекъ приказалъ снова двинуться въ путь. Перейдя границу на про-

---

*) *Chicomostoc* (Чикомотокъ), значитъ въ переводѣ: Страна семи пещеръ; отъ слова „чикомъ“—семь и „токъ“--пещера.

тяжении 19 миль въ ширину, онъ подвигался впередъ, не останавливаясь еще въ продолжении 18 дней.

И вотъ, они, наконецъ, пришли къ большому городу, называемому Амакстцинъ, который, какъ надо было полагать, былъ столицей, но отъ него теперь не осталось ничего, кромѣ развалинъ, среди которыхъ уцѣлѣлъ только одинъ домъ громадныхъ размѣровъ и мрачнаго, внушительнаго вида.

Великій Чичимекъ не хотѣлъ основаться въ этомъ мѣстѣ, но такъ какъ его народъ былъ очень утомленъ своимъ продолжительнымъ странствованіемъ, то онъ согласился пробыть здѣсь сорокъ дней.

Городъ этотъ лежалъ посреди очень плодородной долины и, какъ это видно изъ самаго названія его, у сліянія трехъ рѣкъ. Ксолотль объявилъ, что тѣ, кто не можетъ почему-либо слѣдовать за нимъ далѣе, останется здѣсь съ условіемъ отстроить городъ.

Тридцать тысячъ семействъ приняли это условіе Великаго Вождя.

Ксолотль былъ великій воинъ, мудрый законодатель, но главною его страстью была охота, и въ ней онъ не имѣлъ соперниковъ по ловкости и мѣткости. Каждый день, съ восходомъ солнца, онъ покидалъ въ сопровожденіи главнѣйшихъ вождей своего войска общій лагерь и отправлялся въ ближайшіе лѣса охотиться на оленей, антилопъ и бизоновъ, которые тогда встрѣчались здѣсь цѣлыми стадами.

Однажды Ксолотль, преслѣдуя оленя, зашелъ далеко въ глубь темнаго дикаго лѣса. Быстроногое животное все уходило отъ него и вдругъ исчезло безслѣдно между скалами. Ксолотль оглянулся кругомъ и увидѣлъ себя въ мѣстности, представлявшей собою страшную картину хаоса и разрушенія вслѣдствіе могучей борьбы стихій, превратившихъ эту мѣстность въ взбаламученное море камней, скалъ, гранитныхъ обломковъ, опрокинутыхъ и съ корнемъ вырванныхъ гигантскихъ деревьевъ, при полномъ отсутствіи всякихъ признаковъ жизни. Эта мрачная, дикая пустыня производила

удручающее впечатлѣніе; какой-то суевѣрный, безотчетный страхъ невольно сжималъ сердце человѣка, при видѣ окружающей безотрадной картины. Давящее молчаніе и тишина могилы царили кругомъ, вселяя ужасъ и леденящій душу страхъ. Все это ощутилъ въ себѣ и великій Чичимекъ.

„Однако, вспомнивъ, что онъ находится очень далеко отъ лагеря и спутники его, навѣрно теперь тревожатся о немъ, онъ хотѣлъ вернуться, но чувствовалъ себя до такой степени усталымъ, что вѣки его сами собой опускались и глаза закрывались, да и зной становился положительно нестерпимымъ. Поэтому онъ рѣшилъ прилечь въ тѣни подъ деревомъ и отдохнуть, пережидая когда спадетъ жаръ. Едва успѣлъ онъ прилечь, какъ тотчасъ же заснулъ. Ему приснился странный знаменательный сонъ.

Во снѣ ему показалось, будто свѣтъ дневной блѣднѣя угасаетъ, смѣняясь трепетнымъ и мягкимъ свѣтомъ тихой лунной ночи; земля какъ будто содрогнулась при этомъ, послышался шумъ, подобный шуму сильной бури въ открытомъ морѣ,—и глазамъ спящаго Ксолотля предстала женщина неземной, дивной красоты, съ лицомъ свѣтлымъ и блѣднымъ, какъ будто озареннымъ голубоватымъ свѣтомъ луны въ теплыя ночи равноденствія, когда это свѣтило особенно прекрасно. Ея зеленый нарядъ, мягкихъ переливающихся тоновъ, царственными складками ниспадалъ съ ея плечъ, обнаженныхъ, какъ и пышная грудь, и бѣлыхъ, точно мраморъ, но живыхъ и прекрасныхъ. Гибкій станъ ея обвивалъ поясъ искусно сотканныхъ изъ нитей золота и серебра, пронизанныхъ драгоцѣнпымъ жемчугомъ; душистые цвѣты вплелись въ ея кудри, блестящія, какъ шелкъ, и свѣтлыя, какъ маисъ, созрѣвшій подъ лучами знойнаго солнца. Въ правой рукѣ своей она держала тростникъ темно-зеленаго илистаго цвѣта. Грустно и вмѣстѣ ласково склонилась эта женщина надъ спящимъ и голосомъ болѣе мелодичнымъ, чѣмъ пѣніе Centtoufle, этого американскаго соловья, сказала: „Узнаешь ты меня, Ксолотль?“

— Да, — отвѣчалъ онъ съ радостнымъ трепетомъ—ты Мистли-Истаксаль, богиня ночи, прекрасная луна, Пресвятая Матерь! Ты та, которая открыла мнѣ часъ паденія имперіи Тольтэковъ и повелѣла мнѣ идти въ эту землю, заселить ее моимъ народомъ и основаться здѣсь навсегда, предсказавъ мнѣ будущее могущество и силу Чичимекскаго народа!

— Да, я—та! Но я явилась къ тебѣ не сама, а была послана Великимъ Теолемъ, невѣдомымъ и невидимымъ людямъ Создателемъ всего небеснаго и земного, всего видимаго и невидимаго, всего, что существуетъ и существовало, Единымъ, Всемогущимъ и Всевидящимъ; всѣ остальные боги, даже и самое солнце и луна существуютъ по его волѣ и подвластны ему; они служатъ ему и повинуется его велѣніямъ. Онъ послалъ меня къ тебѣ и тогда, и теперь; встань и слѣдуй за мной“.

Ксолотль всталъ и пошелъ вслѣдъ за богиней, скользя какъ ночной вѣтерокъ по неровной, взрытой почвѣ, черезъ овраги, рѣку, скалы и утесы, голые камни и преграждающій путь буреломъ покуда не достигли праваго ската высокой горы. Здѣсь богиня остановилась и дотронулась перстами своими до верхушки одного громаднаго гранитнаго обломка, который, тотчасъ же отойдя въ сторону, плавно ушелъ въ землю, обнаруживъ входъ въ глубокую пещеру. Войдя въ нее и пройдя нѣсколько саженъ, богиня и слѣдовавшій за нею Великій Вождь очутились у высокой стѣны, уходившей далеко въ обѣ стороны. Богиня снова дотронулась до стѣны,—и та разступилась передъ ними, давая имъ дорогу. За стѣной открывался безконечный узкій, но высокій и сводчатый коридоръ, вышиною около 50 футовъ. Богиня обратилась къ Ксолотлю и наказала ему быть особенно внимательнымъ ко всему, что онъ теперь увидитъ. Затѣмъ они вошли въ высокій корридоръ и долго шли имъ. Наконецъ, онъ привелъ ихъ къ громадной залѣ, при входѣ въ которую богиня еще разъ обратилась къ Ксолотлю и сказала: „Смотри и помни“.

Войдя въ залу, Ксолотль увидѣлъ, что вся она загромож-

дена по самые своды большими ящиками и сундуками изъ драгоцѣннаго чернаго дерева, поставленными въ шесть ярусовъ, одинъ надъ другимъ, и до верху наполненными золотомъ въ слиткахъ, самородкахъ, крупинкахъ, брусьяхъ и монетѣ, а также драгоцѣнными каменьями и жемчугами. Тутъ были несомнѣнныя богатства.

Посреди залы оставалось еще довольно большое свободное пространство, и здѣсь у стѣны, сидѣли скорчившись нѣсколько человѣкъ, совершенно неподвижно, глаза ихъ были открыты, но не видѣли ничего передъ собою, устремленные въ одну точку. Одѣты они были въ туники изъ оленьей кожи, прекрасно выдѣланной; ноги ихъ были обуты въ сандаліи съ ремнями, сплетенными изъ нитей алоя; у нѣкоторыхъ было надѣто на головѣ по большому золотому обручу и по цѣнному жемчужному ожерелью на шеѣ; другіе имѣли на головѣ шляпы изъ маисовой соломы или пальмовыхъ листьевъ. Подлѣ каждаго изъ лицъ первой группы стояли прислоненные къ стѣнѣ: золотой шлемъ и щитъ изъ того же метала и длинное копье съ желѣзнымъ наконечникомъ *). Подлѣ остальныхъ стояли также ихъ шлемы, щиты и копья, но ихъ щиты были мѣдные, а шлемы—желѣзные, а самый крайній изъ нихъ, кромѣ копья имѣлъ еще громадную палицу, усаженную множествомъ желѣзныхъ остріевъ.

Несмотря на свою не разъ испытанную смѣлость, Ксолотль не могъ удержаться отъ нервной дрожи при видѣ этихъ мрачныхъ выходцевъ съ того свѣта. Но богиня, замѣтивъ это, усмѣхнулась благосклонной и ласковой улыбкой.

„Не смущайся“! — сказала она, — эти призраки, столь странные для другого, не имѣютъ ничего грознаго для тебя. Здѣсь, въ этой залѣ, хранятся сокровища царей Тольтековъ, эти люди, которыхъ ты видишь передъ собой, послѣдніе

---

*) Это доказываетъ, что Тольтеки, жившіе задолго до мексиканцевъ, знали о существованіи желѣза, мѣди и другихъ металловъ и умѣли примѣнять ихъ. Это мѣсто взято цѣликомъ изъ 5-ой реляціи, стр. 1-я, мексиканскаго писателя Экстлилксочитля.

цари этого народа и самые доблестные ихъ воины сохранившіе имъ вѣрность. Всѣ они одинъ за другимъ укрылись въ этомъ мѣстѣ, гонимые судьбой, желавшей спасти ихъ отъ смерти; они всѣ живы, но погружены въ летаргическій сонъ: они и видятъ, и слышатъ все, что происходитъ вокругъ, но не въ состояніи двинуться или сдѣлать хотя бы малѣйшее движеніе. Настанетъ день, когда они проснутся и оживутъ по волѣ Великаго Теотля, чтобы избавить землю Анахуакъ *) отъ угнетателей, пришедшихъ изъ-за моря на пловучихъ большихъ домахъ и поработить ихъ".

„Скажи мнѣ, мать моя, суждено ли мнѣ быть свидѣтелемъ этихъ грядущихъ на насъ несчастій?"

„Нѣтъ, сынъ мой! Ты умрешь, счастливый и могучій, процарствовавъ сто двадцать лѣтъ, ко благу и славѣ твоего народа, который будетъ любить и бояться тебя. Сыновья твои будутъ наслѣдовать тебѣ на престолѣ вплоть до двѣнадцатаго поколѣнія, — и только долго спустя послѣ того, какъ родъ твой прекратится и его замѣнитъ другой, народъ пришедшій изъ *Астлана*, страны Гурона, во время царствованія нѣкоего императора, по имени Монтекусомъ II, всѣ народы, живущіе между двумя морями, будутъ ограблены и порабощены подъ желѣзное иго чужеземцевъ, которые вдругъ явятся сюда вооруженные грозою и на животныхъ, невѣдомыхъ намъ,—животныхъ божественнаго происхожденія. Это будетъ имъ въ наказаніе за ихъ пороки, распущенность и ихъ безумную роскошь. Сначала невѣжественные народы примутъ этихъ чужестранцевъ, какъ своихъ освободителей, смѣшавъ ихъ съ воинами Тольтэковъ, которыхъ ты видишь здѣсь, потому что какъ и они, и какъ ты, всѣ они будутъ рослые, бѣлолицые и бородатые. Когда же эти народы увидятъ свою ошибку, то будетъ уже поздно избѣжать позорнаго и возмутительнаго ига, подъ которое ихъ сумѣютъ покорить хитрые и коварные пришельцы.

---

*) Страна Анахуакъ, страна между двухъ морей—т. е. Мексика, лежащая между Атлантическимъ и Великимъ океанами.

*

„Воля всемогущаго Теотля да будетъ надъ нами!" грустно произнесъ великій Чичимекъ.

Затѣмъ они покинули эту большую залу, проложивъ себѣ путь сквозь гранитную стѣну, и снова очутились въ безконечныхъ подземельяхъ, простиравшихся надо всею горой и имѣвшихъ нѣсколько выходовъ, которые богиня указала своему сыну наконецъ, послѣ безчисленныхъ изворотовъ и поворотовъ, они вышли на обширную площадь, которую представляетъ изъ себя вершина этой горы.

Здѣсь, давъ великому Чичимеку время подивиться необъятному горизонту, открывавшемуся отсюда во всѣ стороны, богиня сказала:

„Слушай мои слова со вниманіемъ и удержи ихъ въ своей памяти: завтра, съ восходомъ солнца, созови свой народъ и прикажи ему приступить къ постройкѣ (Тэкпана), королевскаго дворца, на этомъ самомъ мѣстѣ, на вершинѣ этой горы".

„Слушаю, мать моя! Но какимъ образомъ доставить сюда камень, какъ поднять машины и установить ихъ? Я здѣсь нигдѣ не вижу дороги!"—спросилъ удивленный вождь.

Богиня улыбнулась. „Смотри, — сказала она, — и протянула свою правую руку нѣсколько разъ по разнымъ направленіямъ помахивая своимъ зеленымъ тростникомъ и приговаривая при этомъ какія-то непонятныя таинственныя слова.

И вотъ, широкая пологая дорога появилась на скатѣ горы, спускаясь въ самую долину; бурливая рѣка куда-то скрылась, а гранитныя скалы, утесы и обломки разступались на обѣ стороны, открывая широкую и гладкую дорогу, которая уходила въ глубь лѣса и, наконецъ, совершенно терялась вдали.

И это чудо совершилось менѣе, чѣмъ въ пять минутъ. Удивленіе ошеломленнаго и пораженнаго Ксолотля не имѣло границъ.

Ну, что же,—спросила улыбаясь богиня,—„теперь твой

камень и твои машины можно будетъ доставить на вершину?“

„О, да! Великъ Теотль! Да будетъ воля Его!“

Тогда богиня достала свертокъ бумаги изъ алоэ, на которомъ было начертано нѣсколько линій и, вручая этотъ свертокъ Ксолотлю, сказала:

„Вотъ, это планъ будущаго дворца. Ты выполнишь его въ точности, до послѣднихъ мелочей. Онъ долженъ быть оконченъ по прошествіи 79 дней. Когда все уже будетъ готово, и мастера, а также и всѣ рабочіе удалятся, ты здѣсь останешься одинъ и проведешь здѣсь первую ночь въ этомъ новомъ дворцѣ. Въ эту ночь я вновь явлюсь тебѣ и сообщу волю Теотля. Ну, а теперь дай мнѣ твою руку!“

Великій Чичимекъ повиновался, и богиня, взявъ его въ свои объятія, понеслась надъ землей и тихо опустила его подъ деревомъ, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ уснулъ. Затѣмъ, склонясь надъ нимъ, она нѣжно поцѣловала его въ лобъ и прошептавъ: „Запомни все!“—исчезла.

И вотъ, послышались крики и шумъ, — и Ксолотль внезапно пробудился. Солнце уже скрывалось за горизонтомъ. Великій Вождь окинулъ мѣстность недоумѣвающимъ взоромъ и убѣдился воочію, что все здѣсь совершенно измѣнилось и не мало не походило на то, что онъ видѣлъ своими же глазами прежде, чѣмъ онъ заснулъ. Къ нему съ разныхъ сторонъ спѣшили его товарищи по охотѣ. Ксолотль всталъ, отозвался имъ и тогда только спохватился, что держитъ въ рукѣ свертокъ, врученный ему богиней, представлявшій собою планъ будущаго дворца.

И вотъ, все видѣнное имъ во снѣ разомъ воскресло въ его памяти; онъ понялъ, что это не простой сонъ. Вздрогнувъ при этомъ воспоминаніи, онъ поспѣшно спряталъ подъ тунику свертокъ бумаги изъ алоэ.

Между тѣмъ спутники встрѣтили его съ великой радостью, такъ какъ продолжительное отсутствіе его внушило имъ серьезное безпокойство. Вслѣдъ затѣмъ всѣ они вернулись въ мертвый городъ по превосходной дорогѣ, только что

созданной богиней Мицтли-Истакуань. На слѣдующій день, съ восходомъ солнца, цѣлый народъ, численностью въ нѣсколько милліоновъ душъ, съ Ксолотлемъ во главѣ, принялся за работу. Въ камнѣ, конечно, не было недостатка, а пути сообщенія были превосходны, такъ что подвозъ матеріала не представлялъ никакихъ затрудненій. Одни добывали камень, другіе—обдѣлывали и обтачивали его, третьи—подвозили, четвертые—поднимали наверхъ посредствомъ хитро придуманныхъ машинъ, такъ что каменьщикамъ оставалось только складывать и скрѣплять, возводя стѣны. Одновременно съ этимъ дровосѣки и плотники валили лѣсъ, и тутъ же пилили его на бревна, доски тесали, строгали, изготовляли двери, рамы, перегородки и даже мебель. Все это шло рука объ руку; все готовилось разомъ; работали не сотни, а тысячи, милліоны рукъ; у каждаго было свое дѣло и каждый старался выполнить его добросовѣстно.

Великій Чичимекъ приказалъ раскинуть свою палатку на самомъ мѣстѣ постройки и лично наблюдалъ за ходомъ работъ, строго слѣдя, чтобы строители не отступали ни на іоту отъ плана, начертаннаго на листѣ алоэвой бумаги.

При такихъ-то условіяхъ это громаднѣйшее зданіе подвигалось удивительно быстро и за девять дней до опредѣленнаго срока Тэкпанъ былъ уже совершенно готовъ и гордо возвышался на вершинѣ Воладеро.

Тогда Ксолотль, въ сопровожденіи всѣхъ своихъ архитекторовъ и главнѣйшихъ мастеровъ, осмотрѣлъ дворецъ во всѣхъ мельчайшихъ его подробностяхъ. Не только все было въ полной исправности, но и всѣ комнаты дворца, отъ первой и до послѣдней, были убраны и обставлены съ истинно царской роскошью.

Странной особенностью этого дворца являлось то, что онъ не имѣлъ ни одной явной двери, а только потайныя, а тѣ нѣсколько дверей, что выходили на всѣ четыре фаса зданія, были такъ искусно замаскированы, что ихъ не было не только никакой возможности отворить снаружи, но даже и замѣтить, гдѣ именно онѣ находятся. Осмотрѣвъ все, великій Чичи-

мекъ приказалъ снять лѣса, убрать оставшіеся матеріалы и все прибрать и обчистить. На это потребовалось еще четыре дня, затѣмъ Ксолотль отпустилъ всѣхъ рабочихъ и остался одинъ на вершинѣ горы.

Великій Вождь долго провожалъ глазами удалявшихся по направленію къ главному лагерю рабочихъ, которые шли небольшими кучками, разговаривая между собой. Когда всѣ они окончательно скрылись изъ вида, за извилинами дороги, Ксолотль еще разъ обошелъ все зданіе снаружи, чтобы убѣдиться, что онъ теперь совершенно одинъ и что, кромѣ него, на вершинѣ горы нѣтъ ниодной души живой, и затѣмъ вошелъ въ зданіе и затворилъ за собою дверь.

Солнце клонилось къ западу. Ксолотль зажегъ факелъ изъ дерева *окоте*, чтобы не оставаться впотьмахъ, затѣмъ поужиналъ заранѣе приготовленной пищей и, набивъ свой калюметъ (трубку) священнымъ табакомъ, сталъ курить, размышляя о выполненной имъ задачѣ.

Табакъ уже издавна былъ знакомъ Тольтекамъ и Чичимекамъ, и они много употребляли его, особенно при всякихъ религіозныхъ церемоніяхъ. Самое растеніе было открыто божественнымъ законодателемъ, который первый просвѣтилъ совершенно еще дикіе дотолѣ народы Земли Гурона. Онъ научилъ ихъ обрабатывать землю, засѣвать ее и собирать урожай, научилъ изготовлять всевозможныя орудія, утварь и одежду, словомъ,—извлекъ ихъ изъ мрака варварства и преподалъ имъ первыя блага цивилизаціи. Человѣкъ этотъ скрылся такимъ же непонятнымъ образомъ, какъ и явился невѣдомо откуда и куда, исполнивъ свою прекрасную миссію, не оставивъ по себѣ никакого другого слѣда, кромѣ своихъ благодѣяній. Тольтеки и Чичимеки считали его почти за бога и надѣлили его символическимъ именемъ *Куетцаткоатлъ*, что означаетъ „змѣй, покрытый драгоцѣнными перьями“, а въ аллегорическомъ смыслѣ,—очень мудрый человѣкъ.

Докуривъ свой калюметъ, Ксолотль почувствовалъ, что его одолѣваетъ сонъ; онъ легъ на ложе, устланное звѣриными шкурами и мѣхами, загасилъ факелъ и заснулъ.

Тотчасъ же ему явилась его божественная мать; склонившись надъ нимъ съ любовью и запечатлѣвъ долгій поцѣлуй на его челѣ, она голосомъ, подобнымъ звуку эоловой арфы, сказала: „Проснись, сынъ мой!“

Ксолотль тотчасъ же открылъ глаза и присѣлъ на своемъ ложѣ.

„Слушай меня!“—продолжала она.

„Слушаю!“--сказалъ онъ, благоговѣйно цѣлуя ея руку.

„Меня послалъ къ тебѣ Теотль! Онъ приказалъ сказать тебѣ, что этотъ дворецъ, построенный тобою, будетъ служить въ грядущія времена, которыя только ему одному извѣстны, для спасенія народовъ Анахуака и для возвращенія имъ прежней свободы. Всѣ другіе народы будутъ, мало-по-малу, уничтожаться и исчезать подъ давленіемъ людей, пришедшихъ изъ-за моря, и совершенно исчезнутъ съ лица земли; одни только потомки Чичимековъ и Тольтековъ и другихъ народовъ, живущихъ на обширномъ пространствѣ земель Анахуака, будутъ по прежнему множиться на землѣ своихъ предковъ, но уже въ видѣ порабощенныхъ и жалкихъ рабовъ, подъ страшнымъ гнетомъ безчеловѣчныхъ пришельцевъ, упорно ожидая дня своего возрожденія, который, наконецъ, настанетъ для нихъ. Всѣ тайны этого дворца должны быть свято хранимы, и только въ часъ смерти каждый вождь, имѣвшій въ своихъ рукахъ верховную власть, долженъ передать ихъ своему прямому наслѣднику. Когда послѣдній императоръ изъ рода Инка утратитъ свой тронъ и станетъ въ своемъ дворцѣ плѣнникомъ бородатыхъ людей, то пусть раздѣлитъ уголья священнаго неугасимаго огня между своими слугами, наказавъ имъ вѣчно хранить съ благоговѣніемъ и тщаніемъ этотъ огонь. Что же касается самаго ковчежца, въ которомъ хранится священный огонь, то онъ тайно вручитъ его своему ближайшему родственнику, послѣднему изъ прямыхъ твоихъ потомковъ, котораго будутъ звать Мистли Амантсинъ, что означаетъ „божественный левъ“. Ему онъ передастъ планъ этого дворца и прикажетъ немедленно перенести сюда ковчежецъ, въ которомъ посто-

янно будетъ поддерживаться священный огонь самимъ Мистли Амантсиномъ или кѣмъ-либо изъ его ближайшихъ родственниковъ. Тайна эта будетъ еще строже хранима тѣми, кто будетъ знать о ней, и будетъ переходить изъ рода въ родъ отъ одного къ другому изъ вождей изъ рода Амантсинъ, до дня, опредѣленнаго самимъ Теотлемъ. Наслѣдникъ послѣдняго изъ Инка не можетъ быть никто иной, какъ потомокъ великаго Чичимека самой чистой крови, безъ малѣйшей примѣси какой-либо чужеземной крови. И вотъ, для того, чтобы ты не забылъ ничего изъ сказаннаго мною, возьми вотъ этотъ quipos, храни его и въ часъ смерти вручи своему пріемнику".

„Благодарю тебя, мать моя!"—сказалъ Ксолотль, взявъ quipos изъ рукъ богини и благоговѣйно пряча его у себя на груди подъ туникой.—„Я слушалъ съ надлежащимъ вниманіемъ твои божественныя слова и навсегда запечатлѣлъ ихъ въ своей памяти!"

„Теперь я добавлю еще нѣсколько словъ",—продолжала богиня,—„завтра, съ восходомъ солнца, ты покинешь этотъ дворецъ, въ который не долженъ болѣе возвращаться; дорога, проложенная мною, тотчасъ исчезнетъ,—и мѣстность снова приметъ свой дикій характеръ мрачнаго запустѣнія, а неприступныя грозныя скалы загромоздятъ всѣ пути къ горѣ. Надо, чтобы путь, ведущій къ этому, повидимому, неприступному замку, оставался невѣдомымъ для всѣхъ. Затѣмъ, Теотль не желаетъ, чтобы Амакстсанъ возсталъ изъ пепла и развалинъ, а потому ты завтра же сдѣлаешь перепись своего народа и затѣмъ двинешься дальше, не оставивъ за собой ни одной души. Такова воля Теотля. Прощай, сынъ мой! Ты будешь счастливъ всю жизнь и мое материнское попеченіе о тебѣ всегда будетъ хранить тебя!"

„Неужели я уже болѣе не увижу тебя, мать моя?"

„Нѣтъ, ты увидишь меня еще разъ: въ твой смертный часъ я приду за тобой, чтобы проводить тебя въ блаженныя долины".

„Прощай, мать моя, пусть воля твоя и воля великаго Теотля да будетъ во всемъ!"

Богиня запечатлѣла долгій поцѣлуй на челѣ сына и скрылась.

Поутру Ксолотль покинулъ таинственный дворецъ на вершинѣ горы; едва онъ успѣлъ дойти до опушки лѣса, какъ случайно обернувшись назадъ, вдругъ увидѣлъ, что дорога позади его безслѣдно исчезла; громадные обломки гранита, даже цѣлыя скалы и утесы загромоздили путь къ неприступному дворцу, рѣка бурливо помчала свои мутныя волны по камнямъ и скаламъ, пѣнясь и злясь, какъ разъяренный звѣрь. Великій Чичимекъ съ трудомъ проложилъ себѣ путь къ лагерю черезъ дремучій лѣсъ, въ которомъ теперь уже не было ни дороги, ни тропинокъ. Прибывъ въ свой главный лагерь, Ксолотль собралъ весь свой народъ и, сдѣлавъ перепись ему, двинулся далѣе къ странѣ Анахуака.

Вокругъ дворца на Воладеро воцарилась мертвая тишина и вскорѣ всѣ забыли о самомъ существованіи этого удивительнаго сооруженія.

Прошли вѣка. Испанцы высадились на берегъ въ землѣ Анахуака. Могущественная Мексиканская имперія пала,—и послѣдній императоръ Мексики погибъ самымъ жалкимъ образомъ, а его палачи подѣлили между собой его достояніе.

Однажды вечеромъ, нѣсколько всадниковъ верхами на добрыхъ коняхъ прискакали передъ самымъ закатомъ солнца къ развалинамъ Амакстана, гдѣ и переночевали. На утро, оставивъ своихъ коней подъ надзоромъ двоихъ своихъ товарищей, они рѣшительно двинулись по направленію къ лѣсу и также, не мало не задумываясь, стали углубляться въ самую глухую чащу его. Ихъ было пятеро. Тотъ изъ нихъ, кто, повидимому, былъ ихъ главой и вмѣстѣ путеводителемъ, несъ что-то, очевидно, довольно тяжелое подъ полой своего плаща, но что это былъ за предметъ,—никто не могъ разглядѣть.

Послѣ довольно продолжительнаго странствованія эти люди достигли наконецъ подножія Воладеро. Предводитель маленькой партіи окинулъ быстрымъ взглядомъ всю мѣстность и затѣмъ рѣшительно подошелъ къ одному изъ облом-

ковъ скалы, дотронулся до него въ извѣстномъ мѣстѣ и нажалъ его, послѣ чего этотъ обломокъ плавно сдвинулся съ мѣста и обнаружилъ ходъ въ глубокое подземелье. Всѣ пятеро вошли,—и затѣмъ громадная каменная глыба снова заградила входъ.

То было въ день *матлактли-оккоколинъ*, т. е. въ девятый день десятаго мѣсяца *очпаксалитстликъ*, который соотвѣтствуетъ 27-му сентября нашего стиля. Глава или предводитель тѣхъ, которые теперь проникли въ подземелья таинственнаго дворца, былъ Мистли-Гуайтимотзинъ, принесшій сюда священный ковчежецъ, врученный ему умирающимъ Монтесомы II, послѣднимъ императоромъ Мексики. Итакъ всѣ предсказанія богини Мистли-Истакуаль сбылись, кромѣ послѣдняго.

— Такова,—добавилъ Твердая-Рука, складывая и сворачивая свой quipos,—легенда о гасіендѣ дель Энганьо, или, какъ ее называютъ индѣйцы, Текпанъ-Тепетикпакъ, т. е. „дворецъ на вершинѣ горы“.—Разсказчикъ смолкъ.

Нѣкоторое время длилось ничѣмъ не нарушаемое молчаніе. Часы пробили два часа ночи. Донъ Торрибіо очнулся точно отъ забытья.

— Вы кончили свой разсказъ, сашемъ? *)—спросилъ онъ у Твердой-Руки.

— Да, легенда на этомъ кончается! — задумчиво отозвался онъ.

— Вы чудесно пересказали намъ эту легенду, дорогой сашемъ!

— Не мудрено: я сотни разъ слышалъ ее въ дѣтствѣ и всякій разъ глаза мои устремлялись съ какимъ-то суевѣрнымъ ужасомъ на окна таинственнаго дворца, освѣщенныя въ темныя ночи какимъ-то красноватымъ свѣтомъ.

— Такъ эта гасіенда на самомъ дѣлѣ существуетъ?—спросилъ донъ Торрибіо.

— Да, и въ такомъ видѣ, какъ ее описываетъ легенда!

---

*) Вождь.

— Странно!—продолжалъ донъ Торрибіо, какъ бы думая вслухъ,— слушая васъ, я переживалъ нѣчто совершенно необычайное: я слѣдилъ за ходомъ вашего разсказа, какъ заблудившійся путникъ, который понемногу выходитъ на знакомую ему издавна дорогу. Мнѣ казалось, что всѣ тѣ подробности, какія вы сообщали намъ, уже знакомы мнѣ, что всѣ эти индѣйскія названія и имена привычны моему слуху. Мнѣ казалось, что я, какъ бы сквозь сонъ, видѣлъ когда-то и эти громадные залы, и безконечные ходы и корридоры, которые я какъ будто проходилъ когда-то.

— Да, это странно!..—прошепталъ донъ Порфиріо.

— Развѣ вы уже бывали когда-нибудь въ этой странѣ?— спросилъ его Твердая-Рука.

— На сколько мнѣ извѣстно, никогда!

— То-есть, какъ это,—я не совсѣмъ понимаю васъ, сеньоръ!—сказалъ гасіендеро.

— Я, кажется, уже говорилъ вамъ, что родился въ Мексикѣ, въ какой именно части ея, не знаю. Вѣроятно, я былъ очень малымъ ребенкомъ, когда покинулъ родину, такъ какъ самыя отдаленныя мои воспоминанія воскрешаютъ въ моемъ воображеніи,—это воспоминанія о большомъ суднѣ, на которомъ со мной ужасно дурно обращались. Правда, впослѣдствіи я узналъ еще нѣкоторыя подробности изъ своей жизни, но въ сущности память моя удержала ясно лишь тѣ воспоминанія, которыя слѣдовали за прибытіемъ моемъ въ Буэносъ-Айресъ. Все, бывшее со мною до этого времени, совершенно изгладилось изъ моей памяти, такъ что даже разсказы о томъ, что было, не могли ничего воскресить въ моей душѣ. Не странно ли было бы, если бы я родился именно въ этой провинціи, и раннее дѣтство мое прошло въ окрестностяхъ этого таинственнаго дворца?!

— Да, это было бы ужасно странно!—подтвердилъ донъ Порфиріо, видимо волнуясь.—Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, рѣшительно ничего не помните?

— Ничего, ни даже фамиліи моей семьи, ни собственнаго моего имени, хотя мнѣ смутно помнится, что нѣкогда

я носилъ другое имя, чѣмъ Торрибіо. Однако, оставимъ этотъ вопросъ: дѣло не въ этомъ, а въ нашемъ общемъ дѣлѣ, въ томъ, какимъ образомъ намъ слѣдуетъ бороться съ сильнымъ врагомъ.

— Странно!—прошепталъ донъ Порфиріо, украдкой внимательно вглядываясь въ черты молодого человѣка,—а какъ знать?! быть можетъ, во всемъ этомъ видѣнъ перстъ Божій!

— Однако, господа, не будемъ тратить времени въ пустыхъ разговорахъ!—сказалъ молодой человѣкъ.—Какъ вы сказали, эта легенда не болѣе, какъ вступленіе, эпизодъ, быть можетъ, не имѣющій даже никакой важности, но который служитъ, такъ сказать, поясненіемъ къ тому, что вы обѣщали сообщить мнѣ о томъ другѣ вашемъ, котораго вы оплакиваете вотъ уже двадцать лѣтъ и жизнь, и исчезновеніе котораго вы хотѣли разсказать мнѣ.

— Я васъ не понимаю, сеньоръ!—пробормоталъ гасіендеро, становясь блѣденъ, какъ мертвецъ,—о какомъ это исчезнувшемъ другѣ вы изволите говорить?

— Простите, но не старайтесь увильнуть отъ меня, теперь настало время сообщить мнѣ эту печальную исторію! Признаюсь, съ того момента, какъ я услышалъ отъ нашего друга сашема легенду о гасіендѣ дель Енганьо, я сильно сомнѣваюсь въ смерти вашего друга и тѣмъ болѣе, что онъ послѣдній въ своемъ родѣ,—и вотъ теперь всѣ мрачныя предсказанія легенды сбылись. Только то, что относится къ нему, еще осталось безъ осуществленія, но и оно должно исполниться, какъ и остальныя.

— Значитъ, вы вѣрите этимъ предсказаніямъ?—съ живостью воскликнулъ донъ Порфиріо.

— Да, вѣрю! Вѣдь, всѣ они осуществились въ точности, это не подлежитъ уже теперь сомнѣнію! Конечно, легенда—это поэзія исторіи, но для меня — это единственная достовѣрная исторія, потому что она всегда основана на какомъ-нибудь фактѣ, особенно поразившемъ воображеніе своихъ очевидцевъ,—и этотъ фактъ, вѣрно хранимый въ народной памяти, передается отъ поколѣнія къ поколѣнію и сохра-

няется до нашихъ дней, конечно, немного изукрашеннымъ кое-какими вымышленными подробностями, немного измѣненнымъ, но со всегда легко выдѣляющимся зерномъ истины, которая сама собою рельефно выступаетъ изъ своей затѣйливой рамки чудеснаго,—вотъ почему легенда можетъ служить основой для исторіи всѣхъ народовъ.

— Мнѣ кажется, вы правы! Конечно, я — простой индѣецъ и вѣрю всему, чему вѣрили мои отцы, и потому я не разъ внутренно вопрошалъ себя, неужели въ самомъ дѣлѣ этотъ славный родъ, предназначенный совершить такъ много, безслѣдно угасъ? И всякій разъ, вопреки разсудку, очевидности и даже самымъ фактамъ, какой-то внутренній голосъ твердитъ мнѣ постоянно: „нѣтъ, нѣтъ!“ Такъ пусть ужъ будетъ, какъ я сказалъ раньше, я разскажу вамъ всю эту повѣсть: я лично былъ не только свидѣтелемъ всѣхъ этихъ фактовъ, но и участникомъ этой ужасной, мрачной трагедіи. Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ все это случилось,—со вздохомъ выговорилъ онъ,—и если только не чудо, то едва ли возможно...

— Не говорите!—прервалъ его молодой человѣкъ,—все возможно, даже и чудо! Я болѣе, чѣмъ кто-либо, долженъ вѣрить даже невѣроятному. Поэтому вы смѣло можете говорить безъ утаекъ и безъ обиняковъ; мнѣ надо знать все, чтобы быть вамъ полезнымъ.

— Ложь еще никогда не оскверняла моихъ устъ, и теперь узнаете все, что вы хотѣли знать!

IX. Какъ донъ Порфиріо сталъ говорить въ свою очередь, и что онъ разсказалъ.

Донъ Порфиріо казался озабоченнымъ и, повидимому, былъ погруженъ не столько въ свои воспоминанія, сколько въ какія-то горестныя размышленія.

— Вы блѣдны, дорогой сеньоръ, не больны ли вы?—заботливо освѣдомился донъ Торрибіо.

— Нѣтъ, сеньоръ!—отвѣтилъ гасіендеро, – я только размышлялъ сейчасъ, какъ узнали вы эту тайну, которая извѣстна только двумъ моимъ друзьямъ и мнѣ?

— О какой тайнѣ изволите вы говорить?

— О томъ, что двадцать лѣтъ тому назадъ самый дорогой другъ мой внезапно исчезъ, и никто не могъ даже добиться, живъ ли онъ или умеръ. И вотъ, съ тѣхъ поръ я все веду глухую, затаенную борьбу съ сильнымъ, могучимъ врагомъ, чтобы отомстить за своего друга, который былъ мнѣ дороже всего въ жизни!

— Если бы вы только спросили меня, то я давно сказалъ бы вамъ, что въ бытность мою въ Мексикѣ, я имѣлъ честь быть представленнымъ министромъ юстиціи одному изъ его близкихъ друзей, а именно — дону Фабіану де-Торре-Асуль.

— Какъ? Неужели вы знаете дона Фабіана де-Торре-Асуль?—съ живостью воскликнулъ донъ Порфиріо.

— Да, мало того, я успѣлъ даже очень близко сдружиться съ нимъ. И вотъ, когда господинъ министръ возложилъ на меня то порученіе, о которомъ вамъ уже извѣстно, онъ вручилъ мнѣ письмо, которое я долженъ былъ передать вамъ, увѣривъ меня, что вы лучше, чѣмъ кто-либо, можете сообщить мнѣ всѣ необходимыя въ этомъ дѣлѣ свѣдѣнія. Донъ Фабіанъ былъ при этомъ; онъ отвелъ меня немного въ сторону, въ оконную нишу, и сказалъ мнѣ вотъ эти самыя слова: „донъ Порфиріо Сандосъ, мой лучшій другъ; вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ одинъ изъ общихъ нашихъ друзей, послѣдній потомокъ одной изъ первыхъ фамилій Мексики, безслѣдно исчезъ и, не смотря на всѣ наши усилія и старанія, мы не могли ничего разузнать о немъ. Донъ Порфиріо поклялся отомстить за нашего друга. Подозрѣнія его пали на нѣкоторыхъ людей, весьма сильныхъ, вліятельныхъ и могущественныхъ, противъ которыхъ онъ уже двадцать лѣтъ борется безъ устали. Къ несчастію, до настоящаго времени ему не удалось добиться никакихъ результатовъ; а потому, если вамъ будетъ возможно содѣйствовать ему сколько-ни-

будь въ его правомъ дѣлѣ, то прошу васъ, помогите ему, и онъ и я—мы вѣчно останемся признательны вамъ за ваше содѣйствіе. Вотъ и все, что мнѣ извѣстно о вашей тайнѣ. Мы дружески пожали другъ другу руки и разстались, а два часа спустя, я уже покидалъ Мексико и не видѣлъ болѣе дона Фабіана. Изъ этого вы видите, что вы остались полнымъ господиномъ вашей тайны и что я отъ васъ ожидаю услышать о ней.

— Благодарю васъ за это разъясненіе! Для меня особенно отрадно знать, что донъ Фабіанъ не только не разгласилъ нашей тайны, но, упомянувъ о ней, имѣлъ очевидно намѣреніе расположить васъ въ мою пользу и заручиться для меня, на случай надобности, вашимъ содѣйствіемъ.

— Вамъ нѣтъ причины сожалѣть объ этой откровенности дона Фабіана, другъ мой, такъ какъ она была сдѣлана человѣку вполнѣ порядочному и преданному вамъ, а потому сказалъ сашемъ, совѣтую вамъ немедленно сообщить нашему новому другу все, что ему необходимо будетъ знать, чтобы имѣть возможность помогать намъ словомъ и дѣломъ.

— Да, да,—но только позвольте мнѣ для большей ясности всего послѣдующаго сослаться на нѣкоторые историческіе факты и событія.

— Сдѣлайте одолженіе, мы слушаемъ.

Донъ Порфиріо началъ такъ:

— Фердинандъ Кортесъ, conquistador, т. е. завоеватель Мексики, этотъ геніальный авантюристъ, какъ его называли, былъ не только великимъ мореплавателемъ, человѣкомъ предпріимчивымъ и смѣлымъ, искуснымъ полководцемъ, но и геніальнымъ политикомъ. Овладѣвъ Мексикой и ставъ полнымъ ея господиномъ, послѣ смерти несчастнаго Монтесумы, онъ воспользовался паническимъ страхомъ мексиканцевъ и утвердилъ свое владычество въ странѣ не столько силой оружія, сколько хитростью, вступивъ въ союзы съ вассальными царями и владѣтельными государями, данниками императора Монтесумы.

Вскорѣ,—если и не на самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ,

наружно,—вся Мексика покорилась, признала законы побѣдителя и смиренно склонилась подъ его ярмо. Повсюду царили полнѣйшій миръ и тишина.

Но Фердинандъ Кортесъ не обманывался этимъ внѣшнимъ спокойствіемъ, которое таило въ себѣ бурю. Правда, сопротивленія вооруженной силой болѣе не было, но съ минуты на минуту могло произойти неожиданно всеобщее поголовное возстаніе, и тогда пришлось бы все дѣло начинать сначала. Населеніе Мексики достигало тогда двѣнадцати съ половиной милліоновъ душъ, а испанцевъ насчитывалось едва-едва четыре тысячи,—и то разсѣянныхъ по всему лицу обширной Мексиканской территоріи. Между тѣмъ постоянныя сношенія покореннаго народа съ ихъ побѣдителями открыли мексиканцамъ глаза на многое, въ чемъ они прежде заблуждались: такъ, они поняли теперь, что эти надменные пришельцы—такіе же люди, какъ и сами они, подвластные тѣмъ же естественнымъ законамъ, съ тѣми же физическими потребностями, имѣющіе за собой одно только преимущество, а именно—превосходство оружія, и лошадей—этихъ быстроногихъ животныхъ, которыя носили ихъ, какъ на крыльяхъ. Но этимъ оружіемъ, которое, какъ они думали вначалѣ, издавало грозу, они безъ труда научатся впослѣдствіи владѣть, а лошадей, которыхъ они считали сверхъестественными созданіями, сумѣютъ приручить, обуздать, и тогда, сильные своею численностью, они разомъ обрушатся на испанцевъ, подавятъ ихъ и сотрутъ съ лица своей земли. Положеніе покорителей было весьма шаткое и далеко незавидное. Фердинандъ Кортесъ однимъ взглядомъ взвѣсилъ положеніе и рѣшилъ тотчасъ же помочь горю, не дожидаясь критическаго момента.

Въ ту пору мексиканская аристократія была еще очень многочисленна и очень вліятельна, пользуясь громаднымъ авторитетомъ въ народныхъ массахъ, которыми она располагала по своей волѣ. Къ этой-то аристократіи и обратился Фердинандъ Кортесъ: онъ издалъ указъ, что всѣ лица привиллегированнаго сословія, которыя пожелаютъ принять хри-

стіанство, отказавшись отъ своихъ языческихъ вѣрованій, и согласятся вступать въ браки съ испанцами, сохранятъ за собою не только все свое состояніе, земли и другія богатства, но также всѣ свои титулы и привиллегіи, которыя будутъ признаны и утверждены испанскимъ правительствомъ, и что, кромѣ того, эти лица будутъ пользоваться во всемъ одинаковыми правами съ покорителями.

Какъ извѣстно, во всѣхъ странахъ міра богатые и знатные классы обыкновенно относятся довольно безразлично къ вопросамъ патріотизма, когда имъ обезпечиваютъ спокойное, свободное обладаніе ихъ землями и имущественными благами, и когда имъ наобѣщаютъ всякаго рода титуловъ, почестей и привиллегій.

Такъ случилось и тутъ. Знатные мексиканцы благосклонно приняли декретъ конквистадора и поспѣшили принять его заманчивыя предложенія. Представители знати и аристократія въ Мексикѣ принадлежали къ расѣ Инковъ, слѣдовательно—были бѣлолицые, а не краснокожіе, почему черезъ два-три поколѣнія ихъ уже нельзя отличить, подъ ихъ новыми христіанскими именами, отъ природныхъ испанцевъ.

Не прошло и полугода, какъ вся Мексиканская аристократія приняла христіанство и стала самой вѣрной союзницей испанцевъ; теперь послѣднимъ уже нечего было опасаться въ случаѣ возмущенія или возстанія; эти новообращенные христіане, какъ ихъ называли, станутъ на сторону испанцевъ, въ этомъ не могло быть сомнѣнія.

Однако, нѣкоторые изъ самыхъ родовитыхъ мексиканцевъ не согласились сначала на предложенія, сдѣланныя имъ испанцами, и упорно отказывались отъ самыхъ заманчивыхъ и блистательныхъ обѣщаній.

Въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ и кассикъ (вождь) Сибола. Сибола представляла изъ себя обширную территорію, совершенно еще неизвѣстную въ то время испанцамъ чрезвычайно богатую золотомъ и простиравшуюся, какъ говорятъ, вплоть до полярныхъ странъ ледовитаго океана.

Эта страна, весьма густо населенная, была скорѣе союзнымъ, нежели вассальнымъ государствомъ мексиканской имперіи. Кассикъ ея былъ совершенно самостоятельнымъ государемъ, управляющимъ безконтрольно своимъ народомъ; императоръ Монтесума II, чтобы почтить кассика, далъ ему въ жены одну изъ своихъ родныхъ сестеръ, и самъ женился на сестрѣ кассика, отъ которой онъ имѣлъ дочь. Итакъ кассикъ являлся не только самымъ могущественнымъ союзникомъ покойнаго монарха, но также и его ближайшимъ родственникомъ.

Кассика звали Мистли-Гуайтомотсинъ, ему было около сорока лѣтъ, роста онъ былъ высокаго и прекрасно сложенный, а лицомъ удивительно рѣдкой красоты—вообще, онъ былъ яркимъ представителемъ рода Инка; какъ увѣряли, будто бы онъ происходилъ по прямой линіи отъ царей Чичимековъ, которые въ продолженіи столькихъ вѣковъ царствовали въ Мексикѣ и были первыми законодателями этой страны. Кассикъ Сиболы пользовался особою любовью и почетомъ у Монтесумы, императоръ положительно не могъ обходиться безъ него. Когда, будучи раненъ камнемъ, пущеннымъ въ него въ то время, когда онъ пытался усмирить возстаніе, несчастный императоръ, почувствовавъ, что ему остается прожить очень немного времени, созвалъ всѣхъ своихъ родныхъ и друзей и простился съ ними, надѣливъ каждаго дарами и подарками, онъ просилъ князя Мистли-Гуайтимотсинъ остаться при немъ до послѣдней минуты его жизни, что тотъ и сдѣлалъ, императоръ издалъ послѣдній вздохъ на его рукахъ, прошептавъ уже едва внятнымъ голосомъ, эти таинственныя слова надъ которыми испанцы не мало потрудились, стараясь разъяснить ихъ смыслъ и значеніе:

„Я иду на свиданіе съ Куетсаргкоатльемъ, сыномъ Кеолотля, помни обѣщанія Теотля и охраняй священный лучъ, чтобы быть готовымъ явиться на первый зовъ“.

На это князь Сибола отвѣтилъ: „Клянусь“.

Лицо императора озарилось тихой улыбкой; онъ пытался

что-то сказать, но конвульсія овладѣла имъ и онъ закрылъ глаза, упавъ на руки своего друга Касака. Онъ былъ мертвъ.

Мистли-Гуайтимотзинъ оплакалъ своего друга и родственника и разстался съ нимъ лишь тогда, когда послѣдніе обряды похоронъ были исполнены надъ усопшимъ. Тогда онъ удалился въ свой дворецъ, гдѣ заперся одинъ, отказываясь принимать даже самыхъ близкихъ своихъ друзей.

Весьма понятно, что и конквистадоръ очень желалъ заручиться содѣйствіемъ столь могущественнаго и столь вліятельнаго лица. Хитрый, умный испанецъ отлично понималъ, что если ему удастся привлечь на свою сторону князя Сиболы, то множество родовитыхъ аристократовъ, находящихся въ зависимости отъ него, поспѣшатъ послѣдовать его примѣру, частію изъ-за выгодъ, частію по родству съ кассикомъ. Такимъ путемъ Кортесъ надѣялся, что завоеваніе Мексики совершилось бы незамѣтно, безъ кровопролитія, мирнымъ путемъ, помимо всякихъ крутыхъ мѣръ, и владычество Испаніи утвердилось бы прочно и навсегда надъ этой страной.

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, Фердинандъ Кортесъ всячески ухаживалъ за княземъ даже не стѣснялся лично посѣщать кассика въ его дворцѣ; нѣсколько разъ подолго бесѣдовалъ съ нимъ, дѣлалъ ему самые блестящія и заманчивыя предложенія и даже предложилъ ему руку одной изъ своихъ ближайшихъ родственницъ, зная, что князь вдовъ и не имѣетъ дѣтей.

Мистли-Гуайтимотзинъ долго заставилъ просить себя: это родство и близость съ завоевателями казались ему чудовищнымъ преступленіемъ. Но однажды онъ какъ будто сталъ колебаться и въ концѣ разговора, длившагося около трехъ часовъ, объявилъ Кортесу, что ему необходимо побывать въ Сиболѣ, что онъ намѣренъ совершить это путешествіе въ самомъ непродолжительномъ времени, и что онъ пробудетъ въ отсутствіи около двухъ мѣсяцевъ, а по возвращеніи въ

Мексику, дастъ рѣшительный и, какъ онъ надѣется, желательный для Кортеса отвѣтъ.

Кортесъ не сталъ болѣе настаивать и простился съ кассикомъ самымъ дружественнымъ образомъ, а вечеромъ того же дня прислалъ въ подарокъ князю десять великолѣпнѣйшихъ коней въ драгоцѣнномъ уборѣ и письмо, въ которомъ писалъ, что, зная его пристрастіе къ лошадямъ и его удивительное умѣнье управляться съ ними, посылаетъ ему этихъ десять коней, чтобы они могли служить ему въ предстоящемъ путешествіи и помогли ему поскорѣе вернуться въ Мексико.

По тому времени это былъ по истинѣ царскій подарокъ, такъ какъ тогда лошади были еще очень рѣдки въ Мексикѣ и цѣнились чуть ли не дороже золота. Мистли-Гуайтимотзинъ былъ очень тронутъ этой любезностью конквистадора и благосклонно принялъ его подарокъ.

Четыре дня спустя онъ покинулъ Мексико и, въ сопровожденіи четверыхъ своихъ ближайшихъ родственниковъ и и двухъ слугъ, отправился въ путь. Всѣ семеро мексиканцевъ ѣхали верхомъ на дорогихъ коняхъ.

Мистли-Гуайтимотзинъ везъ на храненіе въ гасіенду на Воладеро ковчежецъ, врученный ему императоромъ въ его послѣдній часъ. Оставивъ лошадей на попеченіе слугъ въ развалинахъ Амакстзана, князь со своими родственниками проникнулъ въ самую гасіенду и въ одномъ изъ тайныхъ подземелій помѣстилъ драгоцѣнный священный ковчежецъ, поручивъ двоимъ изъ своихъ родственниковъ постоянно поддерживать священный огонь. Затѣмъ онъ легъ въ той самой залѣ, въ которой Ксолотль провелъ первую ночь въ этомъ, тогда вновь отстроенномъ дворцѣ. Что произошло въ эту ночь — осталось неизвѣстно для всѣхъ, но только знаютъ, что кассикъ заперся одинъ въ этой залѣ, и что въ продолженіи многихъ часовъ ни малѣйшій шорохъ или шумъ не нарушали таинственную тишину ночи. На другое же утро, когда князь вышелъ изъ этой залы, родственники его, бывшіе съ нимъ, замѣтили, что въ немъ произошла разитель-

ная перемѣна; черты его лица приняли то особенное выраженіе, совершенно несвойственное имъ дотолѣ. Но такъ какъ князь ничего не сказалъ имъ, то и они не посмѣли обращаться къ нему съ вопросами.

Въ тотъ же день кассикъ поѣхалъ обратно въ Мексико, куда и прибылъ вмѣстѣ со своими двумя родственниками и двумя слугами, пробывъ въ отсутствіи всего мѣсяцъ и двадцать восемь дней.

Кортеса, въ это время не было въ Мексико, онъ находился въ окрестностяхъ Тескуко.

Мѣсяцъ спустя Мистли-Гуайтимотзинъ принялъ христіанство; самъ Фердинандъ Кортесъ былъ воспріемникомъ его при крещеніи, происходившемъ въ бывшемъ храмѣ солнца, обращенномъ, по приказанію конквистадара, въ соборъ. Вмѣстѣ съ кассикомъ крестились и 238 человѣкъ его родственниковъ, принадлежавшихъ къ высшей аристократіи страны. Къ прежнему мексиканскому имени князя были добавлены имена Карлоса-Фердинанда де Кортесъ и титулъ князя Сиболы.

Въ тотъ же день, при громадномъ стеченіи народа, какъ испанцевъ, такъ и мексиканцевъ, вновь обращенный вступилъ въ бракъ съ донной Маріа-Хозефа де Сандоваль и Кортесъ, дѣвушкой восемнадцати лѣтъ, отличавшейся рѣдкой красотой.

А вечеромъ того же дня князь далъ присягу въ вѣрности Испаніи въ присутствіи дона Фернанда Кортеса дель Валле вице-короля Новой Испаніи; при этомъ князю были вручены грамоты на вѣчное владѣніе графствами Сибола и Монтесума.

Итакъ, испанская политика еще разъ восторжествовала. Вся мексиканская знать и аристократія окончательно слилась съ побѣдителями. Теперь всякое возстаніе туземцевъ должно было остаться безъ всякихъ послѣдствій: аристократія страны сама сковала себя цѣпями рабства и теперь, волей-неволей, была связана по рукамъ и ногамъ.

Въ то время страна Сибола простиралась до крайнихъ

предѣловъ Орегона. Впослѣдствіи всѣ эти земли получили названіе сеньоры, въ честь Пресвятой Гваделупской Богоматери патронессы Мексики. Изъ „Сеньоры“, вслѣдствіе искаженія въ народномъ произношеніи, произошло названіе Сонора, которое почему-то и осталось за этой страной.

Графство Монтесума-Кортесъ, было образовано изъ территоріи столь же мало извѣстной испанцамъ, какъ и территорія Сибола, а именно—изъ Аризона, который поручено было новому графу присоединить къ испанской коронѣ, что тотъ и исполнилъ.

Испанцы тогда не имѣли ни малѣйшаго представленія о томъ, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ эти земли съ чрезвычайно многочисленнымъ населеніемъ, о которыхъ ходили разные баснословные толки. Они даже и не подозрѣвали, что эти два графства въ общей своей сложности, втрое и даже вчетверо больше, чѣмъ вся Испанія и Франція, взятыя вмѣстѣ.

Изъ этого слѣдовало, что, новый графъ де Кортесъ и Монтесума былъ самымъ могущественнымъ княземъ во всей Новой Испаніи, не исключая даже и самого вице-короля, съ которымъ онъ съ успѣхомъ могъ бы вести войну, если бы того захотѣлъ. Но не таковы были намѣренія графа Собола. Спустя нѣсколько дней послѣ присяги въ вѣрности Испаніи и своего бракосочетанія съ донной Маріей-Хозефой, князь простился съ вице-королемъ и, вмѣстѣ съ молодой супругой, а также нѣкоторыми изъ своихъ родственниковъ, покинулъ Мексико, чтобы поселиться на своихъ земляхъ.

Поселивъ временно донну Марію Хозефу, къ которой онъ питалъ самыя нѣжныя супружескія чувства, во дворцѣ на Воладеро, онъ призвалъ къ себѣ всѣхъ мексиканцевъ, которые не захотѣли примириться со своимъ пораженіемъ и упорно не соглашались покориться испанцамъ, и увѣрилъ ихъ въ своемъ милостивомъ покровительствѣ, роздалъ имъ земли и предложилъ поселиться вблизи отъ него.

Всѣ эти дотолѣ гонимые правительствомъ люди съ радостью поспѣшили откликнуться на призывъ князя, и вскорѣ

тамъ, гдѣ разстилалась повсюду голая пустыня, возникли цвѣтущіе и густо населенные города, въ томъ числѣ мы упомянемъ тѣ, которые впослѣдствіи получили названіе Тубакъ, Ариспа и Уресъ. Мало того, князь не довольствуясь тѣмъ, что имѣлъ въ каждомъ городѣ по дворцу, построилъ себѣ множество гасіендъ, побуждая къ тому же и всѣхъ своихъ родственниковъ. Въ этихъ гасіендахъ разводились громадныя стада быковъ, лошадей и всякаго скота, воздѣлывались и засѣвались громадныя поля, словомъ — здѣсь велось сельское хозяйство въ самыхъ большихъ размѣрахъ.

Менѣе нежели въ 20 лѣтъ, страна эта совершенно измѣнила свой внѣшній видъ и характеръ. Въ необъятныхъ владѣніяхъ графа почти не оставалось пустырей; умирая, онъ имѣлъ отраду видѣть плоды своихъ трудовъ.

Время шло, годъ проходилъ за годомъ, графы де Кортесъ и Монтесума продолжали идти по стопамъ своего славнаго предка и стали благодѣтелями всей этой обширной страны, гдѣ всѣ, отъ мала до велика, любили и чтили ихъ.

Гасіенда дель Вольдеро, тайна которой продолжала свято храниться тѣми, кому она была извѣстна, не разъ служила надежнымъ убѣжищемъ для графовъ Кортесовъ, въ трудныя минуты, постигавшія временами эту страну.

Всѣ эти передряги стоили много денегъ графамъ де-Кортесамъ и сильно пошатнули ихъ значеніе и вліяніе. Испанцы съ недовѣріемъ посматривали на этихъ могущественныхъ князей, упорно продолжавшихъ жить въ глуши своихъ помѣстій окруженныхъ своими вассалами, за которыхъ они постоянно заступались и отстаивали во всѣхъ ихъ недоразумѣніяхъ съ правительствомъ. Вице-король видѣлъ въ этомъ тайную оппозицію правительству и постоянную угрозу себѣ, а потому выслушивалъ всѣ доносы, ябеды и даже самыя безсмысленныя и нелѣпыя клеветы, на которыя рѣшались низкіе, подлые люди. Но ничто не могло заставить графовъ отступить отъ разъ принятыхъ ими правилъ жизни.

Богатства этой семьи, хотя и сильно уменьшившіяся, все же были несмѣтны, даже и въ началѣ настоящаго сто-

лѣтія, когда такъ долго подготовлявшаяся война за независимость Мексики вдругъ возгорѣлась въ этой странѣ.

Графы Гуантимотзинъ, Монтесума и Кортесъ, или короче—просто графы Кортесъ, уже лѣтъ пятьдесятъ, какъ избрали постояннымъ мѣстомъ своего пребыванія провинцію Гуанахуато, мѣстность между городами Пеньямиліара и Долоресъ, нынѣ Гидальгостъ. Здѣсь, въ одинаковомъ разстояніи какъ отъ того, такъ и отъ другого города, графы Кортесъ имѣли да и теперь еще имѣютъ громадную гасіенду, великолѣпно укрѣпленную и чрезвычайно богатую оружіемъ, снарядами и провіантомъ всякаго рода. Гасіенда эта носитъ названіе дель Парайзо; это великолѣпное жилище болѣе похожее на дворецъ чѣмъ на гасіенду, и графы Кортесъ окружаютъ себя здѣсь, по истинѣ, царской роскошью. Занимая, такъ сказать, центральное положеніе среди своихъ огромныхъ владѣній, разбросанныхъ по всему пространству Новой Испаніи, они особенно успѣшно могли наблюдать отсюда не только за соблюденіемъ своихъ частныхъ интересовъ въ качествѣ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ, но также и за движеніемъ умовъ въ народныхъ массахъ, предвѣщавшимъ для людей просвѣщенныхъ близость пробужденія мексиканскаго народа, о чемъ испанцы перестали даже и думать, и глядя на его видимую апатію, считали его окончательно подавленнымъ и покореннымъ.

Графъ де-Кортесъ, бывшій въ то время главою этой семьи и старшимъ представителемъ знаменитаго рода, былъ человѣкъ большого ума и обширныхъ познаній и, какъ всѣ его предки, питалъ горячую любовь ко всему мексиканскому народу. Онъ много путешествовалъ по Европѣ, нѣсколько лѣтъ прожилъ во Франціи, въ самомъ Парижѣ, этомъ центрѣ всякихъ высокихъ идей. Онъ былъ свидѣтелемъ пробужденія народа въ 1789 г., былъ другомъ величайшихъ умовъ, которымъ суждено было создать новый міръ на нерушимыхъ основахъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ былъ отозванъ въ Испанію, по приказу короля, но и сюда онъ унесъ въ сердцѣ своемъ страстное желаніе видѣть свой народъ свободнымъ и родину

освобожденной отъ унизительнаго ига и владычества чужеземцевъ.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, графъ Кортесъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ и умственнаго развитія; ему было около сорока лѣтъ, роста онъ былъ высокаго, прекрасно сложенный и изящный. Широкій и высокій лобъ его обрамляли густыя пряди шелковистыхъ черныхъ, какъ смоль, волосъ, ниспадавшихъ крупными кольцами на плечи; прекрасныя черты его лица отличались особенной чистотой и красотой линій, а также чрезвычайной подвижностью и выразительностью, свойственной всѣмъ южнымъ типамъ. Его немного мечтательное выраженіе какъ-то особенно шло къ нему, вся физіономія дышала какимъ-то страннымъ сочетаніемъ тонкости, кротости и доброты съ необычайною энергіей и силой воли. Большіе, прекрасные глаза темно-синяго цвѣта часто казались черными и порой дѣлались до того проницательными, что человѣкъ, на котораго обращался взглядъ этихъ глазъ, невольно чувствовалъ предъ нимъ смущеніе и робость. Графъ носилъ слегка приподнятые кверху и закрученные по кастильски усы и довольно длинную бородку-эспаньолку, скрывавшую отчасти подбородокъ немного широкій.

На видъ графъ казался много моложе своихъ лѣтъ и во всѣхъ отношеніяхъ былъ до крайности привлекательнымъ мужчиной. Онъ женился, будучи очень молодымъ, и рано потерялъ горячо любимую жену; но, не смотря на это раннее вдовство, далъ себѣ слово не жениться вторично и всецѣло посвятить себя воспитанію своихъ дѣтей; ихъ было двое, мальчикъ и дѣвочка; рожденіе послѣдней стоило жизни ея матери.

За нѣсколько лѣтъ до начала этого разсказа, графъ, изъ сожалѣнія, пріютилъ въ своемъ домѣ одного изъ потомковъ младшей боковой линіи Кортесовъ, который вслѣдствіе всякого рода излишсствъ и распутной, бурной жизни, раззорился до рубашки и былъ ужасно счастливъ, что заручился та-

кимъ покровителемъ, безъ котораго ему приходилось положительно умирать съ голода.

Человѣкъ этотъ также имѣлъ жену, но дѣтей не имѣлъ; по приглашенію владѣльца, онъ поселился со всей своей семьей въ гасіендѣ дель Параизо.

Этотъ Кортесъ былъ человѣкъ еще молодой и могъ бы быть названъ красавцемъ, еслибы бурно проведенная юность, развратъ и всякія излишества не наложили на него свою позорную печать, а взглядъ его лукавыхъ, бѣгающихъ глазъ придавалъ ему нѣкоторое сходство съ хищной птицей, избѣгающей свѣта и чувствующей себя спокойно только во тьмѣ. Однако, это былъ человѣкъ развитой, образованный, съ вкрадчивыми манерами, весьма находчивый и остроумный, могущій дать толковый и разумный совѣтъ и умѣвшій сдѣлать себя полезнымъ, гдѣ считалъ это нужнымъ.

Хотя графъ не уважалъ этого человѣка, за его прежніе поступки и поведеніе, но такъ какъ теперь онъ велъ себя безукоризненно и, какъ казалось, навсегда отказался отъ своихъ прежнихъ дурныхъ склонностей и привычекъ, и не разъ оказывалъ графу довольно серьозныя услуги, при каждомъ удобномъ случаѣ, проявляя свою безграничную благодарность и признательность графу за сдѣланное ему добро, то послѣдній въ концѣ концовъ сталъ мало по малу свыкаться съ нимъ и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ своей жизни, оказалъ ему серьозное довѣріе, которое тотъ отнюдь не употребилъ во зло, что значительно послужило ему въ пользу и упрочило его положеніе въ семьѣ его благодѣтеля.

Только двое изъ окружающихъ графа не были введены въ обманъ этимъ двуличнымъ человѣкомъ: то былъ одинъ знатнаго рода испанскій дворянинъ, дальній родственникъ князя, и нѣкій индѣецъ, выросшій и воспитанный въ семьѣ графа, его молочный братъ, любившій его чисто братской любовью.

— Вы знаете, дорогой сашемъ,—прервалъ свой разсказъ гасіендеро, обращаясь къ Твердой-Рукѣ,—кто былъ этотъ родовитый испанецъ?

— Да, это былъ мой отецъ, который вслѣдствіе серьезныхъ семейныхъ обстоятельствъ покинулъ отчій домъ и сдѣлался сашемомъ одного индѣйскаго племени, усвоивъ всѣ нравы и обычаи этого народа. А другое лицо, о которомъ вы только-что упомянули,—были вы сами, дорогой донъ Порфиріо!—отвѣтилъ Твердая-Рука.

— Ну, да, но только позвольте мнѣ продолжать говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ: это будетъ значительно удобнѣе.

— Прекрасно, какъ вамъ будетъ угодно!—отозвался донъ Торрибіо.

— Итакъ, я продолжаю!—сказалъ гасіендеро.—Эти двое людей внимательно и зорко слѣдили за этимъ человѣкомъ, но послѣдній, угадавъ ихъ недоброжелательство и недовѣріе къ себѣ, велъ такъ ловко и такъ искусно свои дѣла, что тѣ ни въ чемъ не могли подстеречь его.

Прошло нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ не случилось ничего такого, о чемъ бы стоило упоминать. Политическій горизонтъ темнѣлъ съ часа на часъ, неудовольствіе въ народѣ все возростало; возстаніе казалось неизбѣжнымъ. Я не стану говорить о всѣхъ причинахъ, вызвавшихъ войну за независимость: всѣ эти событія еще слишкомъ свѣжи въ памяти каждаго, чтобы опять напоминать о нихъ.

За послѣднее время графъ сблизился съ пятью личностями, которымъ суждено было играть впослѣдствіи видную роль въ революціонной драмѣ. Это были: донъ Мигуель Гидальго-и-Костилла, священникъ маленькаго городка Долоресъ, донъ Игнасіо Алленде, донъ Мануэль Алдансо, донъ Хозе Абасоло, всѣ трое креолы, состоявшіе капитанами въ одномъ изъ полковъ, расположенныхъ въ качествѣ гарнизона въ Гуанахуато, и, наконецъ, донъ Мигуэль Домингуесъ, корреджидоръ города Куеретаро. Эти пять человѣкъ, имена которыхъ вскорѣ стали извѣстными всѣмъ и каждому, были люди очень образованные, съ умомъ дѣятельнымъ и предпріимчивымъ, одаренные большой энергіей и горячо любившіе свою родину.

Они собирались почти каждый вечеръ въ гасіендѣ дель

Парайзо. Графъ сообщалъ имъ разныя политическія извѣстія, давалъ читать различныя сочиненія, привезенныя имъ изъ Европы, доставлялъ имъ деньги на покупку оружія и снарядовъ; онъ возбуждалъ въ нихъ энтузіазмъ всѣми возможными средствами и старался вселить въ ихъ сердца такую же страстную жажду свободы и независимости родной страны. какими была полна его собственная душа.

О заговорѣ было, однако, донесено мексиканскимъ властямъ; многіе изъ заговорщиковъ, въ томъ числѣ и донъ Мигуэль Домингуесъ, были схвачены и арестованы. Тогда Гидальго, не видя болѣе надобности скрываться и опасаясь, что и его арестуютъ, рѣшилъ выступить открыто. 16-го сентября 1810 года, призвавъ своихъ прихожанъ горячей, вдохновенной проповѣдью къ возстанію, онъ смѣло поднялъ знамя Мексиканской независимости. Этотъ неслыханно смѣлый поступокъ положительно ошеломилъ испанцевъ. Населеніе всей страны было такъ прекрасно подготовлено, а всѣ распоряженія такъ удачны, что менѣе чѣмъ въ одни сутки Гидальго очутился во главѣ цѣлой арміи инсургентовъ.

18-го сентября, т. е. два дня спустя послѣ своего пронунсіаменто, онъ уже былъ достаточно силенъ, чтобы овладѣть силой оружія городами Санъ-Фелипе и Санъ-Мигуэль-ла-Гранде, каждый съ 16-ю тысячами жителей. Вслѣдъ за этимъ возстаніе стало распространяться съ удивительной быстротой; менѣе чѣмъ въ одну недѣлю времени вся Мексика была объята пламенемъ войны.

Графъ Кортесъ принялъ на себя обязанности предсѣдателя конгресса, созваннаго инсургентами тотчасъ же послѣ того, какъ они подняли оружіе на испанцевъ, и, въ качествѣ президента, поспѣшилъ покинуть гасіенду и отправиться къ мѣсту своей дѣятельности.

Передъ отъѣздомъ своимъ графъ собралъ всѣхъ своихъ довѣренныхъ слугъ и всѣхъ близкихъ, а также дальнихъ родственниковъ, жившихъ при немъ, въ большую залу гасіенды, чтобы проститься съ ними.

Было около 11-ти часовъ ночи; графъ не желалъ выѣхать

днемъ, чтобы не привлечь на себя вниманія испанцевъ, многочисленные отряды которыхъ во всѣхъ направленіяхъ объѣзжали окрестности гасіенды.

На дворѣ стояла темная, дождливая и бурная ночь,— вѣтеръ такъ и хлесталъ деревья, посылая крупныя капли дождя и песку въ окна гасіенды, и съ унылымъ, жалобнымъ воемъ разгуливалъ по длиннымъ корридорамъ зданія; небо порою освѣщалось блѣдными, зеленоватыми зигзагами молніи и, время отъ времени, грохоталъ надъ самою крышей раскатистый, мощный громъ.

Всѣ обитатели гасіенды стояли мрачные и опечаленные вдоль стѣнъ громадной залы. Родственникъ графа, держа за ручки полусонныхъ дѣтокъ, стоялъ подлѣ своей жены, блѣдной, болѣзненной женщины, трепетавшей передъ своимъ мужемъ, какъ жертва передъ своимъ палачемъ. Въ данный моментъ эта, въ сущности удивительно прекрасная женщина, была блѣдна, какъ смерть: ни кровинки въ лицѣ, какъ говорится, и только время отъ времени она устремляла на мужа взглядъ, полный ужаса и муки. Мужъ ея былъ также очень блѣденъ; черты его, подъ вліяніемъ какого-то внутренняго чувства, приняли странное выраженіе не то лихорадочной тревоги и, вмѣстѣ, удовлетворенности, не то низкой зависти и злорадства, которое онъ всячески старался скрыть подъ напускнымъ печальнымъ видомъ. Онъ низко свѣсилъ голову на грудь, чтобы никто не могъ прочесть чего-нибудь на его лицѣ.

Но вотъ послышались за дверью чьи-то поспѣшные шаги, дверь разомъ распахнулась на двѣ половины,—и въ залу вошелъ графъ въ сопровожденіи Рамона Крусъ, конюха графа, и Порфиріо Сандоса.

Передъ тѣмъ графъ и Порфиріо Сандосъ долго бесѣдовали наединѣ, и хотя никому не было извѣстно то, о чемъ они говорили, но тема ихъ разговора была сердечная и серьезная, такъ какъ они, входя въ залу, были сильно взволнованы.

Графъ на секунду остановился у порога и, приподнявъ шляпу, произнесъ:

— Привѣтъ вамъ, вѣрные слуги и друзья мои!

— Привѣтъ вамъ, милостивый и любимый господинъ нашъ!—отвѣтили въ одинъ голосъ всѣ слуги.

Затѣмъ графъ приблизился къ своему родственнику, все еще стоявшему неподвижно посреди залы, и, обнявъ дѣтей своихъ, нѣсколько минутъ осыпалъ ихъ горячими ласками, какія можетъ найти въ своей душѣ только нѣжно любящій отецъ. Послѣ того, онъ обратился къ своему родственнику и мягкимъ, растроганнымъ голосомъ сказалъ: „Я не стану напоминать вамъ о томъ, что сдѣлалъ для васъ; скажу только, что я старался, чтобы, живя подъ моимъ кровомъ, вы чувствовали себя счастливымъ; вы всегда старались высказать мнѣ ваше расположеніе и признательность; но вотъ теперь настало время доказать мнѣ то и другое на дѣлѣ. Я уѣзжаю, — времена нынче дурныя, — вы это сами знаете; смерть стережетъ каждаго изъ насъ, мечтавшихъ о возрожденіи родной страны, за каждымъ угломъ дома, за каждымъ поворотомъ дороги. Я рѣшился пожертвовать своею жизнью этому дѣлу, но не хочу, чтобы преслѣдованія и нищета обрушились на головы этихъ бѣдныхъ дѣтей. Въ силу законныхъ документовъ, въ полномъ порядкѣ, я дѣлаю васъ владѣльцемъ четырехъ моихъ гасіендъ: эль Енганьо, эль Парайзо, эль Палоквемадо и эль Венадито; я удостовѣряю въ томъ, что продалъ ихъ вамъ за сумму одного милліона піастровъ, которую получилъ съ васъ сполна. Если я не вернусь и наше дѣло погибнетъ вмѣстѣ съ нами, то вы останетесь владѣльцемъ этого состоянія до совершеннолѣтія моихъ дѣтей, а когда они достигнуть этого совершеннолѣтія, то вы вернете имъ эль Енганьо и эль Парайзо за сумму въ милліонъ піастровъ, которая будетъ выплачена вамъ отъ ихъ имени, а двѣ остальныя гасіенды останутся въ вѣчномъ вашемъ владѣніи—въ благодарность за оказанныя вами семьѣ моей услуги.

— Какъ мнѣ отблагодарить васъ за такую щедрость?!—

проговорилъ, стараясь казаться растроганнымъ, родственникъ графа.

— Оберегая этихъ дѣтей, какъ своихъ родныхъ, я поручаю ихъ вамъ. Въ случаѣ, если я вернусь, условія наши останутся тѣ же: все то, что я вамъ обѣщалъ, сейчасъ вы получите отъ меня. Теперь добавлю еще одно послѣднее условіе: если бы, въ силу какой-нибудь несчастной случайности, эти дорогіе для меня существа умерли, по какой бы то ни было причинѣ,—и онъ особенно выразительно подчеркнулъ эти слова,—то вы останетесь только хранителемъ этого состоянія до того времени, пока не будетъ доказано съ полною несомнѣнностью, что смерть ихъ была естественная, непредвидѣнная и не устранимая никакими человѣческими средствами. Въ случаѣ же вы не сумѣете доказать того, что вы никакимъ образомъ не причастны къ этой катастрофѣ, и не сможете предъявить законныхъ свидѣтельствъ о смерти ихъ и моей, удостовѣренныхъ надежными свидѣтелями, вы будете лишены всего этого состоянія,—и смерть наша будетъ жестоко отомщена!

— О, вы оскорбляете меня этими страшными угрозами! Я былъ бы чудовищемъ, если бы свято не исполнилъ возлагаемыхъ на меня вами священныхъ обязанностей по отношенію къ вашимъ дѣтямъ!—воскликнулъ родственникъ графа, заливаясь слезами.

— Успокойтесь, другъ мой! Я не имѣлъ въ виду угрожать вамъ, а только хотѣлъ все предвидѣть, потому что все можетъ случиться. Я хотѣлъ предупредить васъ, что принялъ всѣ необходимыя для огражденія дѣтей моихъ мѣры, и что въ томъ случаѣ, если бы надъ ними было совершено преступленіе, то оно не осталось бы безнаказаннымъ. Выше людского суда есть еще судъ Божій,—а Богъ все видитъ, все знаетъ и читаетъ въ сердцахъ нашихъ всякую затаенную мысль, отъ Него ничто не можетъ укрыться и Его обмануть нельзя. Но я вамъ довѣряю, иначе я не поручилъ бы вамъ своихъ дѣтей!

— Я съумѣю оправдать ваше трогательное ко мнѣ довѣріе!

— Надѣюсь! Теперь еще одно послѣднее распоряженіе: тотчасъ же послѣ моего отъѣзда вы съ дѣтьми удалитесь въ гасіенду дель Енганьо. Дорога туда вамъ знакома, тамъ вы всѣ будете въ надежномъ мѣстѣ.

— Слушаю! Все будетъ исполнено, какъ вы того желаете!

— Ну, пора!—я ѣду! прощайте, кузенъ, обнимемте другъ друга и пусть Господь поможетъ намъ!

Родственники расцѣловались и простились. Затѣмъ графъ обнялъ своихъ дѣтей и сталъ прощаться съ ними. Малютки не хотѣли разставаться съ отцомъ: они плакали и цѣплялись за его платье, такъ что графу пришлось насильно вырваться отъ нихъ и почти бѣгомъ выбѣжать изъ залы.

— Прощайте! прощайте!—крикнулъ онъ голосомъ, подавленнымъ душившими его рыданіями.

Его были его послѣднія слова. Всѣ слуги въ слезахъ бросились вслѣдъ за своимъ господиномъ, чтобы еще разъ взглянуть на него.

Нѣсколько минутъ спустя, графъ уже покидалъ гасіенду, чтобы никогда болѣе не вернуться туда.

На третьи сутки пеоны принесли въ гасіенду нѣсколько до неузнаваемости изуродованныхъ труповъ: то были тѣла Рамона Круса, любимаго конюха, сопровождавшаго графа, и четырехъ слугъ, отправившихся съ нимъ, что же касается самого графа, то его тѣла не нашли.

Распространился слухъ, что испанцы, предувѣдомленные о тайномъ отъѣздѣ графа изъ гасіенды, притаились въ засадѣ и подкараулили его. Графъ смѣло защищался, но всѣ его слуги были убиты у него на глазахъ, и самъ онъ, исходя кровью отъ безчисленныхъ ранъ, принужденъ былъ сдаться.

Утверждали также, что часа за два до отъѣзда графа изъ гасіенды, какой-то замаскированный всадникъ, котораго, однако, по его рукамъ признали за темнокожаго, замбо, явился на постъ одного изъ испанскихъ командировъ отряда и вручилъ этому командиру письмо, въ которомъ сообщалось о тайномъ отъѣздѣ графа и указывалось то направленіе, по

которому онъ долженъ былъ ѣхать; послѣ того, человѣкъ этотъ помчался во весь опоръ по направленію города Долоресъ.

Капитанъ, какъ обыкновенно называли облагодѣтельствованнаго графомъ дальняго родственника его, такъ какъ онъ нѣкогда заслужилъ этотъ чинъ, служа во флотѣ, имѣлъ при себѣ индѣйца-метиса, замбо, котораго, какъ говорили, онъ выростилъ и воспиталъ. Многіе даже подозрѣвали, что этотъ замбо—побочный сынъ его: въ то время этому замбо было лѣтъ 17 или 18 и звали его Наранха. Уже тогда это былъ скрытный, лукавый, угрюмый и мрачный парень, годный только для висѣлицы; всѣ въ домѣ не терпѣли его; онъ не сближался ни съ кѣмъ; всѣ его сторонились, подозрѣвая его и, очевидно, не безъ основанія, во всемъ дурномъ, но господину своему онъ былъ преданъ, какъ собака, и во всемъ безпрекословно повиновался ему.

Отъ дона Порфиріо не укрылось отсутствіе Наранха въ ночь отъѣзда графа; онъ прокараулилъ его всю ночь и подъ утро, часовъ около пяти, увидѣлъ его возвращающимся въ гасіенду, промокшимъ до костей забрызгавшимъ грязью, тянувшимъ за собой въ поводу свою измученную лошадь. Графъ исчезъ безслѣдно, и участь постигшая его осталась покрыта непроницаемой тайной.

Нѣсколько дней спустя послѣ отъѣзда графа, согласно его распоряженію, капитанъ, увозя съ собой дѣтей, теперь уже круглыхъ сиротъ, и нѣсколькихъ вѣрныхъ слугъ Кортесовъ, выросшихъ въ домѣ графа и безусловно преданныхъ его семьѣ, а также донъ Порфиріо Сандосъ, въ гасіенду дель Енганьо.

Конечно, капитанъ очень бы желалъ отдѣлаться отъ молочнаго брата графа, но онъ не имѣлъ предлога для того, чтобы удалить его. Въ ночь отъѣзда, графъ въ присутствіи всѣхъ, почти оффиціально поручилъ своему молочному брату надзоръ за своими малютками, прося его никогда не разставаться съ ними, такъ что—волей-неволей—капитану приходилось терпѣть подлѣ себя этого человѣка, котораго онъ такъ

страшно ненавидѣлъ въ душѣ, хотя и тщательно скрывалъ это чувство.

Графъ такъ разумно распорядился своимъ имуществомъ, что испанцы, несмотря на его явное возстаніе противъ испанскаго правительства, не могли конфисковать его помѣстій и капиталовъ: все свое громадное состояніе онъ раздѣлилъ на три доли, при чемъ самая меньшая изъ нихъ была присуждена имъ самымъ законнѣйшимъ образомъ, какъ уже говорилось раньше, родственнику его, капитану, а двѣ остальныя несравненно болѣе значительныя и почти равныя доли онъ передалъ такимъ-же законнѣйшимъ путемъ, въ силу строго оформенныхъ актовъ и документовъ, одну своему молочному брату Порфиріо Сандосу, а другую одному своему дальнему родственнику, человѣку чрезвычайно богатому, представителю одной изъ младшихъ отраслей фамиліи Кортесовъ.

Человѣкъ этотъ пользовался громаднымъ вліяніемъ въ провинціяхъ Аризона, Синалоа и Сонорѣ, и испанское правительство было по неволѣ принуждено ладить съ нимъ, чтобы не нажить себѣ въ немъ серьезнаго и опаснаго врага, въ особенности въ это время смутъ и полнѣйшей анархіи. Конечно, донъ Порфиріи Сандосъ не былъ ни столь вліятельнымъ, ни столь много значущимъ лицомъ, но и его вліяніе на индѣйцевъ было весьма незначительное и кромѣ того, онъ держалъ себя совершенно въ сторонѣ отъ всякаго рода политическихъ интересовъ и движеній. Въ силу всего этого, обѣ эти личности были совершенно не прикосновенны и покойно наслаждались своими громадными богатствами, приводя тѣмъ въ бѣшенство завистливаго и алчнаго капитана.

Не взирая да строго распоряженіе графа касательно постояннаго присутствія дона Порфиріо при его дѣлахъ, капитанъ, вѣроятно, постарался-бы какимъ-нибудь путемъ обойти это распоряженіе, но одна тайная причина побуждала его не только терпѣть въ домѣ присутствіе дона Порфиріо Сандоса, но и выказывать ему возможное уваженіе, почетъ

и даже постоянно совѣтоваться съ нимъ, когда дѣло касалось дѣтей.

Но дона Порфиріо трудно было провести: онъ уже давно угадалъ тайную мысль капитана въ силу которой тотъ такъ предупредительно и дружелюбно относился къ нему. Всѣмъ членамъ семьи Кортесовъ, въ которой преданіе или легенда о гасіендѣ дель Енганьо было чѣмъ то въ родѣ символа-вѣры, было извѣстно, что гасіенда есть только внѣшній памятникъ, построенный цѣлымъ рядомъ подземныхъ ходовъ, галлерей и залъ, наполненныхъ несмѣтными сокровищами. Зналъ объ этомъ и капитанъ, но дѣло въ томъ, что графъ, по забывчивости или же умышленно, открывъ капитану тайну пути, ведущаго къ гасіендѣ, и секретъ, какъ проникнуть въ нее, совершенно не ознакомилъ его со внутренними потайными ходами, ведущими въ подземелья. Онъ, такъ сказать, ознакомилъ его только съ обитаемой частью дворца, похожей на всѣ другія гасіенды.

Сначала это не особенно огорчало капитана, который былъ увѣренъ въ томъ, что поселившись въ гасіендѣ, онъ сумѣетъ путемъ старательныхъ розысковъ и наблюденій, добиться того, что хотѣли утаить отъ него. Но въ этомъ онъ ошибся; всѣ его старанія пропали даромъ, несмотря на то, что имъ были затрачено на это много энергіи и настойчивости, много хитрости и изобрѣтательности. Въ концѣ концовъ, онъ принужденъ былъ сознаться въ томъ, что ему, вѣроятно, никогда не удастся добраться до удивительныхъ тайнъ этого жилища.

Человѣкъ, ставшій милостями графа изъ нищаго, умирающаго съ голода человѣкомъ имѣющимъ до 100,000 піастровъ обезпеченнаго ежегоднаго дохода и въ перспективѣ еще милліонъ піастровъ, считалъ себя обиженнымъ судьбой, нищимъ бѣднякомъ въ сравненіи съ тѣмъ Крезомъ, какимъ онъ могъ-бы быть, еслибы графъ открылъ ему тайный путь къ подземельямъ Вокадеро. Какъ новый Танталъ, онъ лежалъ на грудахъ золота, видѣлъ передъ глазами отрадный блескъ благороднаго металла—его распаляемое страстью воображеніе

рисовало ему цѣлыя горы золота, жемчуговъ, драгоцѣнныхъ бриллiантовъ и алмазовъ. Онъ уже протягивалъ къ нимъ свои жадныя руки, почти дотрогивался до нихъ и не могъ схватить ихъ, не могъ овладѣть ими, потому что между нимъ и этими сокровищами лежала непреодолимая преграда. А здѣсь же, рядомъ съ нимъ, былъ человѣкъ, который могъ однимъ словомъ положить конецъ мученiямъ, и этотъ человѣкъ умышленно не замѣчалъ и не понималъ его намековъ, и на всѣ его ловкiе вопросы только покачивалъ головой, сопровождая этотъ жестъ неизмѣнной иронической улыбкой.

Впродолженiи цѣлыхъ двухъ лѣтъ дѣла оставались все въ томъ же положенiи: капитанъ и донъ Порфирiо Сандосъ были повидимому добрыми друзьями, но въ сущности ихъ взаимная ненависть другъ къ другу достигла за это время крайнихъ предѣловъ. Въ теченiе этихъ двухъ лѣтъ случилось ужасное несчастiе: маленькая дочь графа, ребенокъ хилый и болѣзненный вообще, вдругъ заболѣла какой то страшной непонятной болѣзнью и, несмотря на всѣ старанiя искуснаго врача и на уходъ преданной кормилицы и самаго дона Порфирiо, менѣе чѣмъ въ два мѣсяца ребенка не стало. Эта странная смерть еще болѣе усилила и подтвердила подозрѣнiя дона Порфирiо и, несмотря на увѣренiя врача, что ребенокъ умеръ отъ малокровiя и истощенiя силъ, онъ упорно продолжалъ предполагать здѣсь убiйство и отказался наотрѣзъ подписать удостовѣренiе въ естественной смерти дѣвочки рѣшилъ еще зорче слѣдить за жизнью и здоровьемъ оставшагося въ живыхъ мальчика, будучи убѣжденъ, что капитанъ замышляетъ и на его жизнь.

Капитанъ очень оплакивалъ, по крайней мѣрѣ, повидимому, кончину ребенка, что, впрочемъ, не мѣшало особенно усердно заботиться о томъ, чтобы было какъ нельзя несомнѣннѣе установлено, что смерть ея послѣдовала отъ естественныхъ причинъ. Нежеланiе дона Порфирiо подписать этотъ актъ сильно раздражило капитана, но, до поры до времени, враги продолжали вести все ту же упорную, но затаенную борьбу.

Съ нѣкотораго времени капитанъ сталъ часто отлучаться и даже подолгу оставался въ отсутствіи, и съ каждымъ разомъ, возвращаясь, казался все болѣе удрученнымъ и опечаленнымъ.

Однажды, пробывъ въ отсутствіи около двухъ мѣсяцевъ, капитанъ вернулся въ гасіенду блѣдный, съ нахмуреннымъ челомъ и, очевидно, сильно взволнованный и разстроенный. Первый, попавшійся ему навстрѣчу человѣкъ, былъ донъ Порфиріо Сандосъ. При видѣ его, глаза капитана засвѣтились какимъ-то особымъ блескомъ; но, овладѣвъ собою, онъ любезно раскланялся съ нимъ и сказалъ самымъ ласковымъ голосомъ:

— Дорогой донъ Порфиріо, мнѣ было бы необходимо поговорить съ вами.

— Я весь къ вашимъ услугамъ, сеньоръ!—отвѣчалъ донъ Порфиріо.

— Въ данный моментъ это, конечно, невозможно,—мнѣ надо сказать вамъ слишкомъ много, а я усталъ съ дороги,—но вечеромъ, если вы ничего противъ этого не имѣете, я приду къ вамъ, на вашу половину, и тамъ мы побесѣдуемъ съ вами.

— Какъ вамъ будетъ угодно, сеньоръ! Я буду имѣть честь ожидать васъ къ себѣ.

Затѣмъ они раскланялись и разошлись. Донъ Порфиріо направился въ уерту (садъ), а капитанъ, въ сопровожденіи своего неразлучнаго Наранхи, на свою половину.

X. Въ которой донъ Порфиріо открываетъ, наконецъ, имя знаменитаго главы Платеадосовъ.

Донъ Порфиріо занималъ въ гасіендѣ дель Енганьо аппартаменты, предназначавшіеся обыкновенно для кратковременныхъ пребываній здѣсь графовъ Кортесовъ, во время ихъ рѣдкихъ побывокъ. Аппартаменты эти состояли изъ роскошно

обставленной гостиной, рабочаго кабинета, спальной и уборной, которая въ то же время была и ванной.

Дѣти графа, со времени своего прибытія въ гасіенду, помѣщались въ гостиной этого аппартамента, гдѣ спали въ двухъ маленькихъ кроваткахъ, другъ подлѣ друга. Но вотъ, теперь уже прошло нѣсколько мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ одна изъ этихъ кроватокъ, ставъ не нужной, была унесена. Кормилица дѣтей, чистокровная индіанка, спала въ той же комнатѣ, чтобы во всякое время ночи быть подлѣ дѣтей и охранять ихъ сонъ.

Было уже около восьми часовъ вечера; ночь была темная, дождливая; вѣтеръ, завывая, свисталъ въ безконечныхъ корридорахъ гасіенды. Все предвѣщало близкую бурю и грозу. Донъ Порфиріо Сандосъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ передъ столомъ, заваленнымъ книгами и бумагами; у него подъ рукой лежала длинная шпага, два настоящихъ кухенрейтера, шляпа съ широкими полями и золотой gotilla вокругъ тульи, а рядомъ съ ней—кинжалъ.

Какое-то тяжелое предчувствіе томило душу дона Порфиріо: не ожидая ничего добраго отъ предстоящаго разговора съ капитаномъ, онъ чувствовалъ, что въ воздухѣ виситъ какое-то несчастье, и готовился къ нему. Въ комнатѣ, да и въ цѣлой гасіендѣ царила мертвая тишина, нарушаемая только унылымъ завываніемъ вѣтра. Канделябръ въ пять свѣчей слабо освѣщалъ комнату, углы которой тонули во316 мракѣ. Наконецъ, донъ Порфиріо всталъ и, заложивъ руки за спину, принялся ходить взадъ и впередъ, низко опустивъ голову и упорно глядя себѣ подъ ноги.

Вдругъ въ отдаленіи корридоровъ послышались шаги. Донъ Порфиріо прислушался.

— Наконецъ-то! Это онъ!—прошепталъ Сандосъ и, простоявъ одну секунду неподвижно, вернулся къ столу, раскрылъ книгу и закурилъ сигару.

Шаги быстро приближались и, наконецъ, смолкли у дверей; пеонъ распахнулъ двери кабинета и посторонился, про-

пуская впередъ капитана, за которымъ онъ затворилъ дверь и затѣмъ поспѣшно удалился.

Сбросивъ плащъ и шляпу, вошедшій оказался въ полномъ верховомъ костюмѣ, съ длиннымъ кинжаломъ за голенищемъ праваго сапога, съ двумя пистолетами, засунутыми за поясъ, и длинной саблей у бедра.

— Вотъ и я! Добрый вечеръ, донъ Порфиріо!—сказалъ онъ, раскланиваясь съ молочнымъ братомъ графа, который всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу своему гостю.

— Добро пожаловать, сеньоръ! Вы видите, я ожидалъ васъ!—сказалъ донъ Порфиріо, указывая жестомъ на разложенное на столѣ оружіе.

Капитанъ на мгновеніе побагровѣлъ, брови его сдвинулись; но, оправившись почти сейчасъ же, онъ спокойно усѣлся на предложенную ему хозяиномъ бутаку и, раскуривая прекрасный гонрадесъ, сказалъ:

— Какъ только мы переговоримъ съ вами, мнѣ придется снова сѣсть на коня и ѣхать.

— Такъ вы дѣйствительно намѣрены говорить со мной?

— Ну, да, разъ я просилъ васъ принять меня сегодня!

— Ведя такой замкнутый образъ жизни, какъ мы, темъ для разговора у насъ можетъ быть очень мало.

Капитанъ закусилъ губу.

— Къ чему бы мнѣ было и безпокоить васъ, если бы я не имѣлъ надобности поговорить съ вами?!

— Я положительно не знаю, что могло побудить васъ явиться сегодня ко мнѣ въ такое позднее время!

Наступило небольшое молчаніе; противники присматривались другъ къ другу, незамѣтно наблюдая одинъ за другимъ. Капитанъ заговорилъ первый.

— Быть можетъ,—заискивающимъ голосомъ началъ онъ,— вы полагали, что я желаю сдѣлать вамъ какое-нибудь предложеніе?

— Можетъ быть!—уклончиво отвѣчалъ донъ Порфиріо.

— Если такъ, то могу ли я разсчитывать на ваше дружеское ко мнѣ расположеніе?

— О, вы сами знаете, насколько я всегда былъ расположенъ къ вамъ съ перваго же дня, когда я имѣлъ честь увидѣть васъ!—иронически проговорилъ донъ Порфиріо.

— Значитъ, я могу надѣяться, что моя просьба будетъ встрѣчена вами благосклонно?

— Аа... у васъ есть просьба ко мнѣ...

— Извините, мы только еще предполагаемъ все это, я еще ничего не сказалъ вамъ.

— Да, совершенно вѣрно!

— Итакъ, вамъ, вѣроятно, извѣстно, что война продолжается съ возростающимъ озлобленіемъ съ обѣихъ сторонъ.

— Нѣтъ, я объ этомъ рѣшительно ничего не знаю: вѣдь съ того времени, какъ мы поселились въ этой гасіендѣ, я не разу отсюда не отлучался, и до насъ не доходятъ никакія вѣсти извнѣ.

— Да, это правда,—итакъ, война все продолжается, индѣйцы всѣ поголовно возстали, и генералъ Морелосъ двинулся теперь на Мексико, во главѣ довольно многочисленной арміи.

— Кто такой этотъ генералъ Морелосъ, сеньоръ?

— Священникъ маленькой деревеньки Некупэтаро и Каракуаро, назначенный генераломъ Гидальго главнымъ командиромъ Tierras Calientes; послѣ смерти Гидальго, онъ замѣнилъ его и принялъ на себя командованіе „арміей Независимости“.

— Такъ Гидальго умеръ!—воскликнулъ донъ Порфиріо съ нескрываемымъ волненіемъ.

— Да, сеньоръ, потерпѣвъ пораженіе подъ Кальдерономъ отъ испанскаго генерала Кулисха. Благополучно отступивъ, Гидальго, Амгендъ и Абасоло двинулись къ границѣ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ они разсчитывали запастись оружіемъ и снарядами, но, подло преданные однимъ изъ своихъ же сторонниковъ,—дономъ Игнасіо Элизондо,—они были захвачены врасплохъ, забраны въ плѣнъ, преданы суду и, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, приговорены къ смерти и казнены.

— Эти люди положили жизнь свою за независимость родины, будутъ отомщены!

— Да, и это уже началось; кровь льется, какъ рѣка,— война идетъ ужасная: обѣ стороны совершаютъ самыя возмутительныя злодѣянія. Повсюду только и слышно, что объ убійствахъ, грабежахъ и поджогахъ. Нужда повсюду страшная: тѣ, которые не гибнутъ на полѣ брани, умираютъ отъ голода на большихъ дорогахъ, въ рытвинахъ и оврагахъ или превращаются въ разбойниковъ, нападающихъ какъ на испанцевъ такъ и на мексиканцевъ, безо всякаго различія. И вотъ, несчастія, обрушившіяся на нашихъ бѣдныхъ соотечественниковъ, не пощадили и насъ.

— Что вы хотите этимъ сказать, сеньоръ?—съ живостью спросилъ донъ Порфиріо.

— А то, что наше положеніе въ данное время таково: ель Венадито, ель Парайзо и ель Квемадо ограблены и сожжены, стада и табуны угнаны; земли, поля всѣ опустошены; рабочихъ рукъ нѣтъ и добыть ихъ нельзя ни за какія деньги. Всѣ индѣйцы и пеоны или завербованы той или другой изъ враждующихъ сторонъ, или же пристали къ разбойничьимъ шайкамъ, наводняющимъ всю страну, такъ что, не имѣя ни скота, ни хлѣба, ни овощей и плодовъ, ни даже денегъ, чтобы купить все это, и намъ придется умирать съ голода.

— Что я могу тутъ сдѣлать? Мои помѣстья также, вѣроятно, пострадали и опустошены, какъ и ваши.

— Объ этомъ я ничего не могу сказать вамъ; простите меня, что я думалъ только о своихъ убыткахъ и утратахъ: теперь у меня ничего рѣшительно не осталось. Вотъ вѣсти, которыя я привезъ сегодня изъ моей послѣдней поѣздки.

— Да, это печально, но что могу я сдѣлать?

— О, очень многое, если только захотите!

— Не откажитесь объяснить, что именно.

— Къ чему тутъ объясненія, вы и такъ поняли меня!

— Нѣтъ, я никогда не умѣлъ разгадывать шарадъ или загадокъ.

Капитанъ досадливо сдвинулъ брови; злоба вскипала въ

немъ, онъ сдерживался съ трудомъ. А донъ Порфиріо, напротивъ, становился все болѣе спокойнымъ и увѣреннымъ въ себѣ.

— Я уже сказалъ вамъ, что у насъ рѣшительно ничего болѣе не осталось; намъ, во что бы то ни стало, необходимы деньги, иначе всѣ мы должны будемъ умереть съ голода. Намъ нужно много денегъ, потому что теперь все продается на вѣсъ золота. И вотъ я и прошу у васъ этихъ денегъ.

— У меня?

— Да, у васъ, донъ Порфиріо, потому что вы, если только захотите, можете спасти всѣхъ насъ!

— Я васъ менѣе, чѣмъ когда-либо понимаю, сеньоръ!— сухо отвѣтилъ донъ Порфиріо.

— А, если такъ,—при этотъ глаза капитана метнули на его собесѣдника злобный, разъяренный взглядъ,—то я скажу вамъ прямо: эта гасіенда таитъ въ себѣ несмѣтныя сокровища—она буквально набита золотомъ отъ верха до низа.

— Вы такъ полагаете?—иронически спросилъ его собесѣдникъ.

— Не только полагаю, но вполнѣ въ томъ увѣренъ, да и вамъ это также хорошо извѣстно, какъ и мнѣ!

— Ну, въ такомъ случаѣ, вы вѣрно знаете, гдѣ находятся эти богатства и откуда они взялись!

— Да, я знаю, откуда они взялись,—и вы также знаете, что сокровища Кортесовъ, коихъ я въ настоящее время являюсь единственнымъ представителемъ, таятся въ подземельяхъ этой гасіенды.

— Дѣйствительно, я слышалъ эту легенду въ дѣтствѣ!

— Это не легенда, донъ Порфиріо, и вамъ это извѣстно лучше, чѣмъ кому-либо, потому что вы знаете даже, гдѣ именно хранятся эти сокровища и тайные ходы, ведущіе къ нимъ!

Донъ Порфиріо молча пожалъ плечами.

— Я хочу, чтобы вы мнѣ открыли эту тайну!—рѣзкимъ, злобнымъ голосомъ, отчеканивая каждое слово, воскликнулъ капитанъ,—я хочу, чтобы вы выдали мнѣ всѣ эти сокровища.

— Вамъ?

— Да, мнѣ! Развѣ я въ настоящее время не единственный представитель рода Кортесовъ?

При этихъ словахъ донъ Порфирію вдругъ выпрямился и пристально, въ упоръ, взглянулъ на капитана.

— Какъ, вы выдаете себя за главу этого славнаго рода!— воскликнулъ онъ громкимъ голосомъ и съ такимъ гордымъ достоинствомъ, что капитанъ невольно вздрогнулъ,—вы, котораго, умирающимъ съ голода, пріютилъ у себя изъ милости графъ Кортесъ?! Вы осмѣливаетесь теперь принимать на себя роль главы этой семьи! Вы розыгрываете передо мной господина и повелителя! Вы утверждаете, что вы единственный наслѣдникъ и представитель этого громкаго рода! Такъ вы, значитъ, вполнѣ увѣрены въ смерти вашего благодѣтеля?

При этомъ донъ Порфиріо всталъ и сдѣлалъ шагъ впередъ, подавляя этого негодяя своимъ взглядомъ, полнымъ презрѣнія и гадливости.

— Я! я?—прошепталъ смущенный капитанъ.

— Да, вы, сеньоръ! — громовымъ голосомъ продолжалъ донъ Порфиріо.—Безъ сомнѣнія, Наранха, ваша креатура, присутствовалъ при смерти человѣка, которому вы всѣмъ обязаны. Онъ донесъ вамъ, конечно, что слышалъ послѣдній предсмертный вздохъ того, котораго вы подло и предательски умертвили. Быть можетъ, вашъ достойный сообщникъ держалъ въ своихъ рукахъ трупъ вашего благодѣтеля и даже вонзилъ ему, быть можетъ, въ сердце свой кинжалъ, чтобы отнять у него послѣдній остатокъ жизни!

— Смотрите! берегитесь, это чудовищное обвиненіе...

— Оно справедливо! — посмѣйте отрицать! Да нѣтъ! вы сами знаете, что я давно ужъ прочелъ ваше гнусное преступленіе на вашемъ лицѣ, убійца!

— О, нѣтъ! Это ужъ слишкомъ!—воскликнулъ до-нельзя взбѣшенный капитанъ.

— Молчи, убійца! я знаю все: ты не только убилъ твоего благодѣтеля, но ты убилъ и его ребенка! Не будь меня, ты убилъ бы и сына,—но знай, что меня ты не обманешь!

Съ первыхъ же дней я разгадалъ тебя и твою черную душу и слѣжу за тобой. Алчность тебя побудила на всѣ эти возмутительныя злодѣянія. Ставъ богатымъ, по слабости графа, ты захотѣлъ завладѣть всѣми сокровищами Кортесовъ и ограбить законнаго наслѣдника, родного сына твоего благодѣтеля. Но знай, что Богъ этого не потерпитъ, и никогда ты не будешь владѣть этими богатствами! Если ты даже сроешь до основанія эту гасіенду, если даже ты нащупаешь ихъ своей рукой — эти сокровища, какъ кладъ, никогда не дадутся тебѣ. Знай, что это я умолилъ графа не открывать тебѣ этой тайны, а онъ хотѣлъ-было открыть тебѣ ее! но я-то зналъ тебя и, слава Богу, теперь, если графъ умеръ, то, благодаря мнѣ, сынъ его найдетъ свое богатство и всѣ свои сокровища неприкосновенными.

— А, такъ это ты! ты ограбилъ меня!—обезумѣвъ отъ ярости, закричалъ капитанъ,—ну, такъ умри же! Сюда, сюда!— крикнулъ онъ.

Дверь съ шумомъ распахнулась; въ комнату вбѣжалъ Наранха и съ нимъ человѣкъ пять-шесть преданныхъ капитану людей; всѣ они были вооружены саблями и пистолетами.

— А!—засмѣялся донъ Порфиріо,—еще одно убійство и подлая западня!

— Бей! бей! убивай!—кричалъ капитанъ и выстрѣлилъ изъ пистолета въ дона Порфиріо, но тотъ былъ уже на-сторожѣ: онъ ловко увернулся отъ выстрѣла и въ то же время опрокинулъ ударомъ сабли капитана; затѣмъ, давъ два выстрѣла изъ своихъ пистолетовъ по бандитамъ, которые съ воемъ кинулись было къ нему, онъ сдѣлалъ скачекъ назадъ и скрылся за дверью спальной, которая была полуотворена. Теперь же онъ поспѣшно захлопнулъ ее за собой и засунулъ засовомъ.

Двое изъ бандитовъ были ранены выстрѣлами дона Порфиріо, но остальные, съ Наранхой во главѣ, устремились на дверь, стараясь взломать ее; капитанъ, который былъ только слегка раненъ, поднялся на ноги и возбуждалъ бандитовъ словомъ и движеніемъ.

Капитанъ зналъ, что помѣщеніе дона Порфиріо не имѣло другого выхода, кромѣ того, который преграждали теперь его люди; слѣдовательно, онъ не могъ уйти отъ нихъ.

Однако, дверь не поддавалась, и Наранха долженъ былъ сбѣгать за топоромъ. Вскорѣ дверь разлетѣлась въ щепки; бандиты ворвались въ спальную съ дикимъ крикомъ и угрозами, потрясая оружіемъ, но, не видя своей намѣченной жертвы, разбрелись по всѣмъ комнатамъ, продолжая кричать:

— Смерть ему! Смерть!

Но вдругъ всѣ они переглянулись и остановились, какъ вкопанные: всѣ комнаты были пусты. Донъ Порфиріо и ребенокъ исчезли безслѣдно, только кормилица лежала въ обморокѣ на своей постелѣ.

Напрасно капитанъ и его сообщники принялись обыскивать и обшаривать всѣ углы, имъ ничего не удалось найти: нигдѣ не оставалось ни малѣйшаго слѣда. Бандиты въ страхѣ стали креститься, предполагая здѣсь какое-то чудо.

Капитаномъ овладѣлъ припадокъ такого безсильнаго бѣшенства, который старѣетъ человѣка въ десять минутъ разомъ на нѣсколько лѣтъ.

Въ помѣщеніи дона Порфиріо все было перебито, переломано, всѣ занавѣсы, ковры и гобелены сорваны, содраны, стѣны и полъ обнажены, вездѣ и всюду стучали молотками, напрасно отыскивая какой-нибудь потайной ходъ или темную нишу: нигдѣ не было обнаружено ни малѣйшей щели или хотя бы трещины, и всѣ ихъ поиски пропали совершенно даромъ.

Проискавъ болѣе четырехъ часовъ вездѣ и всюду, капитанъ и его люди принуждены были, наконецъ, сознаться въ безполезности своихъ усилій и, признавъ себя побѣжденными, со злобой и бѣшенствомъ въ душѣ рѣшили вернуться восвояси. Капитанъ, конечно, не приминулъ допросить кормилицу, но бѣдная женщина только плакала и причитала, но сказать она ничего не могла. Напуганная пистолетными выстрѣлами и криками, донесшимися до нея изъ сосѣдней

комнаты, она впала въ обморокъ и ничего рѣшительно не знала и не видала.

Между тѣмъ какъ шайка убійцъ обыскивала всѣ углы его помѣщенія, надѣясь найти если не его, то хотя бы слѣдъ его бѣгства, донъ Порфиріо не терялъ времени. Безпрепятственно и никѣмъ не замѣченный выбрался онъ съ гасіенды и пустился бѣжать съ ребенкомъ на рукахъ напрямикъ пустыремъ. Не имѣвъ времени одѣть ребенка, онъ выхватилъ его изъ кроватки и, обернувъ одѣялами, прихватилъ съ собой его платье и бѣлье, лежавшее на стулѣ, тутъ же подлѣ кроватки.

Благодаря тому, что эта мѣстность была такъ хорошо знакома бѣглецу, а также благодаря чрезвычайно быстрому бѣгу, донъ Порфиріо, не смотря на свою живую ношу, успѣлъ уже, такъ сказать, уйти отъ погони прежде даже, чѣмъ мысль гнаться за нимъ пришла въ голову капитану. Такъ какъ донъ Порфиріо не побоялся бѣжать пустынной, безпредѣльной степью, гдѣ на много дней пути нельзя было встрѣтить никакого жилья или крова, то этимъ онъ еще болѣе обезпечилъ свою безопасность, такъ какъ капитанъ не могъ даже допустить мысли, чтобы человѣкъ съ ребенкомъ на рукахъ и пѣшій, въ такую ненастную ночь, рѣшился уйти въ саванну, гдѣ ему на каждомъ шагу могла грозить неминуемая смерть.

Но донъ Порфиріо зналъ, что онъ дѣлалъ; планъ былъ давно уже готовъ у него въ головѣ, и направленіе, избранное имъ, было ему давно знакомо.

Въ продолженіи цѣлыхъ девяти сутокъ онъ шелъ пустыней по горамъ и доламъ, переправляясь черезъ рѣки и потоки, то ведя за руку, то неся на себѣ ребенка, смѣясь и играя иногда съ мальчикомъ, чтобы придать ему побольше бодрости духа. Питаясь дичью, которую онъ тутъ же убивалъ изъ своего ружья, при громкомъ восторгѣ мальчика, восхищеннаго мѣткостью выстрѣла. Какъ человѣкъ предусмотрительный, донъ Порфиріо давно уже все подготовилъ на случай бѣгства и въ этотъ вечеръ, предчувствуя, что его разговоръ съ

капитаномъ не кончится добромъ, онъ въ своей спальной держалъ все наготовѣ. Заложивъ дверь засовомъ, онъ проворно навѣсилъ на себя большую охотничью сумку, въ которой были сухари, копченое мясо, двѣ серебряныхъ чарки, два ножа, двѣ вилки и двѣ ложки, кремень съ огнивомъ и еще кое-что. Кромѣ того, онъ надѣлъ на себя двѣ фляги, одну съ барцелонскою водкой, другую съ настоящимъ хересомъ, перекинулъ за спину ружье, а также патронташъ; вооруженный и снаряженный такимъ образомъ, онъ схватилъ ребенка и выбѣжалъ изъ гасіенды

На десятыя сутки своего странствованія, наши путники, проснувшись съ разсвѣтомъ, весело пустились въ путь. Ребенокъ очень скоро привыкъ къ этой кочевой жизни, подъ открытымъ небомъ; ему было едва пять лѣтъ и будущее не могло печалить его, онъ не думалъ даже и о завтрашнемъ днѣ. Вдругъ донъ Порфиріо неожиданно набрелъ на свѣжій слѣдъ; внимательно вглядѣвшись въ него, онъ не могъ удержать радостнаго восклицанія.

— Что съ тобой, татита?—спросилъ мальчикъ.

— А то, что мы теперь ужъ близко muchacho!— отвѣтилъ онъ, весело потирая руки.

— Откуда, татита?

— А вотъ, сейчасъ увидишь, милый! – сказалъ донъ Порфиріо, цѣлуя ребенка.

Они шли чуднымъ лѣсомъ, гигантскія махагони стояли сплошной стѣной. Прошло около часа. Наконецъ, путники добрались до красивой луговины, посреди которой живописно расположилась группа индѣйцевъ bravos, т. е. независимыхъ: ихъ было человѣкъ около двадцати.

Какъ только донъ Порфиріо завидѣлъ ихъ, онъ тотчасъ же остановился и вмѣстѣ съ ребенкомъ запрятался въ кусты, но, убѣдившись, что краснокожіе часовые еще не успѣли замѣтить его, онъ съ удивительнымъ искусствомъ принялся подражать пѣнію cantzotle (американскаго соловья), съ которымъ нашего даже сравнить нельзя. Затѣмъ онъ дважды издалъ рѣзкій крикъ сокола и притаился.

Минутъ пять-шесть спустя, три всадника на превосходныхъ степныхъ мустангахъ отдѣлились отъ группы и, миновавъ всѣхъ часовыхъ, крупною рысью направились къ тому мѣсту, гдѣ находились наши путники.

Первый изъ всадниковъ былъ старикъ благородной, аристократической наружности, съ лицомъ, носившимъ отпечатокъ доброты, энергіи и недюжиннаго ума; его глаза подъ густыми, черными, какъ уголь, бровями, казалось, метали молніи. Густая бѣлая, какъ снѣгъ, борода старика скрывала часть его лица и ниспадала густой серебристой волной ему на грудь. На немъ былъ живописный и богатый нарядъ сашема; второй всадникъ въ полномъ воинскомъ уборѣ и вооруженіи, высокій, стройный, гибкій, съ лицомъ суровымъ и строгимъ, расписаннымъ яркими красками, съ длинными и пушистыми волчьими хвостами, привѣшанными къ пяткамъ, могъ сразу быть признанъ за важнаго воина одного изъ храбрѣйшихъ этого племени. Это былъ одинъ изъ главныхъ вождей этого народа; третій былъ еще очень молодой человѣкъ, лѣтъ 17—18-ти, высокій, стройный, съ изящною манерой и ласковымъ взглядомъ; юноша въ основныхъ своихъ чертахъ имѣлъ большое сходство со старикомъ. Сашема звали Огненный-Глазъ, а молодой человѣкъ былъ сынъ его, который, не смотря на свою молодость, заслужилъ уже наименованіе „Твердая-Рука", которое впослѣдствіи пріобрѣло столь громкую извѣстность. Третій же краснокожій воинъ былъ молодой, но грозный вождь Соколъ.

Когда они очутились на разстояніи шаговъ двадцати отъ того мѣста, гдѣ притаился съ ребенкомъ донъ Порфиріо, этотъ послѣдній, взявъ мальчика на руки, выскочилъ изъ кустовъ на дорогу и, протянувъ впередъ правую руку съ выпрямленными, но плотно сжатыми пальцами, ладонью впередъ, крикнулъ громкимъ отчетливымъ голосомъ:

— Пріютъ и убѣжище у священнаго калюмета Папагосовъ и близъ ковчега перваго человѣка, для сына Мицтли-Гуайтимотзина, касика и великаго сагамора Сиболы!

Всѣ три всадника разомъ остановились.

— Сынъ Мицтли-Гуайтимотзина всегда желанный гость у воиновъ его отца!—отвѣчалъ Сашемъ, сопровождая эти слова граціознымъ жестомъ руки.

Тогда Соколъ проворно соскочилъ съ своего коня и, приблизившись къ дону Порфиріо, державшему ребенка на рукахъ, преклонилъ передъ нимъ одно колѣно и возложилъ крошечную ручку ребенка на свою голову.

— Дитя,—сказалъ онъ,—Папагосы всегда были друзьями твоего отца, котораго они любятъ и которому всегда готовы повиноваться, потому что онъ ихъ первый сагоморъ. Воины наши съ радостью умрутъ, защищая тебя. Приди и осчастливь насъ твоимъ присутствіемъ!

Затѣмъ, взявъ ребенка изъ рукъ дона Порфиріо, онъ посадилъ его на своего коня и взялъ его подъ уздцы, тогда какъ донъ Порфиріо поддерживалъ мальчика на сѣдлѣ; по знаку Сашема, всѣ медленно тронулись въ обратный путь къ тому мѣсту, гдѣ расположились индѣйцы.

Краснокожіе встрѣтили нашихъ путниковъ въ самомъ началѣ прогалины, привѣтствуя ихъ громкими радостными криками, послѣ чего всѣ поочередно стали подходить и цѣловать ребенка въ лобъ съ особымъ благоговѣніемъ и любовью.

По знаку Огненнаго Глаза, для дона Порфиріо подвели лошадь, а затѣмъ и всѣ краснокожіе вскочили на своихъ коней и во весь опоръ понеслись прямо голой степью. Передъ самымъ заходомъ солнца, они прибыли въ одно изъ зимнихъ селеній ихъ племени, въ чащѣ глухого дѣвственнаго лѣса, почти непроходимаго; селеніе это было прекрасно укрѣплено и вообще вполнѣ безопасно отъ внѣшнихъ враговъ.

Твердая-Рука умчался впередъ и прибылъ раньше другихъ въ селеніе, такъ что, при своемъ въѣздѣ въ него, наши путники были встрѣчены всѣми жителями селенія радостными привѣтствіями, сопровождаемыми скрыпомъ чичикуэ и глухимъ звукомъ гнутыхъ раковинъ, замѣняющихъ наши трубы и валторны, и воинственными свистками и дру-

гими музыкальными орудіями, дикіе звуки которыхъ заглушалъ временами нестройный лай сторожевыхъ псовъ.

Ребенка торжественно провели къ супругѣ Сашема, женщинѣ еще молодой и отличавшейся рѣдкой красотой.

Эта прелестнѣйшая женщина заключила ребенка въ свои объятія и осыпала его самыми нѣжными ласками, на которыя мальчикъ ей отвѣчалъ тѣмъ же. Затѣмъ ребенокъ на рукахъ вождей былъ снесенъ и посаженъ подъ великій калюметъ войны, подъ сѣнью священнаго тотэма этого племени, который развивался надъ нимъ. Сашемъ всталъ по правую сторону ребенка, а Соколъ по лѣвую, затѣмъ вожди стали подходить одинъ за другимъ и клялись именемъ Ваконда въ своей дружбѣ, преданности и покровительствѣ ребенку. По окончаніи этой церемоніи, молодые воины исполнили свой характерный танецъ, а затѣмъ жена вождя удалилась въ свою хижину и увела съ собой ребенка.

Въ тотъ же вечеръ, когда взошла луна, всѣ вожди собрались въ залу совѣта или совѣщаній,—и здѣсь донъ Порфиріо подробно разсказалъ имъ, что именно принудило сына сагомора Сиболы искать пріюта и убѣжища у Команховъ Папагосовъ. Донъ Порфиріо прожилъ цѣлый мѣсяцъ въ этомъ зимнемъ селеніи Папагосовъ, чтобы ребенокъ исподволь могъ привыкнуть къ этой новой обстановкѣ и своимъ новымъ покровителямъ, а затѣмъ, простившись съ супругой Сашема и поцѣловавъ ребенка, однажды по утру съ восходомъ солнца вскочилъ на превосходнѣйшаго степного мустанга и, вмѣстѣ съ Твердой-Рукой и Соколомъ, покинулъ селеніе краснокожихъ. Всадники наши избрали путь по направленію къ Сонорѣ; и только когда почти подъѣхали къ Тубеку спутники дона Порфиріо разстались съ нимъ и онъ направился въ гасіенду дель Пальмаръ, гдѣ съ тѣхъ поръ и поселился.

Послѣ того прошло около полугода безо всякихъ особыхъ приключеній. Но вотъ, однажды вечеромъ, въ гасіенду дель Пальмаръ прискакалъ Твердая-Рука съ ужасной вѣстью: большой отрядъ прекрасно вооруженныхъ блѣднолицыхъ ворвался ночью въ селеніе Папагосовъ, почти безлюдное въ

тотъ моментъ, такъ какъ всѣ воины находились въ отсутствіи по случаю осенняго охотничьяго времени, когда всѣ индѣйцы, кромѣ старыхъ и хилыхъ да женщинъ и дѣтей, покидаютъ свои селенія и отправляются въ далекія охотничьи экскурсіи. Во главѣ бѣлолицыхъ явился самъ капитанъ; горсть индѣйцевъ мужественно отстаивала свое селеніе и въ концѣ концовъ, послѣ весьма кровопролитной схватки, принудила непріятеля къ поспѣшному отступленію, почти къ бѣгству. Тутъ вдругъ обнаружилось, что ребенокъ, порученный этому племени, былъ выкраденъ врагомъ, который и увезъ его съ собой.

Тогда воины Папагосовъ, подъ предводительствомъ Твердой-Руки тотчасъ пустились въ погоню за блѣднолицыми и шли по ихъ слѣду до маленькаго порта Нижней Калифорніи. Здѣсь имъ пришлось узнать, что за два дня до ихъ появленія въ этомъ городишкѣ или вѣрнѣе, деревушкѣ, бѣдный ребенокъ былъ сданъ на судно неизвѣстной національности, которое, часъ спустя послѣ того снялось съ якоря и ушло въ море.

Краснокожіе воины, вбѣшенные своею неудачей, бросились по слѣдамъ блѣднолицыхъ, которыхъ настигли уже въ горахъ. Здѣсь они дали имъ кровопролитное сраженіе, при чемъ перебили и сняли скальпы почти всей шайки, за исключеніемъ очень немногихъ, которымъ удалось бѣжать, вмѣстѣ съ ихъ вождемъ, капитаномъ Кортесъ, послѣ отчаянной обороны. Ихъ уцѣлѣло всего пять или шесть человѣкъ.

Эта страшная вѣсть такъ поразила дона Порфиріо, что онъ едва не умеръ съ горя; въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ доктора не надѣялись спасти его, но наконецъ, здоровье и силы вернулись, къ нему и съ этого момента онъ повелъ глухую, затаенную борьбу, безъ отдыха и пощады, съ убійцами семьи его молочнаго брата.

Годъ проходилъ за годомъ, донъ Порфиріо отлично зналъ о каждомъ движеніи и поступкѣ своего заклятаго врага, зналъ, что послѣдній, отчаявшись въ возможности добраться до сокровищъ семьи Кортесовъ, охраняемыхъ такою недо-

ступною тайной, рѣшился переселиться въ гасіенду Венадито, которая, вопреки его словамъ, не была ни сожжена, ни ограблена, равно какъ и всѣ остальныя его помѣстья. Но въ погонѣ за несмѣтными богатствами и легкой, быстрой наживой, этотъ человѣкъ совершенно запустилъ у себя вездѣ сельское хозяйство и вскорѣ дошелъ до крайней и постыдной нищеты и, ставъ во главѣ отчаянной шайки мерзавцевъ, началъ разбойничать.

То была сотня самыхъ отчаянныхъ бандитовъ, настоящихъ висѣльниковъ, выдававшихъ себя за гверильясовъ, но въ сущности грабившихъ безъ разбора мексиканцевъ и испанцевъ, совершая неслыханныя злодѣянія въ провинціяхъ Сонорѣ, Синалоа, Шихуакуа и Аризона, наводя страхъ на жителей и прикрываясь то тѣмъ, то другимъ флагомъ.

Мѣстомъ убѣжища этихъ отъявленныхъ разбойниковъ стала гасіенда дель Енганьо, гдѣ они хранили награбленное имущество и держали своихъ заложниковъ и плѣнниковъ до выкупа.

Капитанъ, слѣдившій за всѣмъ происходившимъ въ странѣ, предвидѣлъ пораженіе испанцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, водвореніе порядка въ странѣ, что означало конецъ безнаказанности его злодѣяній. Тогда онъ вдругъ сбросилъ маску и разомъ преобразовалъ свою мнимую гверилла въ настоящихъ бандитовъ, чѣмъ они и были съ самаго начала. Завязавъ связи и сношенія во всѣхъ провинціяхъ Мексики, онъ образовалъ громадное общество, которое вскорѣ получило названіе Платеадосовъ.

Въ настоящее время Платеадосы стали такою силой, что даже само правительство принуждено считаться съ ними и лишь съ опаской рѣшается затрогивать ихъ.

— Теперь вы видите, съ какого рода врагами намъ предстоитъ бороться,—что вы объ этомъ думаете?

— Очень много, прежде всего, конечно, это негодяй и мерзавецъ, которому нѣтъ ни имени, ни названія, но извините, я прерываю васъ: вы, кажется, хотѣли еще что-то добавить.

— Нѣтъ, мой разсказъ оконченъ, я не имѣю ничего сказать болѣе.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ сдѣлать вамъ нѣсколько вопросовъ.

— Сдѣлайте одолженіе!

— Вы, сколько я замѣтилъ, умышленно избѣгали все время произносить имя этого негодяя, котораго мы, какъ я надѣюсь, вскорѣ выслѣдимъ и затравимъ въ самомъ его логовищѣ.

— Да, я не хотѣлъ произносить этого имени, тѣмъ болѣе, что оно вамъ извѣстно.

— Какъ? неужели донъ Мануэль?

— Да, сеньоръ, это донъ Мануэль Андраде де-Линаресъ Гуайтимотзинъ.

— Боже мой!—горестно воскликнулъ донъ Торрибіо,—возможно ли, чтобы подобный человѣкъ...

— Все возможно, сеньоръ!—сурово прервалъ его донъ Порфиріо.

— Бѣдная Санта!—прошепталъ молодой человѣкъ -и какъ это допустила судьба, чтобы это чистое, невинное созданіе было во власти этого чудовища.

— Да, она дѣйствительно очень несчастна!—подтвердилъ донъ Порфиріо, уловившій слова дона Торрибіо,—ее слѣдуетъ пожалѣть, потому что она не заслуживаетъ такой участи. Бѣдное, чистое дитя, свѣтлый ангелъ, попавшій въ гнѣздо демоновъ; но мы ее спасемъ, дорогой донъ Торрибіо!

— Да! клянусь, что мы спасемъ ее! энергично воскликнулъ молодой человѣкъ.—Благодарю васъ, донъ Порфиріо, вы вернули мнѣ жизнь этими словами.

— Мы съ вами вѣдь друзья, донъ Торрибіо—и мнѣ больно видѣть, что вы страдаете. Ну, а теперь спрашивайте, что вы еще хотѣли меня спросить.

— Да вотъ что меня крайне удивляетъ: почему вы, зная такъ хорошо всѣ тайны гасіенды дель Енганьо, никогда не воспользовались ими, чтобы отомстить этому извергу? почему вы съ первыхъ же дней не обрушились на этого звѣря

въ самой его берлогѣ, вѣдь для васъ ничего не могло быть легче?

— Дѣйствительно, но пробраться одному въ гасіенду значило влетѣть волку въ пасть безо всякой пользы; а проникнуть туда вооруженной силой—меня удерживало одно чувство.

— Какое-же?

— Какъ вамъ извѣстно, хотя я простой индѣецъ manso, которыхъ бѣлые люди надѣляютъ обиднымъ прозвищемъ gentei sin razon т. е. люди безъ разума, но я былъ воспитанъ графомъ де-Монте-Сума-Кортесъ, который любилъ меня какъ брата и смотрѣлъ на меня, какъ на равнаго себѣ во всемъ. Девизъ этой благородной семьи короткій и простой, онъ гласитъ: Todo por el honor!

„Все ради чести“—и этотъ-то девизъ я всегда имѣлъ передъ глазами; онъ запечатлѣлся въ моемъ сердцѣ и сталъ руководящей нитью всей моей жизни. Однажды, это было неза долго передъ его отъѣздомъ, графъ призвалъ меня въ свой кабинетъ и заперъ дверь на ключъ. Братъ! сказалъ, тебѣ извѣстна легенда о гасіендѣ дель Енганьо и ты, конечно, знаешь, какой завѣтъ и клятва возлагаются на главу нашей семьи; теперь же мы живемъ въ такое время, когда смерть подкарауливаетъ насъ за каждымъ кустомъ; быть можетъ, вскорѣ событія призовутъ и меня на поле брани и принудятъ принять дѣятельное участіе въ этой великой и священной борьбѣ за независимость нашей родины, и тогда, ты понимаешь, все можетъ случиться — всѣ мы смертны.

„Донъ Мануэль де-Линаресъ, мой троюродный братъ, никоимъ образомъ не можетъ стать моимъ наслѣдникомъ и пріемникомъ званія главы нашего рода, въ случаѣ если бы мнѣ было суждено погибнуть отъ испанской пули, да и къ тому же что-то говоритъ мнѣ, чтобы я не довѣрялся ему. Конечно, у меня есть сынъ, но онъ вѣдь еще слишкомъ молодъ, чтобы я могъ передать ему тайну нашего рода, а ты мой другъ, мой братъ, мы съ тобой кормлены одною грудью,

а потому ты мнѣ ближе всѣхъ—я не могу уѣхать, унося съ собой тайну нашей гасіенды дель Енганьо—и эту тайну я хочу открыть тебѣ одному. Если сынъ мой доживетъ до своего совершеннолѣтія, ты откроешь ее ему, если же онъ умретъ ребенкомъ, то пусть и тайна эта умретъ въ твоей груди. Поклянись мнѣ Богомъ и нашимъ родовымъ девизомъ, что ни въ какомъ случаѣ, что бы тамъ ни произошло, не откроешь никому этой тайны, которую я довѣряю тебѣ. Я поклялся, и, спустя два дня, мы вдвоемъ съ графомъ отправились въ гасіенду дель Енганьо, и здѣсь съ планомъ въ рукахъ обошли съ нимъ всѣ тайные ходы, всѣ лабиринты залы, корридоры, однимъ словомъ, весь этотъ таинственный замокъ вплоть до самыхъ потайныхъ его уголковъ. Затѣмъ, вернувшись въ el Paraiso, онъ вручилъ мнѣ планъ гасіенды дель Енгальо и, поцѣловавъ меня, сказалъ: „Теперь ты знаешь все, помни же свою клятву и нашъ родовой девизъ“. И я помнилъ все это, всю свою жизнь, сеньоръ!—добавилъ донъ Порфиріо,—вотъ почему донъ Мануэль де-Линаресъ спокоенъ въ своемъ убѣжищѣ — потому что, пока я живъ, этой тайны не открою никому, кромѣ сына моего брата.

— Да, теперь я васъ понимаю и уважаю васъ еще болѣе, если возможно.

— Вотъ почему сердце мое затрепетало отъ радости, когда я узналъ о странномъ дарѣ, которымъ наградилъ васъ Господь: я почувствовалъ что во мнѣ снова оживаетъ надежда, что теперь, не нарушая данной клятвы я буду съ помощью вашей имѣть возможность отомстить за моего брата и добиться кары виновныхъ.

— Благодарю Создателя, даровавшаго мнѣ эту способность, которая дастъ мнѣ возможность совершить дѣло высшаго правосудія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, избавить эту несчастную страну отъ шайки грозныхъ бандитовъ, наводившихъ страхъ на все населеніе страны. Храните вашу тайну, донъ Порфиріо, я сумѣю и помимо васъ пробраться въ гасіенду, накрыть тамъ этихъ разбойниковъ и раззорить ихъ гнусное

гнѣздо. Скажите, когда же мы отправимся на ріо-Жиля (rio Cjila).

Донъ Порфиріо вопросительно взглянулъ на Твердую-Руку.

— Я разсчитываю отправиться въ путь завтра по утру! — отвѣтилъ вождь краснокожихъ.

— Ну, такъ, до завтра! сказалъ донъ Торрибіо, вставая со своего мѣста.

— Хорошо, пусть до завтра,—согласился гасіендеро,—теперь уже три часа ночи, пора намъ пойти отдохнуть!

Всѣ трое разстались, дружески пожавъ руки, и разошлись по своимъ спальнямъ.

XI. Появленіе новыхъ личностей и ознакомленіе съ ними.

Вернувшись въ свою комнату, донъ Торрибіо, вмѣсто того, чтобы раздѣться и лечь въ постель, кинулся на свою бутакка и далъ волю мыслямъ.

Ему было вовсе не до сна; онъ былъ страшно взволнованъ: все слышанное имъ въ эту ночь съ быстротой вихря проносилось въ его мозгу, кружась и путаясь, точно въ водоворотѣ; ему не вѣрилось, чтобы все это была дѣйствительность; возможно ли, чтобы человѣкъ могъ быть подобнымъ извергомъ, такимъ чудовищемъ, какъ этотъ донъ Мануэль де-Линаресъ?

Затѣмъ мысли его переносились къ другому,—къ страннымъ случайностямъ его встрѣчи съ этимъ самымъ дономъ Мануэлемъ въ глухой, убогой деревушкѣ Нижней Калифорніи; къ надменной, но аристократической манерѣ и обращенію этого человѣка, его знакомству съ нимъ, почти дружбѣ, и удивительному самообладанію этого человѣка.

Вслѣдъ за этимъ воспоминаніемъ въ памяти его возставалъ и свѣтлый образъ прелестной дѣвушки, такъ горячо любимой имъ; а тамъ, по какому-то странному капризу мозга, онъ вдругъ вернулся къ воспоминаніямъ своего ранняго дѣт-

ства съ того момента, какъ его ребенкомъ оставили въ лѣсу въ пампасахъ Буеносъ-Айреса и до самой смерти растреадора и его жены, этихъ добрыхъ, честныхъ и благородныхъ людей, которые такъ искренно любили его и сдѣлали его такимъ счастливымъ. Потомъ передъ нимъ стали проноситься картины его дѣятельной скитальческой жизни по морямъ и чужимъ краямъ, гдѣ, благодаря неизмѣнному счастью и удачѣ во всемъ, онъ нажилъ громадное состояніе; затѣмъ, его воспоминанія переносили его опять къ тому, съ чего онъ началъ,—опять ему начинало казаться, что между его жизнью и диковинными, странными событіями, слышанными имъ въ эту ночь, существуетъ какая-то тѣсная связь.

Ему настойчиво напрашивалась мысль, что у дона Порфиріо и Твердой-Руки была какая-то тайная цѣль—разсказать ему все это и, мало-по-малу, ему начинало казаться, что онъ вовсе не чуждъ всѣхъ этихъ событій, какъ это ему казалось по началу, и въ его памяти какъ будто воскресало что-то забытое, неясное, но смутно жившее гдѣ-то на днѣ души, въ туманѣ блѣдныхъ воспоминаній давняго прошлаго.

Вдругъ онъ порывисто поднялся съ мѣста и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, право, я, кажется, схожу съ ума!—вымолвилъ онъ, проводя рукой по лбу,—я брежу!.. нѣтъ, это невозможно! надо лечь и заснуть скорѣе.

И онъ поспѣшно подошелъ къ кровати, но тотчасъ же измѣнилъ намѣреніе и, подойдя къ окну, распахнулъ его настежъ. Въ этой же комнатѣ, въ дальнемъ углу, на своихъ сѣнникахъ спали Лука Мендесъ и Пепе, завернувшись въ свои зарапе. Эту привычку спать въ комнатѣ своего господина они усвоили себѣ во время его болѣзни, а потомъ такъ и осталось все безъ измѣненій.

Порывистыя движенія дона Торрибіо разбудили его вѣрныхъ слугъ, которые освѣдомились тотчасъ же, не требуется ли что ихъ господину.

Молодой человѣкъ отвѣчалъ отрицательно и, высунувшись по поясъ за перила маленькаго балкончика подъ окномъ,

сталъ жадно вдыхать въ себя свѣжій ночной воздухъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ онъ прислушивался къ шелесту вѣтра въ вѣтвяхъ деревьевъ, къ неуловимымъ, неяснымъ звукамъ ночной тишины, и затѣмъ, мало-по-малу, мысли его снова возвращались все къ тому же предмету и онъ снова начиналъ уноситься въ даль прошедшаго, безсознательно сплетая все слышанное съ воспоминаніями своей жизни; вдругъ ему показалось, что кто-то осторожно ходитъ у него за спиной; повернувъ голову, онъ небрежно взглянулъ назадъ черезъ плечо.

— А, это вы, Лука Мендесъ!—сказалъ онъ,—что вамъ нужно?

— Прежде всего, я хотѣлъ спросить вашу милость, здоровы ли вы, и затѣмъ обратиться къ вамъ съ просьбой.

— Я здоровъ, другъ мой, немного взволнованъ только—нервы слегка возбуждены, но это ничего, пустяки, къ утру все пройдетъ. Но говорите, какая у васъ просьба.

— То, о чемъ я собираюсь просить вашу милость, можетъ показаться вамъ такъ странно, что я очень прошу, умоляю вашу милость выслушать меня до конца.

— Прекрасно, говорите, я обѣщаю вамъ, что не стану васъ прерывать.

— Я желалъ бы знать, ваша милость, довольны вы были моей службой и считаете ли вы меня человѣкомъ, который преданъ вамъ всей душой.

— Мнѣ положительно не въ чемъ упрекнуть васъ, Лука Мендесъ,—ласково отвѣтилъ молодой человѣкъ,—и я имѣлъ за это время не одинъ случай убѣдиться въ томъ, что вы дѣйствительно преданы мнѣ; еще на дняхъ я говорилъ дону Порфиріо, что ручаюсь за васъ, какъ за самого себя.

— Благодарю васъ, ваша милость, и надѣюсь, что въ скоромъ времени буду имѣть случай еще разъ доказать вамъ самымъ несомнѣннымъ образомъ мою преданность вамъ.

— Я вѣрю, что вы воспользуетесь для того каждымъ удобнымъ случаемъ; но говорите, въ чемъ заключается ваша просьба.

— Я прошу вашу милость разрѣшить мнѣ немедленно оставить службу у васъ и опредѣлиться на службу къ другому лицу.

— Хмъ!—пробормоталъ донъ Торрибіо, удивленно глядя на старика и полагая, что онъ не совсѣмъ разслышалъ его слова.

Лука Мендесъ еще разъ повторилъ свою просьбу ровнымъ, спокойнымъ голосомъ, сопровождая ее низкимъ, почтительнымъ поклономъ.

— Что? что это можетъ значить? такъ это та безграничная преданность, которой вы только что похвалялись?—съ негодованіемъ воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Я умоляю васъ, ваша милость, выслушать меня до конца!—спокойно продолжалъ Лука Мендесъ.

— Къ чему? Что можете вы еще добавить въ оправданіе вашего страннаго поведенія?—воскликнулъ донъ Торрибіо съ возростающимъ гнѣвомъ.—Я не хочу ничего болѣе слышать. Уйдите, уйдите сейчасъ же, вы мнѣ болѣе не слуга— идите, говорю вамъ, я васъ не знаю...

И онъ повернулся къ нему спиной и снова сталъ глядѣть въ окно.

Старикъ не шевелился съ мѣста, стоя какъ вкопанный, скрестивъ на груди руки, молча и покорно.

Спустя минуту, молодой человѣкъ обернулся и увидѣлъ его; брови его нахмурились, глаза потемнѣли и самъ онъ слегка поблѣднѣлъ.

— Какъ!—воскликнулъ онъ,—вы еще здѣсь! Кто же васъ держитъ, развѣ вы не слыхали, что я приказалъ вамъ уйти сейчасъ же! а, понимаю, быть можетъ, вамъ слѣдуетъ получить съ меня сколько нибудь денегъ, вотъ берите и уходите! — сказалъ онъ, доставая кошелекъ, который онъ кинулъ ему.

— Ну, теперь мы, кажется, въ разсчетѣ—уходите! Я васъ не знаю больше!

Кошелекъ грузно упалъ къ ногамъ Луки Мендеса, но тотъ не наклонился, чтобы поднять его; онъ только поблѣднѣлъ,

какъ мертвецъ, и двѣ крупныя слезы медленно покатились по его щекамъ.

— Ваша милость,—сказалъ надорваннымъ голосомъ старикъ,—я не уйду до тѣхъ поръ, пока вы не позволите мнѣ, какъ обѣщали, объяснить вамъ мое поведеніе, повидимому, не похвальное послѣ всѣхъ тѣхъ благодѣяній, которыя вы оказали мнѣ.

Донъ Торрибіо понялъ, что Лука Мендесъ не даромъ такъ настаиваетъ и что, вѣроятно, онъ имѣетъ сказать ему нѣчто особо важное. Онъ устремилъ на старика свой проницательный, ясный взглядъ и сказалъ отрывисто и рѣзко:

— Ну, хорошо, говорите, я слушаю!

И отойдя отъ окна, молодой человѣкъ откинулся на близь стоявшую бутакку и устремилъ свой вопросительный взглядъ на старика.

— Я не забылъ вашихъ благодѣяній, ваша милость, и поклялся въ душѣ посвятить вамъ всецѣло жалкій остатокъ дней моихъ. Вы знаете, ваша милость, что я ношу въ душѣ своей тайну, о которой я уже говорилъ вамъ; вы были такъ великодушны, ваша милость, что позволяли мнѣ пользоваться почти полной свободой, на службѣ у васъ, и это дало мнѣ возможность разузнать очень многое, весьма важное и для меня и для васъ, благодаря чему я надѣюсь вскорѣ имѣть возможность оказать вамъ не маловажную услугу и доказать мою глубокую преданность вамъ. Во время вашей тяжкой болѣзни, въ минуты лихорадочнаго бреда, вы открыли мнѣ цѣль вашего пребыванія въ этой странѣ, словомъ, ту миссію, которую возложило на васъ мексиканское правительство. Съ тѣхъ поръ я знаю, что вы и я: мы преслѣдуемъ съ вами одну и ту же цѣль. Конечно, я не могу мечтать объ уничтоженіи этой возмутительной ассоціаціи Платеадосовъ,—эта задача мнѣ не по силамъ,—но глава этой ужасной шайки, организаторъ ея, этотъ человѣкъ безъ совѣсти и чести, именно то лицо, къ которому я питаю непримиримую ненависть и вражду, и далъ клятву отомстить ему за себя и наказать его за его злодѣянія, хотя бы это должно было мнѣ

стоить жизни. И ради этого я безропотно переносилъ всѣ муки и страданія, ради этого я жилъ и живу, чтобы наконецъ насладиться моею справедливой и страшной местью. И вотъ, когда я вдругъ узналъ, что вы и я—оба имѣемъ одну и ту же цѣль, я поклялся содѣйствовать вамъ всѣми силами, всѣми зависящими отъ меня средствами. Я сталъ подводить тайныя мины подъ вашего и моего врага и старанія мои увѣнчались самымъ блистательнымъ успѣхомъ. Донъ Мануэль де-Линаресъ сдѣлалъ мнѣ нѣкоторыя предложенія, онъ уже до того нѣсколько разъ имѣлъ со мной тайные переговоры, и нѣсколько часовъ тому назадъ мы съ нимъ заключили договоръ, согласно которому я долженъ оставить службу при васъ и поступить къ нему, словомъ; я буду измѣнять вамъ въ его пользу, я останусь вашимъ слугою только для вида, ставъ преданнымъ шпіономъ и соглядатаемъ дона Мануэля. Мои отсутствія вслѣдствіе этого должны сдѣлаться болѣе частыми и продолжительными; словомъ; я измѣняю вамъ, чтобы быть для васъ болѣе полезнымъ и вѣрнымъ слугой, и это я хотѣлъ и долженъ былъ сказать вамъ. Но я не только изъ желанія отомстить за васъ и за себя согласился принять на себя эту постыдную и, вмѣстѣ, страшно рискованную роль: у меня есть на то еще одна священная обязанность въ этомъ дѣлѣ: при донѣ Мануэлѣ де-Линаресъ живетъ чистое свѣтлое созданіе, дѣвушка, почти еще дитя...

— Что вы говорите, Лука Мендесъ?—воскликнулъ молодой человѣкъ, будучи не въ силахъ совладать долѣе со своимъ волненіемъ.

— Я говорю, сеньоръ, что этотъ ангелъ Божій, ниспосланный Господомъ Богомъ для того, чтобы заставить дона Мануэля краснѣть и стыдиться своихъ позорныхъ дѣяній, не долженъ принять на свою безгрѣшную головку того позора, которымъ покрылъ себя этотъ злодѣй, не долженъ быть увлеченъ въ его паденіе и гибель. Ее во что бы то ни стало надо спасти отъ этого ужаснаго несчастія, вырвать ее изъ власти этого негодяя, открыть ей глаза, потому что она, не задумываясь, пожертвуетъ собой этому мерзавцу, о

злодѣяніяхъ котораго она не имѣетъ понятія и даже не подозрѣваетъ ихъ; ее надо спасти, и я спасу ее, видитъ Богъ! Не только потому, что она чистая, святая и ни въ чемъ неповинная душа, но и потому, что она уже много вынесла горя и страданій, потому, что она любитъ вашу милость и что вы также любите ее.

— Я! да, я люблю ее!—воскликнулъ молодой человѣкъ.— О, Санта! Санта!.. да, но кто мнѣ поручится, что все то, что вы мнѣ сейчасъ сказали, — правда, что вы не обманываете меня?

— Я, mi amo!—отозвался Пепе Ортисъ, однимъ прыжкомъ очутившійся на ногахъ и подходя къ брату,—я знаю все это, мнѣ Лука Мендесъ давно открылъ свое намѣреніе и я самъ посовѣтовалъ ему осуществить его.

— Ты? ты зналъ объ этомъ, Пепе?

— Да, ваша милость, я зналъ, зналъ съ перваго момента, когда эта мысль мелькнула въ головѣ Луки; я хотѣлъ даже, чтобы онъ ничего не говорилъ вамъ объ этомъ, но онъ не согласился, говоря, что могутъ возникнуть какія-нибудь осложненія, которыя наведутъ васъ на подозрѣнія, а ему не хотѣлось ни минуты казаться измѣнникомъ въ вашихъ глазахъ. Довѣрьтесь ему, ваша милость; вамъ предстоитъ имѣть дѣло съ сильнымъ врагомъ, для васъ будетъ чрезвычайно важно имѣть своего человѣка во вражескомъ лагерѣ. Пусть эта видимая неблаговидность не смущаетъ васъ, вы были предупреждены о томъ, что вамъ предстоитъ борьба хитростью противъ хитрости и коварствомъ противъ коварства. Неужели, ради пустого и неумѣстнаго великодушія и щепетильности, вы захотите не только погубить все свое дѣло, но и утратить, быть можетъ, навсегда донну Санту?

— Да, ты правъ, Пепе, мы имѣемъ дѣло не съ людьми, а съ чудовищами; всякаго рода щепетильность и добросовѣстность по отношенію къ нимъ была бы чистой глупостью.

— Такъ, значитъ, ваша милость разрѣшаетъ мнѣ поступить такъ, какъ я вамъ говорилъ?

— Да, но только съ нѣкоторымъ измѣненіемъ: играть эту двойную роль, на которую вы рѣшились ради пользы дѣла, было бы слишкомъ трудно въ случаѣ, если это должно продлиться нѣкоторое время; предупредить объ этомъ всѣхъ нашихъ друзей было бы невозможно, а донъ Порфиріо и другіе изъ нашихъ друзей, конечно, не преминутъ заподозрить васъ въ предательствѣ, если вы попрежнему останетесь при мнѣ, и тогда малѣйшаго подозрѣнія будетъ достаточно для того, чтобы заставить ихъ разомъ покончить съ вами. Затѣмъ и враги наши тоже не такъ просты, и они могутъ заподозрить васъ, и они тоже не пощадятъ васъ. Надо дѣлать дѣло на чистоту, словомъ, необходимо, чтобы нашъ разрывъ былъ окончательный, очевидный, всѣмъ извѣстный, не возбуждающій никакихъ сомнѣній, чтобы онъ произошелъ при всѣхъ, на глазахъ у всѣхъ и чтобы всѣ объ этомъ знали. Тогда вы будете свободны дѣйствовать вполнѣ по вашему усмотрѣнію, а сношенія вы будете поддерживать съ нами черезъ Пепе Ортиса; онъ будетъ нашимъ посредникомъ, съ нимъ вы будете сговариваться и уговариваться обо всемъ.

— Да, это вѣрно, ваша милость; черезъ это моя роль станетъ менѣе трудной и менѣе опасной, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, я могу дѣйствовать съ большею свободой. Къ тому же и донъ Мануэль того же мнѣнія, онъ также желаетъ, чтобы я совершенно оставилъ службу у вашей милости и перешелъ къ нему, а здѣсь сохранилъ лишь сношенія съ тѣми изъ слугъ, которыя за приличное, конечно, денежное вознагражденіе согласятся продавать васъ.

— Ну, значитъ, все устраивается къ лучшему!—смѣясь сказалъ молодой человѣкъ.

— Итакъ, все рѣшено: сегодня утромъ, во время завтрака, долженъ произойти разрывъ—о предлогѣ вы сами можете позаботиться.

— Положитесь на меня въ этомъ дѣлѣ, ваша милость,—вѣдь вы попрежнему довѣряете мнѣ?—я не утратилъ вашего уваженія и довѣрія?

—Нѣтъ, Лука Мендесъ, я вѣрю вамъ, и что бы ни случилось, никогда не заподозрю васъ въ измѣнѣ; къ тому же и Пепе Ортисъ ручается за васъ, а ему я довѣряю, какъ самому себѣ!—и съ этими словами донъ Торрибіо, улыбаясь, протянулъ руку старику.

— Благодарю, благодарю васъ, ваша милость!—воскликнулъ тотъ, съ жаромъ цѣлуя протянутую ему руку.

Затѣмъ донъ Торрибіо всталъ, кинулся на свою кровать и почти тотчасъ же заснулъ крѣпкимъ, мертвымъ сномъ. Ровно въ полдень на слѣдующій день колоколъ сталъ созывать гостей гасіенды къ завтраку въ столовую, какъ это бывало каждый день.

Въ ту пору, когда происходитъ нашъ разсказъ, гасіендеро въ этихъ дальнихъ провинціяхъ придерживались патріархальнаго обычая—сажать за одинъ столъ съ собой всѣхъ своихъ слугъ.

Столъ этотъ накрывался въ видѣ подковы и въ верхней своей части былъ двумя ступенями выше двухъ боковыхъ сторонъ, такъ какъ накрывался наподобіе эстрады, предназначавшейся для гостей, хозяевъ дома и ихъ наиболѣе почетныхъ служащихъ, какъ-то: капелланъ домовой церкви, майордомъ, управляющій и т. п.; остальные же слуги садились ниже по обѣ стороны, получая, за малымъ исключеніемъ, всѣ тѣ же блюда и яства, какъ и ихъ господа; но напитки для служащихъ были простые: пулкъ (pulque), тепахъ (tepache) и агуардіенте (aguardiente), а дорогія вина и ликеры подавались только сидящимъ на эстрадѣ.

Въ этотъ день въ семьѣ гасіендеро былъ праздникъ, и обыкновенно весьма обильно уставленный яствами столъ на этотъ разъ буквально подламывался подъ тяжестью безчисленныхъ блюдъ; даже слуги получили сегодня, вмѣсто обычнаго агуардіенте, превосходнѣйшій рефино де Каталунья (refino de Cataluna).

Сегодня поутру, такъ часовъ въ десять, во дворъ гасіенды въѣхала многочисленная кавалькада, во главѣ кото-

рой гордо гарцовалъ на своемъ конѣ Но Маріано Пэдрозо (Nò Mariano Pedroso), майордомъ дона Порфиріо.

Донна Инкарнасіона (воплощеніе), супруга дона Порфиріо Сандоса, вернулась, наконецъ, изъ своей продолжительной поѣздки въ Гуадалахара (Guadalajara), куда она ѣздила, чтобы привезти свою единственную дочь изъ монастыря, гдѣ та воспитывалась.

Донна Инкарнасіона, женщина лѣтъ тридцати пяти-шести, была когда-то очень красива, да и теперь еще могла назваться красивой женщиной, чрезвычайно симпатичной и милой, съ кроткимъ, привѣтливымъ выраженіемъ прекрасныхъ темныхъ глазъ. Она была немного полна, но это почти не портило ее, а придавало ея фигурѣ и осанкѣ что-то величественное. Дочь ея, донна Хезусъ, которой едва только исполнилось шестнадцать лѣтъ, была типичнѣйшей мексиканской красавицей, съ громадными черными огневыми глазами, полными нѣги и безсознательной еще страсти, подъ тонкими дугами темныхъ бровей, опушенными длинными шелковистыми рѣсницами, настолько густыми, что онѣ бросали тѣнь на матово-бархатистыя, какъ персикъ, щечки дѣвушки; съ черной косой до самыхъ пятъ, крошечнымъ ротикомъ, съ пышными ярко-алыми губками и двойнымъ рядомъ мелкихъ, ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ, съ очаровательной улыбкой; съ золотистой блѣдностью лица, едва окрашеннаго стыдливымъ румянцемъ. Наконецъ, пышный и гибкій станъ, гордая поступь и женственно небрежная грація каждаго ея движенія дѣлали эту дѣвушку невыразимо прелестной.

Такова была эта донна Хезусъ или Хезусита, какъ ее называли всѣ домашніе въ гасіендѣ дель Пальмаръ, начиная съ ея отца и кончая послѣднимъ пеономъ; всѣ боготворили эту дѣвушку, почитая за счастье исполнять всякую ея блажь, всякій капризъ и прихоть. Но это милое, ласковое, любящее и кроткое созданіе, казалось, даже не подозрѣвало своей красоты и не мало не думало о ней; ея чарующая прелесть влекла къ ней всѣ сердца совсѣмъ безъ ея вѣдома, какъ привлекаетъ насъ ароматъ душистаго цвѣтка.

Когда она вошла въ столовую, вмѣстѣ съ отцомъ и матерью, невольный радостный трепетъ охватилъ всѣхъ присутствующихъ; всѣ до единаго были рады и счастливы, что снова видѣли ее здѣсь и могли любоваться ею. Донъ Порфиріо представилъ свою дочь и жену дону Торрибіо, послѣ чего всѣ сѣли за столъ.

Отсутствіе донны Инкарнасіоны продолжалось цѣлыхъ четыре мѣсяца, потому что на возвратномъ пути она съ дочерью заѣзжала къ нѣкоторымъ изъ своихъ родственниковъ, и въ каждомъ домѣ ей приходилось прогостить дня два-три. Это продолжительное отсутствіе хозяйки дома сильно ощущалось всѣми домашними, а потому сегодня всѣ были особенно рады ея возвращенію, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ нею вернулась и прекрасная сеньорита.

Завтракъ прошелъ очень оживленно и весело; дамы разсказывали о различныхъ происшествіяхъ и случайностяхъ во время ихъ пути.

Подъ конецъ, когда эта тема истощилась и разговоръ поддерживался только изъ приличія, донъ Торрибіо знакомъ подозвалъ къ себѣ Пепе Ортиса.

Тотъ тотчасъ же всталъ изъ-за стола и подошелъ къ своему господину.

— Я не вижу Луки Мендеса!—сказалъ донъ Торрибіо довольно громко своему мнимому слугѣ.—Почему его нѣтъ здѣсь?

— Сеньоръ!—отвѣчалъ Пепе Ортисъ,—его нѣтъ въ гасіендѣ.

— Какъ! онъ отлучился изъ гасіенды? — воскликнулъ донъ Торрибіо съ прекрасно сыграннымъ удивленіемъ,—не смотря на мое строгое приказаніе—ни подъ какимъ видомъ не смѣть отлучаться?!

Пепе Ортисъ молчалъ, опустивъ голову.

— Почему это молчаніе? Отвѣчай мнѣ сейчасъ же, я этого требую!—продолжалъ молодой человѣкъ такимъ тономъ, какъ будто онъ начиналъ терять терпѣніе.

— Извольте спрашивать, ваша милость, я буду отвѣчать, mi amo!

— Какія же причины выставилъ Лука Мендесъ для того, чтобы отлучиться сегодня поутру?

— Лука Мендесъ сегодня утромъ не отлучался, ваша милость.

— Но, въ такомъ случаѣ, когда же онъ ушелъ? ночью?

— Нѣтъ, ваша милость, онъ ушелъ еще вчера, тотчасъ послѣ заката солнца. Не сказавъ никому ни слова, онъ пошелъ въ конюшню, осѣдлалъ своего коня, сѣлъ на него и ускакалъ.

— И ты его больше не видѣлъ?

— Нѣтъ, ваша милость, не видѣлъ.

— Почему же ты не предупредилъ меня объ этомъ внезапномъ его отъѣздѣ?

— Я полагалъ, что онъ поступаетъ такъ по приказанію вашей милости.

— Странно!—прошепталъ донъ Торрибіо.

Всѣ кругомъ замолчли, прислушиваясь къ тому, что говорилось между домомъ Торрибіо и его слугой; то впечатлѣніе, котораго желалъ и добивался молодой человѣкъ, было вполнѣ достигнуто. Затѣмъ онъ продолжалъ тономъ человѣка, котораго уже начинаетъ разбирать гнѣвъ и досада.

— Я положительно не понимаю этого страннаго поведенія со стороны человѣка, къ которому я до сихъ поръ питалъ самое полное довѣріе.

— Онъ, конечно, сумѣетъ оправдаться, какъ только вернется!—вмѣшался донъ Порфиріо.

— Я отъ души желаю этого, сеньоръ; при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ мы теперь находимся, весьма важно, чтобы поведеніе каждаго человѣка было внѣ всякихъ подозрѣній.

— Да, вы правы, сеньоръ Торрибіо, наше положеніе въ данное время настолько серьезно, что поневолѣ приходится строго наблюдать за всѣмъ, что происходитъ вокругъ насъ, и быть осторожными до крайности.

— Боже мой! что же такое происходитъ?—спросила донна Инкарнасіона, блѣднѣя.

— Не грозитъ ли намъ какая-нибудь опасность?—освѣдомилась, въ свою очередь, донна Хезусита.

— Нѣтъ, не то чтобы именно опасность, но... мы живемъ на самой границѣ, а потому никогда не мѣшаетъ быть насторожѣ.

— Однако, вы, кажется, сказали...

— Ничего такого, чтобы должно было тревожить васъ!—прервалъ ее супругъ,—впрочемъ, вы знаете, querida mia, что я никогда ничего не скрываю отъ васъ, и когда мы придемъ въ нашу спальную, я разскажу вамъ все. Тогда вы сами убѣдитесь, что вамъ нечего опасаться.

— Успокойся, мамита (mamita), — сказала донна Хезусита, цѣлуя мать,—ужъ если отецъ говоритъ тебѣ, что опасаться нечего, значитъ это такъ!

— Да, ты права, моя милочка!—сказала мать, отвѣчая лаской на ласку дочери,—но я, вѣдь, опасаюсь не за себя, а за тебя, главнымъ образомъ, и за отца!

— Да полноте,—весело разсмѣялся Твердая-Рука,—вы жительницы границы и боитесь чего-то; нѣтъ, я не хочу даже вѣрить этому!

— Дѣло въ томъ, что во время путешествія моего мнѣ пришлось слышать столько ужаснѣйшихъ вещей о Платеадосахъ, что я ужъ поневолѣ сдѣлалась трусихой.

— А развѣ все еще говорятъ о нихъ и тамъ, въ центрѣ страны?—небрежно освѣдомился донъ Порфиріо, играя своей кофейной ложечкой.

— Да, другъ мой!—отвѣтила донна Инкарнасіона,—теперь о нихъ заговорили больше, чѣмъ когда-либо, потому что не проходитъ дня безъ того, чтобы они не совершили гдѣ-нибудь новаго возмутительнаго злодѣянія; о нихъ говорятъ тамъ такія вещи, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ!

— Странно, — а у насъ, здѣсь, на границѣ, все спокойно!

— Я полагалъ, что этой шайки уже давно не существуетъ!—сказалъ донъ Торрибіо.

— Не вѣрьте этому, просто они перенесли поле своихъ дѣйствій въ другую мѣстность — вотъ и все, и вотъ чѣмъ объясняется то, что о нихъ здѣсь не стало слышно.

— Да, именно такъ!—подтвердилъ донъ Порфиріо.

— А вы, сашемъ, не боитесь Платеадосовъ?

— Простите меня, сеньора, если я вамъ скажу, что эти люди—трусливые псы, и Команчи разогнали бы ихъ плетьми, если бы только они посмѣли затронуть ихъ—отвѣтилъ Твердая-Рука.

Донна Инкарнасіона не желая продолжать этого разговора, перевела его на другую, менѣе серьезную и болѣе пріятную тему.

Между тѣмъ, слуги и пеоны, окончившіе свой завтракъ, успѣли уже встать изъ-за стола и собирались вернуться къ своимъ обязанностямъ и занятіямъ, когда Пепе Ортисъ, вышедшій изъ столовой нѣсколько времени тому назадъ, вернулся въ сопровожденіи Луки Мендеса. Оба они подошли къ своему господину, причемъ послѣдній остался стоять немного поодаль.

— Сеньоръ, mi amo!—произнесъ почтительно Пепе Ортисъ,—Лука Мендесъ вернулся, онъ здѣсь.

— А, — сказалъ молодой человѣкъ, сдвинувъ брови,— пусть явится сюда, я хочу его видѣть.

— Я здѣсь, ваша милость!—сказалъ старикъ, подходя ближе и выступая изъ-за спины Пепе.

Донъ Торрибіо отодвинулъ немного свой стулъ отъ стола и, повернувъ его на заднихъ ножкахъ, очутился лицомъ къ лицу со своимъ слугой, тогда какъ Пепе Ортисъ отступилъ на шагъ назадъ.

— А, наконецъ-то вы вернулись!—строго сказалъ молодой человѣкъ.

Всѣ остановились и стали прислушиваться, понимая, что тутъ должно произойти нѣчто важное.

— По какому случаю вы осмѣлились отлучиться изъ гасіенды вчера, около четырехъ часовъ вечера?

— Я не видѣлъ въ этомъ ничего дурного, ваша милость, и не думалъ, что вы будете этимъ недовольны!

— Гдѣ же вы провели эту ночь? и почему вернулись только сейчасъ?—продолжалъ молодой человѣкъ ледянымъ тономъ.

— Я заѣхалъ слишкомъ далеко, ваша милость, и когда хотѣлъ вернуться, то было уже поздно: ворота гасіенды были заперты.

— Аа...—иронически протянулъ донъ Торрибіо,—такъ что вы ночевали подъ открытымъ небомъ?

— Да, ваша милость.

— Но, вѣроятно, очень далеко отсюда?

— Нѣтъ, всего въ какой-нибудь четверти мили отсюда.

— Но, въ такомъ случаѣ, почему же вы не вернулись, какъ только отперли ворота гасіенды?

Лука Мендесъ стоялъ, опустивъ голову и молчалъ.

— Я васъ спрашиваю, почему вы не вернулись раньше?

— Я ничего не имѣю отвѣтить вашей милости, вы допрашиваете меня, какъ будто вы не довѣряете мнѣ; я не привыкъ къ такому обращенію съ вашей стороны.

— Не пытайтесь измѣнять наши роли!—строго остановилъ его молодой человѣкъ,—я слышать не хочу вашихъ сѣтованій! Я желаю знать, зачѣмъ вы отлучались и что вы дѣлали во все время вашего продолжительнаго отсутствія?

— Ничего не могу сказать вашей милости, я занимался моими личными дѣлами, касающимися только одного меня.

— Смотрите, Лука Мендесъ, это не отвѣтъ честнаго и преданнаго, вѣрнаго слуги,—какія же это у васъ тайныя дѣла, о которыхъ я хочу знать, я долженъ знать?!—съ удареніемъ произнесъ донъ Торрибіо.

— Я ничего не могу сказать вамъ!—отвѣчалъ старикъ

въ видимомъ смущеніи, низко склонивъ голову и стараясь ни на кого не глядѣть.

— Вы согласитесь, однако, что все это весьма подозрительно, и что я никоимъ образомъ не могу удовольствоваться подобными отвѣтами.

Лука Мендесъ молчалъ.

— У добраго слуги не можетъ быть никакихъ тайныхъ дѣлъ, о которыхъ нельзя ничего сказать своему господину; я требую вполнѣ яснаго и точнаго отвѣта.

— Ваша милость жестоко поступаетъ со мной, я этого не заслужилъ, я ничего дурного не сдѣлалъ.

— Кто мнѣ поручится за это?

— Все мое прежнее поведеніе.

— Добрый конь и о четырехъ ногахъ, да и тотъ спотыкается!—насмѣшливо замѣтилъ донъ Порфиріо.

— Вы слышите,—сказалъ молодой человѣкъ, обращаясь къ своему слугѣ,—въ послѣдній разъ спрашиваю васъ, хотите вы мнѣ отвѣчать или нѣтъ?

— Я въ вашей власти, дѣлайте со мной, что хотите, но только я, право, ни въ чемъ не виноватъ передъ вами.

— Нѣтъ, довольно! вы ужъ слишкомъ долго злоупотребляете моимъ терпѣніемъ!—воскликнулъ донъ Торрибіо, давъ волю своему гнѣву.—Я хочу держать подлѣ себя лишь такихъ слугъ, каждый шагъ которыхъ мнѣ можетъ быть извѣстенъ и поведеніе которыхъ было бы открыто передо мной, а не шпіоновъ и соглядатаевъ,—такихъ я гоню отъ себя.

— О, ваша милость!

— Довольно! ни слова болѣе! вы уже не слуга мнѣ, соберите ваши пожитки и чтобы минутъ черезъ десять васъ больше не было въ гасіендѣ. Идите! возьмите это и чтобы я больше не видѣлъ и не слышалъ о васъ!

Съ этими словами онъ кинулъ ему кошелекъ, который старикъ поймалъ почти на лету и быстро запряталъ его въ карманъ, съ видомъ удовлетворенной корысти.

— Прощайте, ваша милость, я ухожу, но вы раскаетесь въ томъ, что прогнали меня!

— Что это, угроза? — съ пренебрежительной улыбкой спросилъ донъ Торрибіо.

— Нѣтъ, Боже упаси! вы были добры ко мнѣ, ваша милость, и я никогда этого не забуду,—это не болѣе, какъ сожалѣніе.

— Мнѣ нужды нѣтъ ни до вашихъ угрозъ, ни до вашихъ сожалѣній, идите, я васъ не знаю больше!

Лука Мендесъ почтительно поклонился своему господину и вышелъ твердымъ шагомъ изъ столовой въ сопровожденіи Пепе Ортиса.

Минутъ десять спустя, онъ полнымъ галопомъ поскакалъ изъ гасіенды, направившись къ presidio Тубакъ (Tubac).

Слуги, тѣмъ временемъ, вернулись къ своимъ обязанностямъ и занятіямъ, обсуждая въ полголоса только что происшедшее; строгость и твердость въ этомъ дѣлѣ, выказанныя дономъ Торрибіо, произвели на всѣхъ сильное впечатлѣніе и, какъ это ни удивительно, встрѣтили одобреніе въ большинствѣ. Это, конечно, объясняется тѣмъ тревожнымъ, опаснымъ временемъ, какое приходилось теперь переживать, когда на каждомъ шагу всѣмъ грозила страшная опасность отъ грозныхъ Платеадосовъ.

Дамы также вышли изъ-за стола и въ сопровожденіи капеллана удалились въ свои комнаты, а майордомъ давно уже уѣхалъ на плантацію наблюдать за производившимися тамъ работами, такъ что въ большой столовой не осталось никого, кромѣ хозяина дома, дона Торрибіо и Твердой-Руки.

Закуривъ сигары, они также вышли изъ-за стола и спустились въ уэрту (садъ). Въ этихъ странахъ, гдѣ каждый клочекъ тѣни имѣетъ такую громадную цѣну, гдѣ палящее солнце чуть не двѣнадцать часовъ въ сутки обильно льетъ на землю свои лучи, искусство планировать сады достигло рѣдкихъ предѣловъ совершенства. Здѣсь садъ или, вѣрнѣе, паркъ, уерта, сохранивъ всѣ удобства англійскихъ парковъ, сохранили прелесть и роскошь дѣвственныхъ тропическихъ лѣсовъ: это и садъ, и огородъ, и цвѣтникъ, и плодовый разсадникъ—нѣчто художественно живописное и отрадное для

души, для глазъ и для тѣла, жаждущаго отдохновенія и прохлады.

Трое мужчинъ, съ сигарами въ зубахъ, медленнымъ шагомъ направлялись подъ тѣнь роскошныхъ купъ раскидистыхъ деревьевъ и почти темныхъ сводчатыхъ аллей; они шли молча съ самаго момента, какъ вышли изъ столовой; никто изъ нихъ не проронилъ ни слова.

Пройдя, сами того не замѣчая, аллею за аллеей и рощицу за рощицей, они пришли, наконецъ, къ тому мосту, перекинутому черезъ ручей, о которомъ мы уже имѣли случай говорить раньше, и перейдя его, углубились подъ сѣнь той самой рощи, гдѣ происходила нѣсколько дней тому назадъ стычка краснокожихъ съ бандитами, и сѣли на скамью. Твердая-Рука, очевидно, шелъ именно сюда, а его спутники машинально слѣдовали за нимъ, безъ мысли и безъ цѣли, и только опустившись на скамью, какъ бы очнулись.

— Ахъ, милый другъ, зачѣмъ вы привели насъ сюда, въ такую даль, вѣдь теперь время сіесты (siesta) и гулять по саду еще слишкомъ рано!

— Я того мнѣнія, донъ Порфиріо, что нигдѣ нельзя такъ хорошо бесѣдовать, какъ подъ открытымъ небомъ, на вольномъ воздухѣ, гдѣ всегда издали можно видѣть, если какой нибудь непрошенный свидѣтель намѣревается приблизиться къ вамъ, не такъ ли?

— Конечно; я понимаю, вы имѣете намѣреніе сообщить намъ что-нибудь болѣе или менѣе важное—да?

— Я? ровно ничего, но я полагаю, что нашъ общій другъ, донъ Торрибіо, скажетъ и объяснитъ намъ кое-что, и, конечно, будетъ радъ, что здѣсь его никто не можетъ слышать, кромѣ насъ двоихъ.

Молодой человѣкъ весело разсмѣялся.

— Вы видите, что я не ошибся,—продолжалъ Твердая-Рука,—позвольте мнѣ поздравить васъ, дорогой донъ Торрибіо, вся эта комедія была сыграна вами съ неподражаемымъ талантомъ.

— Какъ! все это была только комедія?—воскликнулъ донъ

Порфиріо,—ну, въ такомъ случаѣ, признаюсь, на этотъ разъ вы провели меня.

— Тѣмъ лучше!—продолжалъ Твердая-Рука,—если дону Торрибіо удалось провести васъ, то тѣмъ болѣе и всѣхъ вашихъ слугъ и пеоновъ, а именно этого-то и добивался нашъ юный пріятель, если я не ошибаюсь!

— Нѣтъ, вы не ошибаетесь, дорогой другъ, таково было, главнымъ образомъ, мое намѣреніе.

— Такъ все это была комедія, но она, конечно, имѣла свою цѣль!—сказалъ донъ Порфиріо.

— Да, понятно!—отвѣчалъ донъ Торрибіо и безъ дальнѣйшихъ околичностей разсказалъ все происшедшее въ последнюю ночь между нимъ, Лукою Мендесомъ и Пепе Ортисомъ и о томъ, что было условлено между ними.

— Это смѣло, мало того—это даже очень отважный планъ!—задумчиво вымолвилъ гасіендеро, когда молодой человѣкъ окончилъ свою рѣчь.

— Это весьма удачный планъ, мнѣ кажется! — сказалъ на это Твердая-Рука,—настолько удачный и остроумный, что я считаю его положительно мастерскимъ пріемомъ въ данномъ случаѣ.

— Хмъ! донъ Мануэль человѣкъ очень хитрый и ловкій, долженъ я вамъ замѣтить!—сказалъ гасіендеро.

— Да, именно, на это я и разсчитываю; я готовъ согласиться даже, что онъ еще болѣе ловокъ и хитеръ, чѣмъ вы полагаете, но дѣло въ томъ, что теперь онъ утратилъ свое обычное спокойствіе, увѣренность и самообладаніе, которыми отличались до настоящаго времени всѣ его дѣйствія, поступки и соображенія. Онъ чувствуетъ впервые, что ему приходится имѣть дѣло съ врагомъ, который шутить не станетъ, котораго онъ не въ состояніи запугать и который тѣмъ болѣе опасенъ для него, что ему не извѣстны ни его силы, ни его численность, ни его намѣренія и предположенія, ни даже тѣ средства, какими этотъ врагъ можетъ располагать. Кромѣ того, онъ имѣлъ случай убѣдиться на дѣлѣ, что его

непріятель смѣлъ, рѣшителенъ и дѣйствуетъ съ большой увѣренностью и смѣлостью.

— Прекрасно, допустимъ, что все это вѣрно, но что же вы изъ этого выводите?

— Слѣдующее: донъ Мануэль, очевидно, теряетъ голову, онъ пускается на весьма рискованныя средства, на такіе пріемы, успѣхъ которыхъ весьма сомнителенъ. Онъ разсчитываетъ на чистую случайность, на возможную удачу, и вмѣсто того, чтобы смѣло отразить врага, который собирается аттаковать его, уступаетъ непріятелю поле брани и бѣжитъ укрываться отъ него въ непроходимыя дебри, а между тѣмъ его отрядъ, если его можно такъ назвать, т. е. численность его людей превышаетъ численность нашего отряда раза въ четыре, если не больше. Слѣдовательно, онъ труситъ, онъ робѣетъ, онъ инстинктивно чувствуетъ, что на этотъ разъ онъ погибъ, и чтобы спастись, не разсчитываетъ заставить насъ отказаться отъ нашего намѣренія— нѣтъ, онъ разсчитываетъ лишь на случайную удачу и, наконецъ, на свое неприступное, какъ онъ полагаетъ, убѣжище.

— Таково оно есть и на самомъ дѣлѣ!—замѣтилъ донъ Порфиріо.

— Ну, это мы еще увидимъ; я съ вами соглашусь только послѣ того, какъ побываю самъ въ тѣхъ краяхъ и лично осмотрю все поближе.

— Такъ что же намъ дѣлать теперь?

— Не давать ему времени передохнуть и очнуться, травить его, какъ звѣря, словомъ, нападать на него всюду, гдѣ только можно, дѣйствовать съ быстротой молніи, оглушить, ошеломить, ослѣпить его быстротой нашихъ маневровъ—вотъ что намъ слѣдуетъ дѣлать!

— Я вполнѣ раздѣляю это мнѣніе! — сказалъ Твердая-Рука.

— И я также,—поддержалъ донъ Порфиріо,—но вѣдь мы не готовы.

— О, это дѣло двухъ дней, не болѣе. Вотъ что я хотѣлъ бы предложить вамъ,—продолжалъ Твердая-Рука,—че-

резъ часъ я съ моими краснокожими воинами покину гасіенду и пусть Пепе Ортисъ ѣдетъ со мной. Онъ передастъ приказанія и распоряженія своего господина Бобру и другимъ охотникамъ, его товарищамъ; согласно этому распоряженію, я уведу часть ихъ въ гасіенду дель Сальтильо (Saltillo), которую мы изберемъ нашею главной штабъ-квартирой; остальные же форсированнымъ маршемъ двинутся сюда и будутъ находиться въ распоряженіи дона Порфиріо для того, чтобы благополучно препроводить его супругу и дочь въ al Ojo de Agua.

— Дѣйствительно намъ не слѣдуетъ оставлять ихъ здѣсь. Тамъ онѣ будутъ въ надежномъ мѣстѣ; къ тому же al Ojo de Agua прекрасно укрѣплено, далеко отсюда и имѣетъ вполнѣ надежный гарнизонъ. Ну, а затѣмъ?

— Все остальное будетъ ужъ мое дѣло. Когда вы съ остальными людями, проводивъ жену и дочь, вернетесь и присоединитесь ко мнѣ, къ тому времени всѣ мѣры будутъ уже приняты мной, и я надѣюсь, что сумѣю сообщить вамъ добрыя вѣсти. Согласны вы на это, донъ Торрибіо?

— Какъ нельзя болѣе. Я же лично отправлюсь одинъ сегодня же вечеромъ.

— Одинъ?

— Да, у меня есть на этотъ счетъ свой планъ. Не безпокойтесь обо мнѣ, я присоединюсь къ вамъ, когда придетъ время, и тогда я также надѣюсь сообщить вамъ что-нибудь существенно важное.

— Ну, если все условлено и улажено, то я пойду спать, меня такъ и клонитъ ко сну. Когда ваши охотники могутъ прибыть сюда?

— Дня черезъ три, никакъ не позже; они остановятся въ Монте-Пэладо, гдѣ вы застанете ихъ; это будетъ лучше, если они войдутъ въ самую гасіенду, главное—будьте вы готовы.

— Не забудьте сказать имъ, чтобы они явились сюда по-одиночкѣ, по-двое—не больше, иначе это можетъ возбудить подозрѣнія.

— Будьте покойны, всевозможныя мѣры предосторожности будутъ приняты мной. До свиданія; черезъ часъ меня уже не будетъ здѣсь!

— Ну, такъ до скораго свиданія, въ добрый часъ!

— Черезъ четверть часа я пришлю къ вамъ Пепе, я хочу только написать нѣсколько строкъ Бобру, если позволите!— сказалъ донъ Торрибіо.

— Сдѣлайте одолженіе!—отвѣчалъ Твердая-Рука.

— Признаюсь, господа, что я сплю, стоя на ногахъ.

— Ну, такъ идите и ложитесь, я вовсе не хочу лишать васъ вашей сіесты.

— Да что ужъ говорить объ этомъ, когда вы навалили на меня самую трудную задачу.

— Какъ такъ?—удивленно спросили оба его собесѣдника разомъ.

— Да какъ же, я только что обѣщался доказать женѣ и дочери, что имъ здѣсь не грозитъ ни малѣйшей опасности, а теперь вы заставляете меня увѣрять ихъ въ противномъ и убѣдить ихъ рѣшиться предпринять новое путешествіе послѣ того, какъ онѣ только что успѣли вернуться.

И Твердая-Рука и донъ Торрибіо весело разсмѣялись, донъ Порфиріо послѣдовалъ ихъ примѣру и затѣмъ всѣ они двинулись по направленію къ дому, весело разговаривая между собою о всякихъ пустякахъ. Глядя на нихъ, никто, конечно, не могъ бы подумать, что эти люди готовились начать опасную и безпощадную борьбу съ сильнымъ врагомъ, борьбу, въ которой имъ надлежало или погибнуть, или выйти побѣдителями.

XII. Per amica silentia lunae.

Теперь мы на время разстанемся, съ такъ называемыми, цивилизованными странами Мексики и очутимся по ту сторону границы, гдѣ простирается и нынѣ еще очень мало изслѣдованная территорія, такъ называемыя,—земли индѣйцевъ.

Они простираются на сотни миль отъ Ріо-Гранде-дель-Норте, Аркапзаса съ одной стороны и Новой Мексики, части Калифорніи, Орегона вплоть до Скалистыхъ горъ и до границъ Канады. Эта обширнѣйшая территорія съуживается съ каждымъ годомъ и границы ея измѣняются со дня на день, благодаря постепенному и постоянному натиску все далѣе и далѣе вторгающихся блѣднолицыхъ, прорубающихъ себѣ съ топоромъ въ рукахъ путь къ невѣдомымъ странамъ, вырубая дѣвственные лѣса, культивируя саванны, воздвигая гасіенды и разводя плантаціи посреди дикихъ пампасовъ.

Прошло уже около двухъ мѣсяцевъ послѣ того, какъ совершились описанныя нами въ предыдущихъ главахъ событія.

И вотъ, мы находимся теперь въ одной изъ самыхъ живописныхъ, но дикихъ мѣстностей Апахіи.

Было около девяти часовъ вечера; ночь была тихая, теплая, звѣздная; превосходное созвѣздіе Южнаго Креста ярко выдѣлялось на темномъ небосклонѣ; полная луна, медленно плывя среди облаковъ, освѣщала своимъ таинственнымъ, фантастическимъ свѣтомъ мрачный пейзажъ, среди котораго возвышалась, какъ грозный призракъ на высокой горѣ, среди гранитныхъ скалъ, гасіенда дель Енганьо.

Мрачныя, черныя тѣни предметовъ принимали гигантскіе размѣры; потокъ бѣшено мчался между скалъ, пѣнясь и шумя, перескакивалъ съ утеса на утесъ, мѣстами отражая въ своихъ водахъ трепетный ликъ луны. Миріады свѣтящихся мушекъ и свѣтляковъ кружились въ чистомъ прозрачномъ воздухѣ, напоенномъ ароматами травъ.

Лишь изрѣдка тоскливый крикъ совы нарушалъ мертвую тишину, давившую точно гнетомъ душу человѣка среди этой пустынной и угрюмой мѣстности. Вдругъ высокія окна гасіенды освѣтились красноватымъ огнемъ, затѣмъ всѣ этажи, одинъ за другимъ, заблестѣли огнями и въ нѣсколько мгновеній все это таинственное жилище разомъ освѣтилось сверху до низу, ярко выдѣляясь на темномъ фонѣ окружающей мѣст-

ности и изливая на ближайшіе предметы красновато багровый отблескъ.

Въ то же время въ тѣни развѣсистыхъ деревьевъ опушки послышался какой-то слабый шорохъ, кусты осторожно раздвинула чья-то рука и въ темной зелени ихъ показались двѣ головы, всего на нѣсколько дюймовъ надъ землею, очевидно, люди эти лежали, распростершись на травѣ, и теперь глаза ихъ съ тревогой жадно устремились на гасіенду.

— Вы видите?—сказалъ одинъ изъ нихъ голосомъ, чуть слышнымъ, но явственнымъ, скорѣй похожимъ на слабое дыханіе вѣтерка, чѣмъ на человѣческую рѣчь.

— Вижу!—отвѣчалъ другой такимъ же слабымъ дыханіемъ.

Вслѣдъ затѣмъ кусты мѣрно, едва замѣтно заколыхались и изъ нихъ мало-по-малу стали появляться плечи, а тамъ и торсы двоихъ мужчинъ, а вскорѣ они окончательно выползли изъ кустовъ и продолжали подвигаться все такъ же ползкомъ, медленно и осторожно, къ гранитнымъ массамъ, громоздившимся вокругъ подножія горы, на которой возвышалась гасіенда, и тянувшимся вдоль береговъ потока, а мѣстами преграждавшимъ ему путь настолько, что мутныя бурныя воды его принуждены были прокладывать себѣ дорогу, разбиваясь на мелкіе каскадики. Въ этихъ мѣстахъ, при нѣкоторой ловкости и умѣньи, можно было перебраться черезъ ручей безъ особыхъ затрудненій.

Очевидно, эти двое людей отлично знали мѣстность, такъ какъ они перешли рѣку едва омочивши ноги, что, конечно, нисколько не безпокоило ихъ, такъ какъ ночь была теплая и тихая.

Перебравшись на тотъ берегъ потока, они очутились среди хаоса громадныхъ скалъ, гдѣ было совершенно темно отъ тѣни, падавшей сюда отъ горы. Здѣсь они могли быть вполнѣ увѣрены, что никто не увидитъ ихъ, хотя сами они могли видѣть рѣшительно все, что только происходило кругомъ, а потому, чувствуя себя сравнительно въ безопасности, они поднялись на ноги и еще разъ осмотрѣлись кругомъ.

Кто были эти двое людей, въ окружавшей ихъ темнотѣ, нельзя было разглядѣть лицъ. Но судя по платью, это были охотники-преріи, вооруженные съ головы до ногъ: у каждаго изъ нихъ было по американской двухстволкѣ, по парѣ пистолетовъ за поясомъ, по длинному охотничьему ножу и такъ называемому bowies knifs. Едва только они успѣли расположиться въ своей засадѣ, такъ какъ избранный ими постъ не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только мѣстомъ для засады, одинъ изъ нихъ, опершись на свое ружье обѣими руками, сказалъ небрежно своему товарищу:

— Здѣсь намъ нечего опасаться, здѣсь мы одни—вы сами видите, compadre, что это веселенькое мѣсто не такъ людно какъ paseo de Bucarelli или какая либо другая изъ улицъ Мексико. Намъ нечего стѣсняться, никто намъ здѣсь не помѣшаетъ говорить о нашихъ дѣлишкахъ. Тутъ только однѣ совы да змѣи могутъ насъ подслушать, да и то шумъ каскада этого бѣшеннаго потока достаточно заглушаетъ наши голоса.

— Что вы говорите о змѣяхъ, компадре (compadre)?—замѣтилъ другой, содрагаясь при этомъ словѣ.

— А что? не безпокойтесь о нихъ, у нихъ свои дѣлишки точно также, какъ и у насъ, и онѣ не тронутъ насъ до тѣхъ поръ, пока мы сами не будемъ безпокоить ихъ; змѣи—созданія трусливыя и робкія, онѣ боятся человѣка и никогда не нападаютъ на него, если только онъ не вызоветъ ихъ къ тому.

— Ну, слава Богу, а то, признаюсь вамъ, я очень не долюбливаю этихъ ужасныхъ гадовъ.

— Полноте, вы, такой смѣлый и отважный, неужели боитесь змѣй!

— Ужасно! этотъ страхъ сильнѣй меня, это какое-то непреодолимое отвращеніе.

— Весьма возможно; но скажите, однако, — добавилъ онъ, продолжая разговоръ начатый еще въ кустахъ, — что вы думаете о видѣнномъ вами?

— Я едва вѣрю своимъ глазамъ, какъ это можно было ухитриться взгромоздить тамъ это колоссальное зданіе?

— Какъ говорятъ о томъ нѣкоторыя легенды и сказанія... началъ было его собесѣдникъ, тономъ человѣка собирающагося приступить къ длинному разсказу.

— Все это глупости!—прервалъ его товарищъ,—отстаньте отъ меня, компадре, съ вашими вѣчными легендами. Я знаю, что онѣ все рѣшительно объясняютъ, даже и необъяснимое, вѣдь для того онѣ и созданы; но можно допустить, и въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, что въ то время, когда была построена эта гасіенда, гора, на которой она стоитъ, была совершенно иного характера, спускалась въ долину пологими скатами и была легко доступна. А впослѣдствіи вся эта мѣстность измѣнилась вслѣдствіе какихъ-нибудь земныхъ переворотовъ, вулканическихъ взрывовъ, землетрясеній и т. п. вслѣдствіе чего, конечно, всѣ пути, дороги и все кругомъ приняло этотъ ужасный характеръ разрушенія, хаоса и запущенія—строеніе это очень старое—оно уже стоитъ, навѣрное, лѣтъ двѣсти, если не болѣе, быть можетъ съ первыхъ временъ завоеванія или покоренія Мексики.

— Нѣтъ! гасіенда эта стоитъ уже почти 900 лѣтъ.

— Ну, почему же не сказать сразу двѣ тысячи лѣтъ? нѣтъ, compadre, вы въ этомъ отношеніи неисправимы, вы все впадаете въ легенду—неужели же вы не видите, что стѣны этого зданія зубчатыя изъ чего ясно, что она построена какимъ-нибудь родовитымъ испанскимъ вельможей,—а слѣдовательно послѣ покоренія страны?

— Прекрасно, допустимъ, что все было именно такъ, какъ вы говорите, compadre, но объясните мнѣ теперь, какъ это можетъ быть, что эта гасіенда обитаема въ настоящее время; вѣдь эти огни, которые мы видимъ, не зажглись же сами собой?

— Это ясно! Но что я могу знать объ этомъ?

— Ну, и я такъ же не могу себѣ этого объяснить, а потому и спрашиваю васъ.

— Вы, конечно, согласитесь со мной, что, не имѣя

крыльевъ, попасть въ это орлиное гнѣздо никакъ нельзя— но мы видимъ, что тамъ живутъ существа, подобныя намъ...

— Да, болѣе или менѣе подобныя! — произнесъ чей-то насмѣшливый голосъ такъ близко подлѣ нихъ, что оба собесѣдника невольно привскочили и вскинули къ плечу свои ружья.

— Ну, тише, тише, не горячитесь!—продолжалъ все тотъ же насмѣшливый голосъ,—смотрите, не надѣлайте бѣды!

— Кто вы такой?

— Coerpo de Cristo! возможно ли, что страхъ настолько лишилъ васъ сознанья, что вы даже не узнаете моего голоса?

— Кой чортъ! кто вы такой?

— Смотрите, Матадіесъ, любезный мой пріятель, не совѣтую вамъ говорить о веревкѣ въ домѣ повѣшеннаго—въ этихъ мѣстахъ говорить о нечистомъ не годится. Что же, Редблудъ, неужели и вы не узнаете меня?—продолжалъ неизвѣстный, приступая къ нимъ еще ближе.

— Аа! донъ Торрибіо де Ньебласъ! вы здѣсь, въ такое время! Какъ это могло случиться? — воскликнулъ метисъ, опуская свое ружье къ ногѣ.

— Какъ видите, пріятель, это я, но только не выкликайте такъ громко моего имени, это совершенно не нужно! да вы, друзья мои, какъ я вижу, совсѣмъ не опасаетесь!

— Кто же могъ ожидать, чтобъ здѣсь, въ пустынѣ...

— Вотъ именно въ пустынѣ-то и слѣдуетъ всего ожидать и всего опасаться; къ тому же вѣдь я предупредилъ васъ, Матадіесъ, что увижусь съ вами здѣсь.

— Да это правда, ваша милость, а у меня изъ головы вонъ.

— Хмъ! что-же мнѣ то, видно, не довѣряютъ?—пробормоталъ угрюмо Редблудъ.

— Если бы я не довѣрялъ вамъ, то разомъ покончилъ бы всѣ разсчеты съ вами!—строго произнесъ донъ Торрибіо,— но не въ этомъ дѣло, а скажите мнѣ, нашли вы какой-нибудь путь?

*

— Ни слѣда, что говорится! отвѣтилъ Редблудъ.

— А вы, Матадіесъ?

— Я также.

— Къ какому же вы пришли заключенію?

— Да ни къ какому, ваша милость, а вы? — спросили они, тѣснясь все ближе и ближе къ нему.

— Я того мнѣнія, что въ гасіенду ведетъ не одинъ путь, а нѣсколько, и что всѣ они существуютъ и теперь, но только искусно замаскированы.

— Хмъ, да, замаскированы,—это мило, нечего сказать! насмѣшливо пробормоталъ Редблудъ.

— Увидите! строго произнесъ донъ Торрибіо, я берусь вскорѣ доказать это вамъ и Матадіесу также.

— А что касается меня, то убѣдить въ этомъ не трудно; для всякаго, кто не такъ глупо суевѣренъ, какъ мой compadre Редблудъ—это несомнѣнно и ясно, какъ Божій день.

— Ей ей, товарищъ, вѣдь вы не донъ Торрибіо, говорите получше обо мнѣ!

— Да я не хочу говорить о васъ дурно, compadre, я только удостовѣряю фактъ, что вы до крайности суевѣрны, сердечный другъ мой, да къ тому же голова ваша полна всякаго рода баснями, отъ которыхъ можно стоя заснуть и въ которыя вы вѣрите, какъ въ Бога, это знаютъ всѣ! Я же, со своей стороны, утверждаю, что должны существовать пути, ведущіе въ гасіенду, если не наружные, то скрытые, подземные, какія нибудь подземелья, ходы вполнѣ удобные, ведущіе внутрь гасіенды и имѣющіе одинъ или нѣсколько выходовъ наружу, гдѣ нибудь у подножія горы.

— Да, въ этомъ можетъ быть доля правды!—согласился метисъ Редблудъ, невольно сознавая вѣроятность этого разумнаго предположенія.

— Все это безусловно вѣрно!—рѣшающимъ тономъ подтвердилъ донъ Торрибіо,—надо только найти эти выходы; ихъ слѣдуетъ искать именно у подошвы этой горы.

— Да, да—но дѣло это далеко не легкое, вотъ въ чемъ штука; уже три мѣсяца, какъ я здѣсь караулю, шарю, обню.

хиваю каждый камень и каждый кустъ,—и все напрасно!— сказалъ Матадіесъ.

— Я могу сказать тоже самое, — подтвердилъ въ свою очередь Редблудъ,—хотя долженъ сказать, что добивался инымъ путемъ, чѣмъ вы, compadre.

— О, въ этомъ я не мало не сомнѣваюсь,—иронически согласился Матадіесъ,—но въ эту ночь, я почти увѣренъ въ томъ, что мы что-нибудь да откроемъ изъ этихъ тайнъ.

— Что вы хотите этимъ сказать? спросилъ его донъ Торрибіо.

— Шшъ! вы ничего не слышите? освѣдомился онъ, прислушиваясь,—какъ будто что-то шевелится тамъ въ кустахъ, мнѣ послышался шорохъ.

Они тоже прислушались.

— Нѣтъ, вы, вѣроятно ошиблись!—сказали они въ одинъ голосъ.

— Возможно, но мнѣ показалось, что я ясно слышу шумъ! Впрочемъ, мы увидимъ...

— Что же именно заставляетъ васъ надѣяться, что сегодня мы не пропутаемся здѣсь задаромъ?

— А вотъ что; передъ закатомъ солнца, мимо меня проѣхали нѣсколько всадниковъ, направлявшихся въ эту сторону. Куда же они могли ѣхать, если не въ гасіенду?

— Да, очевидно, они ѣдутъ сюда.

— Я послѣдовалъ за ними въ нѣкоторомъ отдаленіи, такъ чтобы не быть замѣченнымъ, и видѣлъ своими глазами, какъ они скрылись въ этомъ лѣсу.

— Они были верхами?

— Ну, да! Очевидно, что имъ извѣстны какіе-то тропы, которыхъ мы не знаемъ.

— А давно вы покинули ихъ слѣдъ?

— Да полчаса-три четверти—не болѣе!

— Но въ такомъ случаѣ они должны быть не далеко и, вѣроятно, скоро будутъ здѣсь.

— Конечно; вотъ потому-то мнѣ и показалось, быть можетъ, что я слышу какой-то шорохъ... да вотъ —

слышите вы? — на этотъ разъ шумъ былъ довольно явственъ.

— Да, это—конскій топотъ! —сказалъ Редблудъ.

— Очевидно, они ничего не опасаются, потому что не принимаютъ никакихъ предосторожностей, хотя не рѣдко бываетъ лучшей предосторожностью вовсе не прибѣгать ни къ какимъ предосторожностямъ. Однако, смолкнемъ на время и будемъ повнимательнѣе слѣдить за ними и будь я не Матадіесъ, если мы не увидимъ чего нибудь любопытнаго!

Этотъ Матадіесъ былъ парень лѣтъ тридцати, худой и сухой, какъ жердина, саженнаго роста съ красно-кирпичнымъ цвѣтомъ лица, неправильными рѣзкими чертами и быстрыми маленькими, узкими глазками, сѣрыми и живыми, вѣчно смѣющимися, съ хитрымъ лукавымъ выраженіемъ. Крупный крючковатый носъ, напоминавшій клювъ хищной птицы, свѣшивался надъ широкимъ ртомъ съ узкими безцвѣтными губами и двойнымъ рядомъ мелкихъ, ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ, острыхъ и частыхъ какъ у гіены. Ловкій, проворный и легкій, какъ пантера, цѣпкій какъ обезьяна, одаренный исключительной физической силой, хитрый, лукавый и свирѣпый, какъ настоящій Апачъ, онъ представлялъ собою довольно любопытный типъ. Къ тому же онъ былъ отчаянный игрокъ и за деньги готовъ былъ на все. Сварливый и неуживчивый, онъ во всякое время, не задумываясь, хватался за ножъ, вслѣдствіе чего и получилъ свое прозвище Матадіесъ; настоящее же имя этого человѣка было Хозе Камотъ; родился онъ въ Уресѣ, тогдашнемъ главномъ городѣ Соноры.

Ко всѣмъ его многочисленнымъ качествамъ слѣдовало еще добавить безусловную скромность и скрытность,—ему можно было смѣло довѣрить любую тайну,—затѣмъ смѣлость и силу льва, и замѣчательную добросовѣстность въ исполненіи всѣхъ своихъ уговоровъ, въ силу того, что онъ находилъ это всегда болѣе выгоднымъ, чѣмъ обманъ, но отнюдь не въ силу того начала, которое нѣкоторые люди называютъ совѣстью, а сверхъ всего того, глубокое и основательное

знаніе жизни прерій. Словомъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ нѣкоторые ищутъ днемъ съ огнемъ для того, чтобы сводить кое-какіе счеты со своими ближними, но только онъ любилъ, чтобы ему платили щедро, безъ этого онъ не соглашался и пальцемъ шевельнуть.

Во всемъ остальномъ это былъ славный и веселый товарищъ, всегда находчивый и безпечный какъ человѣкъ, совѣсть котораго спокойна и ни въ чемъ не упрекаетъ его, что не мѣшало ему съ большею готовностью пырнуть ножемъ друга, чѣмъ дать мельчайшую монету нищему бѣдняку.

Другъ и пріятель его Редблудъ, такой же кандидатъ на висѣлицу, не смотря на всѣ свои усилія, оставался далеко позади своего пріятеля и проявлялъ по отношенію къ нему безграничное восхищеніе и въ тайнѣ боялся его пуще грома небеснаго. Въ сущности же онъ ненавидѣлъ его всѣми силами своей души: громкая репутація Матадіеса не давала ему спать, онъ страшно завидовалъ ему.

Таковы были въ данный моментъ товарищи дона Торрибіо де Ніебласъ, вмѣстѣ съ которыми онъ теперь сидѣлъ въ засадѣ, подкарауливая путниковъ, о которыхъ только что упоминулъ Матадіесъ.

Имъ пришлось ждать не долго.

Всадники выѣхали изъ лѣса. Ихъ было человѣкъ десять или двѣнадцать. Всѣ они были на добрыхъ коняхъ и такъ плотно укутаны въ свои плащи, что даже и днемъ ихъ лицъ нельзя было бы разглядѣть, тѣмъ болѣе, что широкія поля ихъ сомбреро были совершенно низко опущены на глаза. Единственно, что можно было разглядѣть въ этой темнотѣ, такъ это стволы ружей и металлическія ножны сабель, привѣшенныхъ къ поясу и блестѣвшихъ при лунѣ.

Вопреки обычаю жителей степей и вопреки всѣмъ ожиданіямъ Матадіеса, всадники ѣхали не по двое въ рядъ и не гуськомъ одинъ за другимъ, какъ индѣйцы, а выѣхали изъ лѣса всѣ разомъ, развернутымъ фронтомъ, на разстояніи приблизительно 15 футъ другъ отъ друга, занимая пространство болѣе ста шаговъ.

Въ такомъ порядкѣ они подъѣхали къ потоку, подвигаясь съ опаской, шагомъ, съ ружьями на взводѣ, сохраняя дистанцію, мрачные и безмолвные, какъ привидѣнія или грозныя тѣни выходцевъ. Ихъ кони, какъ видно привычные, ступали твердо и увѣренно между безпорядочно разбросанными скалами, обломками гранита и всякимъ буреломомъ.

Этотъ странный маневръ сначала удивилъ, затѣмъ смутилъ и, въ концѣ концовъ, нагналъ смертельный страхъ и ужасъ на троихъ людей, находившихся въ засадѣ.

Всадники подъѣхали къ потоку и готовились переправиться черезъ него. Та группа скалъ, среди которыхъ находились наши знакомцы, приходилась какъ разъ на пути всадниковъ, противъ самаго центра ихъ наступательной линіи. Нельзя было терять ни минуты времени; слѣдовало уйти и какъ можно скорѣе, чтобы не попасть, какъ куръ во щи. Растянувшись плашмя по землѣ, наши пріятели стали уходить ползкомъ, стараясь выбраться изъ линіи, занятой всадниками, укрываясь то въ кустахъ, то въ тѣни гранитныхъ обломковъ и скалъ. И вотъ, наконецъ, послѣ многихъ и долгихъ усилій, имъ удалось добраться до густой, сильно выдающейся впередъ части лѣса и укрыться тамъ, оградивъ себя отъ возможнаго натиска коней громадными утесами, за которыми они притаились.

Достигнувъ берега бурливаго потока, всадники на минуту пріостановились. Затѣмъ послышался троекратно крикъ филина, которому отвѣтилъ такой же крикъ, но только очень слабый, какъ бы донесшійся изъ отдаленія.

Тогда линія всадниковъ сплотнилась и они тѣснымъ рядомъ переправились черезъ рѣку.

Очутившись на томъ берегу, они раздѣлились на три группы по пяти человѣкъ въ каждой. Затѣмъ первая группа тронулась и быстро скрылась во мглѣ; минутъ пять спустя и вторая группа послѣдовала за первой.

Четверть часа спустя тронулась и третья группа всадниковъ. Матадіесъ готовъ былъ кинуться по ихъ слѣду, но каково же было его разочарованіе, когда онъ увидѣлъ, что

эти конные люди возвращаются обратно, т. е. вторично переправляются черезъ рѣку и направляются въ лѣсъ къ тому мѣсту, откуда они выѣхали съ полчаса тому назадъ, гдѣ тотчасъ же и скрылись.

— Ну, что вы на это скажете?—спросилъ Редблудъ, когда гнѣвъ и досада, душившіе его, позволили ему, наконецъ, произнести эти нѣсколько словъ.

— Cuerpo de Cristo!—воскликнулъ Матадіесъ,—я нахожу, что это ловкіе парни, почище насъ даже! нѣтъ, какъ хотите, это превосходно! и ни малѣйшаго шума, ни малѣйшаго подозрительнаго или неловкаго движенія!

— Я вполнѣ понимаю ваше восхищеніе, сеньоръ Матадіесъ!—досадливо сказалъ Редблудъ,—но при всемъ томъ, эти господа оставили насъ въ дуракахъ!

— Да, съ этимъ я не могу не согласиться, но что же дѣлать? теперь горю не пособить; надо потерпѣть еще немного, быть можетъ, въ слѣдующій разъ мы будемъ счастливѣе.

Донъ Торрибіо молчалъ, преслѣдуя свои мысли.

— Вы легко миритесь съ нашей неудачей.

— Да что же дѣлать прикажете—все равно они вѣрно порядкомъ смѣются надъ нами, если только они знаютъ о нашей засадѣ.

— Какъ они могутъ знать объ этомъ?

— Да почемъ я знаю какъ, но только эти парни хитры, какъ опоссумы (двуутробки), и у нихъ положительно всюду есть лазутчики и шпіоны, можетъ быть, ихъ предупредили о нашемъ присутствіи.

— Конечно, это весьма возможно.

— Что же мы будемъ теперь дѣлать?

— Подождемъ, пока они выйдутъ!

— Ну, въ такомъ случаѣ, у насъ много времени: они, конечно, выйдутъ инымъ путемъ, чѣмъ вошли—это простая азбука осторожности, vive Dios!

— Да, это ваша правда, но что же намъ дѣлать въ такомъ случаѣ?

— Спокойно удалиться отсюда и расположится на ночлегъ въ лѣсу у яркаго костра.

— Ну, а на завтра?

— Завтра, самой собой, довлеетъ каждому дню своей заботы!—смѣясь замѣтилъ Матадіесъ, и, наклонясь къ самому уху дона Торрибіо, шепнулъ ему, — предоставьте мнѣ это дѣло, ваша милость, мое самолюбіе здѣсь задѣто за живое, но тѣмъ лучше—я этому очень радъ.

— Прекрасно, пойдемте, если вы хотите, для меня безразлично!—согласился донъ Торрибіо, продолжая преслѣдовать свои мысли и почти машинально отвѣчая на слова своихъ собесѣдниковъ.

Всѣ трое снова переправились въ томъ же мѣстѣ черезъ потокъ и вошли въ лѣсъ. Послѣ получасовой ходьбы они пришли, наконецъ, къ хорошенькой прогалинкѣ, довольно большой, гдѣ и расположились подъ большимъ развѣсистымъ деревомъ, разложивъ передъ собою яркій костеръ. Матадіесъ по пути немного отсталъ отъ дона Торрибіо и Редблуда и притаился на время въ кустахъ—а затѣмъ нагналъ ихъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Окончательно расположившись на ночлегъ и обмѣнявшись нѣсколькими отрывистыми фразами и покуривъ, наши трое знакомцевъ плотно увернулись въ свои зарапе и собрались заснуть.

Редблудъ принялъ на себя первую очередь ночного дежурства; донъ Торрибіо, завернувшись въ плащъ, прислонился спиною къ стволу дерева и, надвинувъ на глаза шляпу, остался неподвиженъ.

Спалъ-ли онъ? размышлялъ-ли онъ? никто не могъ сказать, но только онъ не шевельнулся ни разу, точно окаменѣлъ. Редблудъ, поставивъ между ногъ свое заряженное ружье, закурилъ сигару.

Матадіесъ расположился за спиною Редблуда, такъ что почти не могъ его видѣть, да онъ и не думалъ вовсе о немъ.

Прошло около двухъ часовъ времени; на прогалинкѣ ца-

рила мертвая тишина; донъ Торрибіо, казалось, спалъ, какъ выражаются испанцы à pierna suelta. Редблудъ мечталъ, слѣдя глазами за дымомъ своей сигары.

Временами, онъ какъ будто прислушивался, когда какой-нибудь необычайный звукъ доносился до его слуха; но вслѣдъ за тѣмъ снова принималъ свою небрежную покойную позу и ограничивался тѣмъ, что подбрасывалъ нѣсколько сухихъ вѣтокъ въ огонь.

Тѣмъ временемъ Матадіесъ тихо вытащилъ изъ кустовъ, подлѣ которыхъ онъ расположился, какой-то длинный предметъ, который онъ тщательно увернулъ въ свой зарапе и уложилъ подлѣ себя, такъ что даже на разстояніи двухъ трехъ шаговъ этотъ предметъ—можно было принять за спящаго человѣка. Сдѣлавъ это Матадіесъ, крадучись, заползъ въ кусты и затѣмъ скрылся въ чащѣ лѣса.

Какъ, вѣроятно, помнитъ читатель, Матадіесъ шепнулъ дону Торрибіо, что проситъ его предоставить это дѣло ему, и вотъ, теперь онъ собирался заняться именно этимъ дѣломъ.

Не смотря на всѣ предосторожности, принятыя Матадіесомъ, ни одно изъ его движеній не утаилось отъ дона Торрибіо. Въ тотъ моментъ, когда тотъ исчезалъ въ чащѣ лѣса, молодой человѣкъ сдѣлалъ было такое движеніе, какъ будто собирался встать и послѣдовать за нимъ, но тотчасъ же измѣнилъ свое намѣреніе и снова остался совершенно недвижимъ.

Мексиканецъ былъ слишкомъ ловкій и опытный парень, слишкомъ уже тертый калачъ, чтобы не угадать сразу хитраго маневра третьей группы всадниковъ: очевидно, обезпечивъ благополучное прибытіе къ мѣсту назначенія своихъ товарищей, они удалились обратно въ лѣсъ, чтобы сбить съ толка соглядатаевъ и шпіоновъ, присутствіе которыхъ они, какъ видно, подозрѣвали, а затѣмъ, спустя немного времени, они намѣревались или проникнуть въ гасіенду инымъ путемъ, или, служа только охранной стражей для всадниковъ двухъ первыхъ группъ, должны были провести ночь

подъ открытымъ небомъ, выжидая возвращенія своихъ товарищей изъ гасіенды.

Всѣ эти предположенія съ быстротой молніи пронеслись въ головѣ Матадіеса, — и онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, разузнать, что сталось съ третьей группой таинственныхъ всадниковъ.

Привычному охотнику не стоило большого труда отыскать слѣдъ этихъ людей. Идя по которому, онъ вскорѣ достигъ того мѣста, гдѣ они расположились послѣ своего мнимаго отступленія. Теперь онъ имѣлъ случай убѣдиться, что предположенія его были почти безошибочны. Матадіесъ не прождалъ и десяти минутъ, какъ увидѣлъ, что люди эти стали подыматься и связывать свои сумки, отходя одинъ за другимъ отъ костра, у котораго ужинали. Взнуздавъ своихъ коней, и собравъ свои пожитки, они проворно вскочили на коней и ускакали.

— Я такъ и зналъ, что я не ошибаюсь, посмотримъ теперь, куда они намѣрены направиться?

Всадники, не подозрѣвавшіе, очевидно, что за ними слѣдятъ, безъ малѣйшаго промедленія и не мало не задумываясь, вернулись къ Voladero.

Матадіесъ шелъ все время за ними слѣдомъ, надѣясь, что, наконецъ-то, ему удастся все разузнать.

Дѣйствительно, всадники смѣло въѣхали и стали лавировать между громадными обломками гранита, мрачными скалами и утесами, не мало не задумываясь, переправившись черезъ рѣку и затѣмъ стали сворачивать вправо.

Матадіезъ шелъ все время за ними слѣдомъ, сдерживая дыханіе, опасаясь произвести малѣйшій шумъ; всадники ѣхали шагомъ, опустивъ поводья, очевидно, ничего не опасаясь и ничего не подозрѣвая.

— Ну, на этотъ разъ они мнѣ попадутся въ лапы!—думалъ онъ.

И вдругъ чуть-ли не въ тотъ самый моментъ, безъ малѣйшаго предостереженія — тяжелый зарапе упалъ ему на голову, окутавъ ему лицо и плечи; въ то же время чьи-то

сильные ловкіе руки схватили его, опрокинули навзничъ и, не смотря на его необычайную силу, крѣпко и проворно скрутили его. Все это сдѣлалось такъ быстро, что онъ не успѣлъ даже и крикнуть, впрочемъ, это было совершенно невозможно благодаря тому, что зарапе, окутывавшій ему голову, былъ завязанъ у него на рту.

— Эхъ, молодцы! Какой шустрый, разудалый народъ!— шепталъ онъ про себя,—вотъ это ловко!!

Не смотря на то, что самъ онъ былъ въ данный моментъ лицомъ страдательнымъ и находился во власти своихъ противниковъ, Матадіесъ, какъ истый артистъ, восхищался ихъ удачнымъ и остроумнымъ пріемомъ, а каковы должны были быть для него лично послѣдствія, объ этомъ онъ мало заботился.

Затѣмъ онъ почувствовалъ, что его подняли на руки и съ невѣроятной быстротой понесли куда-то, но въ какомъ направленіи—онъ этого, конечно, не могъ опредѣлить. Это быстрое движеніе длилось болѣе получаса, а затѣмъ онъ вдругъ почувствовалъ, что его бережно опустили на землю и чей-то насмѣшливый голосъ прошепталъ ему въ самое ухо:

— До свиданія! но не приходите опять туда, помните, что любопытство—смертельно опасная штука!

Затѣмъ онъ услыхалъ быстро удаляющіеся шаги, которые вскорѣ затихли въ отдаленіи.

— Какъ видно, мы теперь прибыли къ мѣсту назначенія. Куда это меня эти черти завезли? да этотъ лѣшій еще трунитъ надо мной. Какъ бы то ни было, но они готовятъ мнѣ какой-нибудь сюрпризъ и, конечно, не совсѣмъ пріятный.

Однако, кругомъ было совершенно тихо, казалось, онъ былъ совершенно одинъ.

— Что бы это значило?—размышлялъ онъ,—неужели они просто-на-просто бросили меня въ какомъ-нибудь глухомъ углу и больше ничего?

Подождавъ нѣкоторое время и окончательно удостовѣрившись въ томъ, что его таинственные непріятели удалились,

оставивъ его одного, онъ попытался было разорвать свои путы.

Къ неописанному своему удивленію, однако, при первомъ его осторожномъ усиліи, веревки сами собою распустились и, спустя нѣсколько минутъ, онъ очутился совершенно свободнымъ. Тогда онъ присѣлъ и обвелъ вокругъ себя глазами. Каково же было его недоумѣніе и радость, когда онъ увидѣлъ себя у костра, разведеннаго имъ и Редблудомъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ лежалъ часа три тому назадъ, бокъ-о-бокъ съ чурбаномъ, завернутымъ въ его зарапе, замѣнявшемъ его въ его отсутствіи.

— Да, cuerpo de Dios! нечего сказать, прекрасно сыгранная штука,—но Rayo de Dios! не я буду, если не разсчитаюсь съ ними за эту продѣлку; я доберусь до ихъ тайны, если даже это должно будетъ мнѣ стоить жизни. На этотъ разъ они опять одурачили меня, но я не останусь у васъ въ долгу caraï! будьте покойны!—думалъ онъ.

Но вотъ Редблудъ всталъ, отошелъ отъ костра и, подойдя къ нему, сказалъ:

— Ну, компадре, теперь вашъ чередъ караулить насъ: вы уже достаточно поспали; новаго ничего; смотрите, караульте хорошенько.

— О, будьте покойны, компадре,—насмѣшливо отвѣтилъ онъ,—я такъ прекрасно спалъ.

И между тѣмъ, какъ Редблудъ заворачивался въ свой зарапе и преспокойно, точно въ своей спальнѣ, укладывался спать, Матадіесъ всталъ и занялъ свое мѣсто у костра. Ночь прошла безъ всякихъ особыхъ приключеній, а съ восходомъ солнца всѣ трое охотниковъ были уже на ногахъ.

— Что мы будемъ дѣлать теперь, ваша милость?—спросилъ Матадіесъ.

— Вамъ больше дѣлать нечего, друзья мои!—отвѣчалъ донъ Торрибіо.

— То есть какъ это нечего?—обиженнымъ тономъ спросили мексиканцы.

— Выслушайте меня, а главное, постарайтесь понять.

Я избралъ васъ двоихъ изъ числа всѣхъ вашихъ товарищей, потому что знаю, на что вы оба способны, какъ опытные, ловкіе охотники, знающіе до мельчайшихъ подробностей всѣ условія жизни пампасовъ, обычаи и нравы мѣстныхъ обитателей и т. д.

— Что же вы не довольны нами?

— Напротивъ, я вами доволенъ, какъ нельзя болѣе, вы даже превзошли всѣ мои ожиданія, но всего этого мало: я хотѣлъ сдѣлать опытъ, и опытъ этотъ мнѣ прекрасно удался. Теперь я несомнѣнно знаю, что никакой охотникъ, никакой другой человѣкъ не можетъ выслѣдить этихъ негодяевъ; очевидно, они располагаютъ такими средствами, противъ которыхъ нѣтъ возможности бороться кому бы то ни было изъ васъ.

— Но что же въ такомъ случаѣ дѣлать, ваша милость? вы правы, ваша милость, съ этимъ я не могу не согласиться.

— Да, вы сами на себѣ испытали ихъ ловкость и силу въ эту ночь, мой бѣдный другъ, а между тѣмъ и вы со своей стороны проявили необычайную ловкость и находчивость.

— Какъ, вы объ этомъ знаете, ваша милость?

— Я все видѣлъ и все знаю, и эту отместку, которой вы вѣроятно страстно желаете, я берусь доставить вамъ самъ. Теперь я, въ свою очередь, беру все это дѣло на себя, и я одинъ разоблачу эту тайну, которая до настоящаго времени оставалась недоступной для всѣхъ. Я не хвастаюсь, скоро вы сами въ этомъ убѣдитесь, а пока я остаюсь здѣсь.

— Одни, ваша милость?

— Да, одинъ; я не имѣю надобности ни въ чьей посторонней помощи; что же касается васъ, друзья мои, то вотъ возьмите это и подѣлите между собой, въ знакъ моей благодарности за ваши старанія, и затѣмъ отправьтесь къ Твердой-Рукѣ въ al Ojo de Agua и скажите, что я тоже скоро прибуду туда.

И онъ вручилъ Матадіесу увѣсистый кошелекъ.

— Однако, ваша милость!—началъ было Матадіесъ не совсѣмъ рѣшительно.

— Отправляйтесь, друзья мои, я этого хочу, такъ надо!

— Ну, пусть будетъ, какъ вамъ угодно, ваша милость; желаю вамъ успѣха.

— Благодарю!

Затѣмъ оба охотника простились съ молодымъ человѣкомъ и вскорѣ скрылись въ глубинѣ темной чащи лѣса.

— А теперь,—сказалъ донъ Торрибіо, какъ только онъ остался одинъ,—теперь надо мнѣ приниматься за дѣло и показать, что могутъ сдѣлать буэносъ-айресскіе Растреадоры.

XIII. Въ которой, наконецъ, проникаютъ въ гасіенду дель Енганьо.

Гасіенда дель Енганьо, какъ отлично понимаетъ читатель, при всей своей очевидной недоступности, конечно, была вполнѣ доступна для тѣхъ, кому были извѣстны тайные пути и ходы, ведущіе въ нее.

Какъ то угадалъ донъ Торрибіо на основаніи всего происшедшаго вчера у подножія Valodero, съ той стороны, гдѣ находились въ засадѣ охотники, былъ только одинъ входъ въ гасіенду, который былъ извѣстенъ только одному лицу, и вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ, какъ никто ни разу не пользовался имъ, къ тому же съ этой стороны даже приблизиться-то къ гасіендѣ было крайне затруднительно.

Всадники, которые дѣйствовали такъ хитро и ловко, не пытались даже проникнуть внутрь гасіенды съ этой стороны, что было бы даже совершенно невозможно для нихъ, такъ какъ они были верхами. Они просто, какъ говорится, произвели фальшивую аттаку въ этомъ направленіи, съ цѣлью сбить съ толка и ввести въ заблужденіе соглядатаевъ, присутствіе которыхъ они, какъ видно, подозрѣвали, разсчитывая этимъ ловкимъ пріемомъ заставить ихъ повѣрить въ возможность проникнуть въ гасіенду съ этой стороны и тѣмъ самымъ отвратить ихъ отъ желанія приняться за поиски въ другомъ мѣстѣ.

Въ сущности же гасіенда была доступна съ четырехъ сторонъ пѣшимъ и коннымъ, даже экипажамъ; туда вели прекрасныя широкія дороги, прекрасно содержимыя, но начало этихъ дорогъ было такъ удачно замаскировано, такъ хорошо скрыто, что доискаться ихъ не было почти никакой возможности. Впрочемъ, ближайшая изъ этихъ дорогъ находилась на разстояніи пяти миль отъ того мѣста, гдѣ сидѣли въ засадѣ Матадіесъ и Редблудъ. Но что, главнымъ образомъ, дѣлало гасіенду недоступной, такъ это ея обособленное, одинокое положеніе среди пустыни, въ глуши почти непроходимаго лѣса, вдали отъ всякаго населеннаго центра, и таинственная репутація, созданная цѣлой массой легендъ, усердно распространяемыхъ въ странѣ и наводившихъ страхъ и ужасъ на краснокожихъ и на невѣжественныхъ, суевѣрныхъ охотниковъ, которые одни только и посѣщали порою эти края. Кромѣ того, тайны гасіенды никого не затрагивали, никого близко не касались и никто не имѣлъ серьезной надобности потрудиться надъ разоблаченіемъ ихъ. Вотъ почему гасіенда въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій хранила свою тайну въ полной неприкосновенности. Теперь же, когда Платеадосы сдѣлали ее главнѣйшимъ мѣстомъ своего пребыванія, складочнымъ мѣстомъ всѣхъ награбленныхъ ими богатствъ и сокровищъ, когда они превратили ее въ разбойничье гнѣздо, взгляды всего населенія страны невольно обратились на гасіенду,—и она стала предметомъ любопытства, удивленія, страха и недоумѣнія для всѣхъ и каждаго; о ней заговорили, ею интересовались всѣ, и каждому хотѣлось разоблачить, изучить и изслѣдовать тайны этого зданія, о которомъ долгое время всѣ какъ-будто забыли. Итакъ, всадники въ прошлую ночь, выполнивъ съ успѣхомъ свой хитрый маневръ, вернулись окольнымъ путемъ въ долину и, переправившись черезъ Ріо Халинасъ, ѣхали нѣкоторое время легкимъ охотничьимъ галопомъ прямо впередъ, пока, наконецъ, не достигли довольно высокаго, густо поросшаго лѣсомъ холма, спускавшагося пологимъ скатомъ въ долину. Въѣхавъ на холмъ, всадники вскорѣ очутились на прекрас-

вой лужайкѣ среди лѣса, гдѣ они соскочили съ коней, дали имъ вздохнуть, а одинъ изъ нихъ всталъ на стражѣ у опушки лѣса, остальные же, стреноживъ своихъ коней и задавъ имъ кормъ, завернулись въ свои зарапе и, растянувшись на травѣ, крѣпко заснули.

Передъ самымъ разсвѣтомъ послышался конскій топотъ вдали; топотъ этотъ быстро приближался и вскорѣ пять человѣкъ конныхъ прибыли на лужайку, гдѣ отдыхали ихъ товарищи, очевидно, поджидавшіе ихъ.

Какъ только тѣ въѣхали на лужайку, остальные десять быстро вскочили на своихъ коней и, не обмѣнявшись ни единымъ словомъ, двинулись дальше.

Спустившись съ холма по ту сторону, они переѣхали въ бродъ небольшую рѣченку, какой-то безымянный притокъ Ріо Салинасъ. На берегу этой рѣченки, въ совершенно развалившемся, разрушенномъ ранчо, восемь пеоновъ ожидали всадниковъ, имѣя для нихъ наготовѣ совершенно осѣдланныхъ лошадей. Въ нѣсколько секундъ всадники пересѣли на свѣжихъ коней, а пеоны увели усталыхъ и измученныхъ въ направленіи совершенно противуположномъ гасіендѣ.

Между тѣмъ всадники продолжали путь крупнымъ галопомъ; для большей осторожности, къ хвостамъ коней были привязаны большія вѣтки лиственницы, волочившіяся по землѣ и заметавшія слѣдъ лошадей. Всадники ѣхали не останавливаясь вплоть до темной ночи; около девяти часовъ вечера они, наконецъ, сдѣлали привалъ, чтобы дать вздохнуть лошадямъ, а часъ спустя, снова продолжали путь.

Дорога или, вѣрнѣе, тропа, по которой слѣдовали всадники, дѣлала множество заворотовъ, извиваясь во всѣ стороны и постепенно съуживалась все болѣе и болѣе, пока, наконецъ, не стала настолько тѣсной, что имъ пришлось ѣхать гуськомъ другъ за другомъ и почти шагомъ, потому что холмъ, на который они теперь въѣзжали, имѣлъ очень крутой подъемъ. Спустя немного времени, между кустовъ и деревьевъ стали появляться громадныя гранитныя глыбы, которыя постепенно сближались другъ съ другомъ и оттѣсняли

деревья и кусты, такъ что всадники вскорѣ поѣхали по каменистому дну русла пересохшаго потока; кони ступали по гладкимъ, точно отполированнымъ плитамъ гранита. Послѣ первыхъ шаговъ всадники остановились, отвязали вѣтки, привязанныя къ хвостамъ коней, и сбросили въ глубокій оврагъ, открывавшійся тутъ же, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ русла; затѣмъ, обернувъ войлокомъ копыта лошадей, вновь сѣли на коней и продолжали подвигаться впередъ на протяженіи приблизительно полуторы мили. Достигнувъ извѣстнаго мѣста, всадникъ, ѣхавшій впереди другихъ, вдругъ рѣзко свернулъ вправо и осторожно сталъ подвигаться по очень узкому ущелью, гдѣ едва-едва могла пройти лошадь. Ущелье это извивалось по всѣмъ направленіямъ, развѣтвляясь во всѣ стороны, и надо было большое вниманіе и знаніе пути, чтобы не сбиться съ дороги въ этомъ причудливомъ лабиринтѣ ходовъ, поворотовъ и развѣтвленій. Вслѣдъ за первымъ, не отставая отъ него ни на шагъ, двинулись и остальные.

Болѣе двухъ часовъ всадники ѣхали по каменистой почвѣ, гдѣ въ помощи вѣтокъ, заметающихъ слѣдъ, не было никакой надобности, тѣмъ болѣе, что кони ихъ, по мѣстному индѣйскому обычаю, были не кованные и, сверхъ того, копыта ихъ были обмотаны войлокомъ, какъ мы уже сказали раньше, вслѣдствіе чего на почвѣ не могло оставаться ни малѣйшаго слѣда.

Наконецъ, наши всадники очутились лицомъ къ лицу съ цѣлымъ хаосомъ скалъ, совершенно преграждавшихъ выходъ изъ ущелья.

Передовой спѣшился и, взявъ своего коня подъ уздцы, сталъ медленно и осторожно подвигаться между скалами и вскорѣ совершенно скрылся изъ вида; остальные слѣдовали за нимъ шагъ за шагомъ, также ведя коней подъ уздцы. Послѣ десяти или пятнадцати минутъ ходьбы среди этого лѣса скалъ, громоздившихся одна на другую и разметавшихся во всѣ стороны, такъ что подвигаться здѣсь можно было лишь очень медленно и съ большой опаской, весь маленькій отрядъ достигъ, наконецъ, громаднаго утеса, кото-

*

рый имъ пришлось обогнуть, и тогда они очутились у входа въ пещеру, которую даже на разстояніи пяти, шести шаговъ нельзя было замѣтить.

Осторожно раздвинувъ кусты, травы и различныя вьющіяся растенія, совершенно скрывавшія входъ въ пещеру, люди, одинъ за другимъ, вошли въ нее. Пещера эта была очень высока и широка, и въ одномъ мѣстѣ путники вдругъ наткнулись на нѣчто въ родѣ древняго памятника друидовъ, сооруженнаго изъ двухъ громадныхъ каменныхъ глыбъ, установленныхъ одна на другую; здѣсь шедшій впереди другихъ, очевидно, предводитель и начальникъ маленькаго отряда, зажегъ акотовый факелъ и приблизился съ нимъ къ стѣнѣ, которую онъ сталъ внимательно разглядывать, освѣщая факеломъ каждый вершокъ.

— Смотрите не ошибитесь!—сказалъ одинъ изъ людей на ухо первому, съ невольнымъ ужасомъ отступая на шагъ.

— Будьте покойны! — отвѣтилъ тотъ, улыбаясь, — я не дотронусь до лѣваго.

Это были первыя слова, какими обмѣнялись эти люди за все это продолжительное и трудное путешествіе.

Вслѣдъ за тѣмъ, тотъ изъ нихъ, который держалъ въ рукѣ факелъ, дотронулся до какой-то потайной пружины и въ тотъ же моментъ громадная глыба гранита отдѣлилась отъ стѣны и повернувшись на своей оси ушла въ землю, открывая входъ достаточно широкій для того, чтобы могли пройти двѣ лошади въ рядъ. За этимъ сводчатымъ входомъ, или аркой, виднѣлся безконечно длинный подземный корридоръ, ведущій вверхъ по отлогому скату.

Когда всѣ до единаго прошли со своими конями въ подземный корридоръ или галлерею, послѣдній дотронулся до какой-то внутренней пружины, и громадная глыба снова встала на свое мѣсто, заградивъ входъ въ подземелье. Продолжая идти этимъ корридоромъ и ведя за собой коней въ поводу, маленькому отряду пришлось еще два раза открывать себѣ дорогу, смѣщая посредствомъ потайныхъ пружинъ, то большія каменныя плиты, то цѣлыя части утесовъ, но,

наконецъ, послѣ часоваго странствованія по тайному подземелью, они увидѣли у себя надъ головой прозрачное небо, искрящееся мирріадами яркихъ мерцающихъ звѣздъ, а вслѣдъ за тѣмъ они очутились въ густой чащѣ кедроваго лѣса, поросшаго кустарникомъ и льянами.

То отверстіе, черезъ которое они вышли изъ подземелья, было совершенно незамѣтно и окончательно скрыто кустами и деревьями. Здѣсь нашъ маленькій отрядъ проворно вскочилъ на коней и, крупной рысью миновавъ лѣсъ, выѣхалъ на громадную площадь, поросшую множествомъ отдѣльныхъ группъ деревьевъ, кустовъ, цвѣтовъ всякого рода, а шагахъ въ пяти-десяти впереди себя они увидѣли ясно вырисовывавшееся на прозрачномъ фонѣ неба громадное и величественное зданіе, ярко освѣщенное сверху до низу и окруженное со всѣхъ сторонъ роскошною уертой (садомъ), котораго снизу, т. е. изъ долины, отъ подножія Voladero было совсѣмъ не видно.

Вся уерта была кругомъ обведена глубокимъ рвомъ, при чемъ земля, выброшенная изъ него землекопами за грань уерты, образовала высокій валъ, за которымъ возвышались высокія каменныя стѣны, имѣвшія около десяти футовъ толщины. Зубчатыя стѣны эти были лишь на два фута выше землянаго вала, благодаря чему, принимая во вниманіе множество выступовъ и углубленій крѣпостной стѣны, гасіенда дель Енганьо могла дѣйствительно считаться неприступной крѣпостью и, въ случаѣ надобности, выдержать самую серьезную осаду, чего, впрочемъ, нечего было опасаться вслѣдствіе ея совершенно неприступнаго положенія.

При шумѣ приближенія маленькаго отряда, въ стѣнѣ открылся тайникъ и въ немъ показался человѣкъ, который окликнулъ пріѣзжихъ.

Всадники тотчасъ-же сдержали своихъ коней и остановились, какъ вкопанные, на мѣстѣ, а начальникъ ихъ ѣхавшій впереди, подъѣхалъ ближе и громкимъ, отчетливымъ голосомъ произнесъ:

— Los Hijos de la tuna, busaen socorro, en su necessidad.—

Дѣти кочующаго (бродячаго) племени ищутъ помощи въ нуждахъ своихъ.

— La tuna *) no da frutos en esa altura.

— Туна не даетъ плода на такой высотѣ,—насмѣшливо отвѣчалъ человѣкъ изъ тайника.

— Si cuando hay plata; somos plateados de la cabeza a los pies y los fenemos à la francesa. — Нѣтъ, даетъ, когда есть серебро, а мы посеребрены, съ головы до пятъ, и готовы служить вамъ.

— Pues que es asi seum lesti des los bien llegados en esa casa caballeros. — Если такъ, то добро пожаловать въ этотъ домъ, господа! — отвѣчалъ стражъ съ низкимъ почтительнымъ поклономъ.

Послѣ того тайникъ захлопнулся и человѣкъ скрылся за стѣной, а въ слѣдующій моментъ тяжелый подъемный мостъ, скрипя своими цѣпями опустился и перекинулся черезъ ровъ. Всадники крупною рысью проѣхали мостъ и увидѣли себя въ прекрасной сводчатой аллеѣ гигантскихъ кедровъ столь тѣнистой, что даже въ самое жаркое время дня туда не проникали лучи солнца. Аллея эта упиралась въ глубокій ровъ, еще гораздо глубже перваго, обведенный второй высокой каменной стѣной сильно укрѣпленной, но здѣсь подъемный мостъ былъ спущенъ и всадникамъ не пришлось останавливаться и вступать въ предварительные переговоры; они прямо въѣхали на большой широкій чистый дворъ, по обѣ стороны котораго тянулись службы, конюшни, сараи и всякія надворныя постройки въ стройномъ порядкѣ. Посреди этого двора возвышалось высокое бѣлое мраморное крыльцо съ широкими пологими ступенями, спускавшимися на обѣ стороны, и съ чугунными коваными перилами; на ступеняхъ крыльца стояли слуги съ зажженными факелами

*) Tuna. Туна—означаетъ въ переводѣ: бродячая, кочевая жизнь и въ то-же время это есть названіе особаго рода Мексиканской смоковницы, или какъ ее еще называютъ, Индѣйской смоковницы; вслѣдствіе этого двойного значенія получается игра словъ на испанскомъ языкѣ, не переводимая—на русскій.

и будто ожидали пріѣзжихъ, а около крыльца толпились другіе слуги—пеоны, готовые принять лошадей и отвести ихъ въ конюшни, расположенныя довольно далеко отъ раѣіо или параднаго двора.

Только четверо изъ прибывшихъ поднялись по широкой мраморной лѣстницѣ крыльца, остальные-же остались во дворѣ, смѣшавшись съ пеонами и слугами.

Если гасіенда дель Енганьо изъ долины и отъ подножья Voladero производила впечатленіе совинаго гнѣзда, и мысль, что она обитаема, невольно возбуждала и удивленіе и недовѣріе; если даже съ громадной площади, на которой, какъ грозный призракъ, возвышалось это мрачное, величавое зданіе, оно производило впечатлѣніе неприступной крѣпости, то едва вы переступите порогъ поднавѣса, какъ впечатлѣніе разомъ мѣнялось; вы видѣли себя среди грандіознаго и по истинѣ роскошнаго дворца, богатство, роскошь и изысканность обстановки котораго, безъ сомнѣнія, затмили-бы не только самые роскошные дворцы Мексики, но и дворцы большихъ главныхъ городовъ Европы.

Длинный рядъ поколѣній скопилъ здѣсь всѣ эти сокровища, рѣдкости, цѣнности, картины великихъ мастеровъ испанской, итальянской, фламандской, голландской и англійской школы, цѣнность которыхъ достигала нѣсколькихъ милліоновъ, старинныя бронзы, хрустали, фаянсы и фарфоры, цѣнныя статуи и гобелены, ковры, мѣха, скульптуры и рѣдкое оружіе виднѣлися повсюду. Эта роскошь была серьезная, солидная, почтенная—та роскошь, которую мы можемъ встрѣтить лишь въ рѣдкихъ историческихъ замкахъ и дворцахъ Франціи, Англіи и Испаніи, но о которой не имѣютъ понятія наши современные крезы—выскочки, царьки финансоваго міра.

Вся эта роскошь, всѣ эти богатства являлись плодами стараній и заботъ прежнихъ поколѣній, теперешній-же владѣлецъ гасіенды не внесъ сюда ни единой крохи, не вбилъ, что говорится, въ стѣну ни одного гвоздя; всѣ скопленныя имъ богатства имѣли только денежную цѣнность, но отнюдь

не являлись произведеніями искусства; бандиты не имѣютъ времени быть меценатами — имъ нужна лишь нажива,— его богатства лежали сваленныя въ кучу въ особо приготовленныхъ и построенныхъ для нихъ складахъ и магазинахъ.

При входѣ въ поднавѣсъ пріѣзжихъ встрѣтилъ высокій худощавый человѣкъ.

— А, это вы, Неранха! — сказалъ одинъ изъ четырехъ гостей,—ну что новаго?

— Ничего, сеньоръ донъ Бальдомеро!—отвѣтилъ замбо,— васъ ожидаютъ здѣсь съ величайшимъ нетерпѣніемъ.

— Я это знаю! —отвѣчалъ тотъ, котораго назвали донъ Бальдомеро,—но я раньше не могъ явиться—ведите-же насъ скорѣе къ вашему господину!

Замбо почтительно поклонился и зашагалъ по ряду роскошно убранныхъ комнатъ; наконецъ, откинувъ голубую бархатную портьеру, отворилъ дверь, затѣмъ откинулъ вторую тяжелую портьеру и, сторонясь къ притолкѣ, доложилъ:

-- Сеньоръ донъ Бальдомеро де-Карденасъ и трое другихъ кабаллеро!

Донъ Бальдомеро былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ тонкими чертами и умнымъ проницательнымъ взглядомъ насмѣшливыхъ живыхъ глазъ, скрывавшихся за очками въ тонкой золотой оправѣ, роста высокаго, не толстъ не худъ, съ изящной и привѣтливой манерой и голосомъ, не только мягкимъ, но пожалуй даже немного слащавымъ, которому онъ однако умѣлъ придать большую выразительность. На немъ былъ костюмъ богатаго ранчеро и много разнаго оружія.

Другіе два его товарища, хотя носили то же платье, какъ и онъ, но во всей фигурѣ и выправкѣ ихъ проглядывало нѣчто военное; это были донъ Корнеліо Куебрунтадоретъ и донъ Кристобаль Паломбо.

Четвертый изъ прибывшихъ былъ маленькаго роста толстенькій человѣкъ съ обезьяньей физіономіей, красный, какъ піонъ, вѣчно сопящій, вѣчно движущійся и суетящійся, проворный и вертлявый, какъ мартышка, съ хитрымъ лицомъ, громадными грубыми руками и ступнями ногъ, прикрѣплен-

ными къ изумительно тоненькимъ ножкамъ; звали его донъ Бальтазаръ Турпидъ.

Комната, въ которую ввелъ этихъ четверыхъ лицъ Неранха, представляла собою богатый рабочій кабинетъ, въ которомъ на турецкой софѣ полулежали съ тонкими papillos изъ маиса въ зубахъ двое мужчинъ.

Одинъ изъ нихъ былъ самъ хозяинъ дома, донъ Мануэль де-Линаресъ де-Гуатимотзинъ, а другой молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, красивой наружности, принадлежащій къ одной изъ богатѣйшихъ фамилій провинціи Шихуа-хуа (Schihua hua), былъ старшій или главный алькадъ и начальникъ полиціи города Уресъ, бывшаго въ то время столицей Соноры.

Этотъ молодой человѣкъ слылъ за усерднаго поклонника донны Санты и, какъ говорятъ, ухаживалъ за ней съ разрѣшенія и одобренія дона Мануэля, опекуна молодой дѣвушки; кромѣ того, онъ былъ усерднымъ и весьма полезнымъ сообщникомъ и союзникомъ платеадосовъ.

Когда имъ доложили о пріѣздѣ дона Бальдомеро, оба мужчины встали со своихъ мѣстъ и сдѣлали нѣсколько шаговъ на встрѣчу пріѣзжему.

— Добро пожаловать, другъ мой!—весело привѣтствовалъ его донъ Мануэль,—и вы также,—сказалъ онъ, обращаясь къ остальнымъ.—Ай, ай! кого я вижу!—продолжалъ онъ да это донъ Бальтазаръ Турпидъ! Честное слово, не вѣрю своимъ глазамъ, вѣдь это самый отъявленный домосѣдъ во всей республикѣ, который только разъ за всю свою жизнь съѣздилъ изъ Мексико до Пуэбла-де-Лосъ-Анжелосъ и то чуть было не заболѣлъ отъ такого путешествія.

— Да, это я донъ Мануэль де-Линаресъ и на этотъ разъ увѣренъ, что умру.

— Caraï! я надѣюсь, что нѣтъ, но что же могло васъ заставить нарушить ваши неизмѣнныя привычки?

— Да то, сеньоръ amigo, что даетъ ноги и старымъ, и молодымъ, т. е. необходимость!

— Ну, обо всемъ этомъ послѣ!—сказалъ донъ Бальдо-

меро, а теперь ужъ болѣе двухъ часовъ утра, а мы вѣдь съ девяти утра не имѣли крохи во рту: я положительно умираю съ голода.

— Неужели? но скажите, почему вы пріѣхали только сегодня и такъ поздно ночью, мы вѣдь ожидали васъ еще вчера.

— Да мы такъ и разсчитывали, но намъ по пути дали знать, что за нами слѣдятъ, и намъ пришлось сбить ихъ со слѣда, что было не легко, такъ какъ пришлось имѣть дѣло съ самымъ ловкимъ бандитомъ всей саванны.

— Однако, вамъ все-таки удалось провести его?

— Отлично! благодаря находчивости дона Корнеліо, мы теперь, кажется, надолго отдѣлаемся отъ нихъ.

— На это не разсчитывайте!—возразилъ донъ Корнеліо,— я знаю этого Матадіеса, это настоящій демонъ хитрости и коварства, и мы такъ зло провели его сегодня, что онъ, навѣрное, захочетъ отомстить намъ.

— Хмъ! Господь съ нимъ—лишь-бы подали ужинъ!— сказалъ донъ Бальдомеро.

— Потерпите немного: уже готовятъ medianoche (медіаноче—т. е. полуночникъ).

Въ этотъ моментъ на порогѣ показался Наранха и произнесъ:

— La cena подана.

— Ну, слава Богу! — воскликнулъ донъ Бальдомеро, — право же, этотъ Наранха очень смышленный парень, жаль только, что онъ такъ безобразенъ.

— Всего не возьмешь, что прикажете дѣлать!—тѣмъ-же тономъ отозвался донъ Корнеліо.

Всѣ разсмѣялись и прошли въ столовую, ярко освѣщенную и обставленную съ чисто царскою роскошью. На столѣ былъ поданъ сытный и вмѣстѣ съ тѣмъ изысканный ужинъ въ нѣсколько перемѣнъ.

Сначала всѣ весьма усердно работали ножами и вилками— особенно донъ Бальдомеро, не забывая въ то-же время осушать рюмки и стаканы. Когда всѣ утолили голодъ и съ

видомъ несомнѣннаго довольства откинулись на спинки стульевъ, кто попивая маленькими глоточками вино, кто небрежно играя своимъ приборомъ или переминая салфетку, тогда внесли сигары, кофе и ликеры, а также сигаретты, pajillos и papelitos, и, по знаку дона Мануеля, всѣ слуги тотчасъ-же удалились. Остался одинъ Наранха, но тотъ, въ качествѣ не только довѣреннаго лица, но и соучастника, былъ скорѣе другомъ, чѣмъ слугой, и на этомъ основаніи, конечно, имѣлъ право слышать и знать все.

— Ну, господа, разливайте ликеры, зажигайте сигары и затѣмъ побесѣдуемъ: донъ Бенито де-Газональ и я сгораемъ отъ нетерпѣнія услышать вѣсти, которыя вы намъ привезли.

— Вѣстей не мало и къ тому-же онѣ весьма важны!— сказалъ донъ Бальдомеро,—хотя я лично не много имѣю сказать. Донъ Бальтазаръ Турпидъ писалъ мнѣ о томъ, что въ скоромъ времени прибудетъ въ вашу гасіенду дель Пало-Куемадо (del Palo-Quemado). Я поспѣшилъ и самъ туда явиться, тѣмъ болѣе, что для меня казалось ужасно необычайнымъ то, что донъ Бальтазаръ рѣшился выѣхать изъ Мексико. Чтобы рѣшиться на такое дальнее путешествіе, дону Бальтазару необходимы были довольно вѣскія причины, и это встревожило меня.

— Скажите, видѣли вы полковника? ну, что онъ?

— Все такъ-же твердъ и прямъ, какъ дубъ: не старѣетъ ни на іоту, хотя участвовалъ во всѣхъ походахъ и сраженіяхъ войны за независимость, по прежнему все продолжаетъ играть и пить.

— Да, это, въ извѣстныхъ случаяхъ, причиняетъ намъ не мало хлопотъ и возни.

— Онъ, очевидно, былъ непріятно пораженъ, увидѣвъ меня.

— Я это отлично понимаю: онъ почуялъ ловушку.

— Сразу, и потому-то мнѣ ничего и не удалось сдѣлать, и знайте, что намъ никогда не удастся переманить его на нашу сторону.

— Это, признаюсь меня очень огорчаетъ.

— Въ гасіендѣ я засталъ дона Бальтазара и, передъ отъѣздомъ своимъ оттуда, приказалъ привести Пало-Куемадо въ готовность къ оборонѣ.

— Прекрасно, что-же дальше?

— Остальное вамъ объяснитъ донъ Бальтазаръ, другъ мой. Я-же присоедился къ нашимъ уважаемымъ союзникамъ и друзьямъ, дону Кристобаль Паломбо и дону Корнеліо Куебрантодору, которые ожидали меня съ приличнымъ эскортомъ вполнѣ надежныхъ людей, съ которыми мы и прибыли сюда.

— Надѣюсь, что объ этихъ людяхъ позаботились!—сказалъ донъ Мануель, глядя на Наранху.

— Я самъ присмотрѣлъ за тѣмъ, чтобы они ни въ чемъ не имѣли недостатка, сеньоръ amó!—почтительно отвѣтилъ Замбо.

— Ну, а теперь очередь за вами, донъ Бальтазаръ Турпидъ. Что вы намъ скажете?

— Вотъ, видите-ли, Кабаллеросъ! — началъ маленькій человѣчекъ, опершись на столъ и раскуривая сигару, сопровождая свои слова и дѣйствіе разными гримасами, —прежде всего я считаю нужнымъ объявить вамъ на случай, если это еще не извѣстно вамъ, что недѣли три тому назадъ въ Мексикѣ произошло весьма серьозное pronunciamiento.

— Какъ! pronunciamiento! — воскликнули всѣ присутствующіе почти въ одинъ голосъ, съ выраженіемъ изумленія на лицахъ. Не то чтобы это событіе казалось имъ чѣмъ-то невѣроятнымъ,—нѣтъ! въ Мексикѣ ко всякаго рода революціямъ давно ужъ всѣ привыкли, но просто потому, что, живя въ этой глуши, они уже болѣе двухъ мѣсяцевъ не имѣли никакихъ свѣдѣній о политическихъ событіяхъ внѣшняго міра и столицы республики.

— Да, кабаллеросъ, pronunciamiento и весьма серьезное, доложу вамъ! — продолжалъ онъ, гримасничая пуще прежняго, — менѣе чѣмъ въ два часа времени существующее правительство было низвергнуто и замѣнено другимъ, кото-

рое тутъ же и было утверждено. Но что печальнѣе всего въ этомъ дѣлѣ для насъ, такъ это то, что теперь во главѣ правленія, у кормила, стоятъ люди наиболѣе враждебные намъ.

— Сагаї! — воскликнулъ донъ Бальдомеро, — это намъ обойдется дорого.

— И что-же, это новое правительство прочно? опирается на сильлую партію? — освѣдомился донъ Мануэль, видимо встревоженный этою вѣстью.

— Нельзя сказать, чтобъ оно упиралось на очень сильную партію; но все же можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что это новое правительство продержится съ полгода, если не болѣе.

— Въ такомъ случаѣ, это чистая пагуба.

— Нѣтъ, не совсѣмъ, но положеніе серьезное, даже очень, этого я скрывать не стану. Враги наши интригуютъ повсюду, они вертятся, какъ черти въ святой водѣ, какъ бѣсы передъ заутреней. Мало того, они уже успѣли нанести намъ нѣсколько довольно серьезныхъ уроновъ, но, къ счастью для насъ, у нихъ нѣтъ золотого ключа, которымъ все отпирается; въ ихъ распоряженіи одни только надежды и обѣщанія, а вы сами знаете, что значатъ обѣщанія въ судѣ.

— Какія же непріятности причинили они намъ?

— Двѣ весьма серьезныя: во первыхъ, донъ Порфиріо назначенъ губернаторомъ провинціи Сонора.

— Сагаї! это, вѣроятно, дорого ему обошлось.

— Да, двадцать пять тысячъ піастровъ.

— Чистоганомъ?

— Ну, да! Въ этихъ дѣлахъ въ кредитъ не вѣрятъ.

— Да, но, говорятъ, донъ Порфиріо раззоренъ до нитки.

— Быть можетъ, вы ошибаетесь, и онъ не такъ ужъ раззоренъ, какъ вы полагаете.

— Что касается лично меня, то я ничего объ этомъ не знаю, я повторяю только то, что говорятъ.

— Кто?

— Всѣ.

— Ну значитъ и никто—смотрите не довѣряйте тому, что говорятъ!—сказалъ донъ Бальдомеро,—то, что говорятъ, далеко не всегда бываетъ вѣрно.

— Ну, все равно, важно знать только, какими судьбами онъ добылъ эту сумму.

— Да очень просто: подъ свою подпись на три мѣсяца срока подъ залогъ его двухъ домовъ, которые онъ имѣетъ въ Мексико—онъ получилъ 200.000 піастровъ.

— Что за дуракъ банкиръ, который устроилъ съ нимъ это дѣльце!

— Это я, господа!—съ глуповатымъ видомъ заявилъ разсказчикъ.

Всѣ присутствующіе невольно вскрикнули отъ изумленія.

— Подъ этимъ должна быть какая нибудь подкладка!—сказалъ донъ Мануель, покачивая головой.

— Caraї! — воскликнулъ донъ Бальтазаръ, — всегда и вездѣ есть какая нибудь подкладка!

КОНЕЦЪ *).

---

*) Окончаніемъ этого романа служитъ романъ „Перстъ Божій“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.